

ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ РАН
ИНСТИТУТ БЛИЖНЕГО ВОСТОКА

Научное издание

БЛИЖНИЙ ВОСТОК И СОВРЕМЕННОСТЬ

Сборник статей

ВЫПУСК СОРОКОВОЙ

Ближний Восток и современность
Сборник статей (выпуск сороковой)
М., 2009, 304 стр.

Ответственные редакторы: А.О. Филоник, М.Р. Арунова

Сборник посвящен широкому кругу проблем, связанных с ситуацией на Ближнем и Среднем Востоке. Предлагаемые статьи являются исследованием конкретных вопросов странового и общего порядка, имеющих актуальное научное и практическое значение и раскрывающих суть некоторых явлений и процессов локального и регионального масштабов.

Книга предназначена для специалистов-востоковедов, а также для всех тех, кто следит за динамикой событий в ближневосточном регионе.

Мнение авторов статей может не совпадать с точкой зрения Института.

ISBN 978-5-89394-208-8
ISBN

ISBN 978-5-89394-208-8
ISBN

Москва
2009

© Институт Востоковедения РАН
© Институт Ближнего Востока

СОДЕРЖАНИЕ

А.В.Болдырев ЧЕРНОМОРСКИЕ ПРОЛИВЫ В ПОЛИТИКЕ ТУРЦИИ И РОССИИ В 1992–2008 ГГ.	5
К.В.Вертяев КУРДСКИЙ ВОПРОС В ТУРЦИИ В СВЕТЕ ТЕКУЩЕЙ СИТУАЦИИ НА БЛИЖНЕМ И СРЕДНЕМ ВОСТОКЕ.....	26
А.Г.Гаджиев ЗНАЧЕНИЕ ТУРЦИИ ДЛЯ ОБЩЕЙ ЕВРОПЕЙСКОЙ ПОЛИТИКИ В ОБЛАСТИ БЕЗОПАСНОСТИ И ОБОРОНЫ	36
И.В.Жмуйда, М.Ю.Морозова ГИДРОЭНЕРГЕТИКА ПАКИСТАНА: ПРИРОДНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ И БОРЬБА ЗА СТРАТЕГИЧЕСКИЕ РЕСУРСЫ.....	45
С.Ю.Зинько ПУБЛИЧНАЯ ДИПЛОМАТИЯ И ИНФОРМАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА ИРАНА	61
С.Н.Каменев ПАКИСТАН: РОЛЬ ИНОСТРАННОЙ ПОМОЩИ В РЕШЕНИИ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМ СТРАНЫ.....	78
Э.О.Касаев ИНВЕСТИЦИОННЫЙ РЕЖИМ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ИНОСТРАННЫХ КОМПАНИЙ В ЭНЕРГЕТИЧЕСКОМ КОМПЛЕКСЕ КУВЕЙТА	87
В.И.Месамед ИРАН – РЕСПУБЛИКА УЗБЕКИСТАН: ТРУДНЫЙ ДИАЛОГ	99
Н.З.Мосаки ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КУРДОЯЗЫЧНЫЙ ТЕЛЕКАНАЛ В ТУРЦИИ: МЕДИЙНЫЕ, ПОЛИТИЧЕСКИЕ И ЭТНИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ.....	122
Д.А.Нечитайло ТЕРРОРИСТЫ-СМЕРТНИКИ В ДВИЖЕНИИ ДЖИХАДА	162

Ф.О.Плещунов	
ИСЛАМСКИЕ ЭКСТРЕМИСТЫ В УНИВЕРСИТЕТАХ ВЕЛИКОБРИТАНИИ	189
А.И.Пылев	
НОВЫЕ ГОРИЗОНТЫ РОССИЙСКО-ТУРЕЦКОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ (НАЧАЛО ХХІ В.)	208
Д.А.Саноян	
«АРМЯНСКИЙ ФАКТОР» В КОНТЕКСТЕ ТУРЕЦКО-ИЗРАИЛЬСКИХ ОТНОШЕНИЙ	225
А.Н.Федосееенкова	
СОВРЕМЕННЫЕ КОНЦЕПЦИИ МОДЕРНИЗАЦИИ ИСЛАМСКИХ ОБЩЕСТВ (НА ПРИМЕРЕ ВЗГЛЯДОВ АБДУЛКАРИМА СОРУША И ФЕТХУЛЛЫ ГЮЛЕНА)	250
В.Н.Юрченко	
А. ХАМЕНЕИ О СТРУКТУРЕ СОВРЕМЕННОГО МИРА ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ПРОБЛЕМЫ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА	264

**ЧЕРНОМОРСКИЕ ПРОЛИВЫ В ПОЛИТИКЕ
ТУРЦИИ И РОССИИ В 1992–2008 гг.**

Развал Советского Союза в конце 1991 г. поставил проблему формирования новых принципов по всему спектру российско-турецких отношений. Тем не менее отношения двух стран не претерпели существенных изменений и продолжались в русле прежней политики советско-турецкого сотрудничества. Примером тому служило подписание в 1992 г. Российской Федерацией и Турецкой Республикой Договора об основах отношений между Россией и Турцией, означавшего подтверждение взаимного статуса дружественных государств. Вместе с тем в связи с распадом СССР произошла реструктуризация проблемы Черноморских проливов, что заставило обе страны в значительной степени по-новому обозначить свои интересы в этом вопросе.

Конвенция о режиме Проливов 1936 г.¹ установила свободный проход через Босфор и Дарданеллы для торговых судов с незначительными формальностями в мирное время и разного рода ограничениями в период войны, вплоть до запрета для кораблей воюющих государств проходить через Проливы (Ст. 2–6). В отношении же военных кораблей были введены ограничения по тоннажу, вооружению и количеству с установлением срока их пребывания в Черном море (Ст. 10–18). При этом лимитирования эти касаются главным образом кораблей неприбрежных государств.

Особенностью Конвенции является право Турции по своему усмотрению пропускать или не пропускать через Проливы торговые или военные суда даже в том случае, если Турция не является воюющей стороной (Ст. 6, 21)².

Таким образом, суверенитет над Босфором и Дарданеллами, предоставленный Турции Конвенцией 1936 г.³, сделал ее главным гарантом режима Проливов. Он же, предопределив заинтересованность Турции в сохранении принципов Монтрё,

сделал для нее возможным корректировать существующий режим Черноморских проливов. Преимущество это в дальнейшем сказалось в принятии Турцией нового положения о порядке судоходства на Босфоре.

К началу 80-х годов быстрое увеличение числа судов, проходящих через Проливы, создало аварийную ситуацию в зоне Босфора. Ввиду этого 1 мая 1982 г. Турцией были введены новые *Правила судоходства на Босфоре*. Целью их принятия было упорядочение прохода через Проливы и создание условий для предотвращения аварий. Они предусматривали: требование ко всем кораблям крупного тоннажа, входящим в Стамбульский порт, информировать об этом турецкие власти за неделю до прибытия; обязательство для всех иностранных торговых судов при определенных обстоятельствах брать на борт турецкого лоцмана; требование к военным кораблям и вспомогательным судам вставать на якорь в специальной зоне Стамбульского порта; право турецких властей в случае необходимости временно приостанавливать проход судов через Проливы и т.д.⁴

Введение Правил не вносило принципиальных изменений в Конвенцию 1936 г., и их установление было обусловлено прежде всего возникшей необходимостью и учетом многолетнего печального опыта. Однако факт их одностороннего принятия без консультаций с Межправительственной морской консультативной организацией ООН (с 22 мая 1982 г. Международная морская организация ООН – ММО) и основными пользователями Проливов вызвал многочисленные протесты владельцев кораблей и торговых компаний⁵. Тем не менее Правила судоходства на Босфоре функционировали без изменений вплоть до середины 90-х годов. С началом 90-х годов проблема Проливов перешла в новую фазу.

В целом можно сказать, что потенциал российско-турецкого сотрудничества возрос, что было связано с началом экономических реформ в России и резким расширением торгово-экономических связей России с Турцией, особенно в топливно-энергетической сфере. В то же время в 90-е годы проблема Черноморских проливов в отношениях двух стран в определенной степени усложнилась. В отличие от советского периода для России это не было связано, как прежде, с военными аспектами режима Босфора и Дарданелл. В 90-е годы российский сырьевой экспорт стал преобладающим во внешнеторго-

вом обороте страны. Вместе с тем развал СССР уменьшил возможности России экспортировать нефтепродукты, сделав Проливы, по сути, единственным водным путем, связывающим Россию со странами Средиземноморья. Все это предопределило исключительную заинтересованность России в бесперебойном проходе ее торговых кораблей, прежде всего нефтеналивных танкеров, через Босфор и Дарданеллы.

Со своей стороны, Турция в 90-е годы продолжала укреплять свой суверенитет над Проливами. Так, еще в 1982 г. часть Босфора была отнесена турецкими властями к территории порта Стамбул⁶. Следует учитывать и тот факт, что с середины 1993 г. вместо исторических наименований Проливов – “Босфор” и “Дарданеллы” Турция стала применять названия “Стамбульский порт” и “Чаннакале”. Сами Проливы вместо названия “Черноморские”, что подчеркивало их вненациональный статус, в официальных правительственных документах Турции стали называться “Турецкими”⁷.

Турецкое правительство также предприняло меры по дальнейшему пересмотру пропускного режима Проливов. Это диктовалось прежде всего объективными обстоятельствами. В 1952–1992 гг. в зоне Проливов и Мраморного моря было зафиксировано 444 аварии. В 1994 г. в зоне Босфора и Дарданелл произошли две крупные катастрофы: авария российского танкера “Нассия”, шедшего из Новороссийска, и столкновение шедших под кипрским флагом сухогруза и танкера “Хакассия” с грузом российской нефти. В результате последней катастрофы Стамбулу и его окрестностям был нанесен крупный экологический ущерб. В большинстве случаев аварии происходили из-за нежелания капитанов, вопреки Правилам судоходства от 1982 г., привлекать турецких лоцманов и буксиры, даже когда это было необходимо, что привело к анархии в движении судов⁸. Положение турецких властей было также осложнено тем фактом, что в 90-е годы грузопоток через Проливы резко возрос⁹, что было связано с транзитом товаров из Западной и Центральной Европы по дунайской речной системе и далее через Проливы.

Все это в итоге заставило турецкое правительство принять меры, обеспечивающие безопасность движения в зоне Босфора и Дарданелл, при этом особое внимание было уделено кораблям с опасными грузами и сверхкрупным судам. Предварительная разработка схем разделения движения (СРД) крупных танкеров через Проливы была произведена еще в начале 1993 г.¹⁰

В январе 1994 г. текст нового Регламента о судоходстве был опубликован в турецкой печати. В том же году, подготовив предложения относительно безопасности Черноморских проливов, Турция внесла их в Комитет ММО по безопасности на море (КБМ). После длительной дискуссии и внесения ряда изменений на сессии Комитета (16–25 мая 1994 г.) турецкие предложения были приняты. Комитет радикально переработал предложенный Анкарой проект новых правил судоходства, исключив из него положения, противоречащие Конвенции Монтрё, и обязав Турцию привести Регламент в соответствие с правилами ММО. Тем не менее Россия, Греция и Кипр, на чью долю приходится большая часть грузопотока через Проливы, выступили против принятия нового Регламента¹¹. Несмотря на это, было принято решение о введении Регламента с 24 ноября 1994 г. Катастрофа с “Хакассией” вынудила турецкое правительство ускорить дело. *Регламент о судоходстве в зоне Турецких проливов и Мраморного моря* вступил в действие 1 июля 1994 г.

Отныне капитаны судов должны были заранее информировать власти Стамбульского порта о своем корабле, грузе и маршрутах; для танкеров длиной более 200 м проход через Проливы был установлен только в дневное время¹². Капитаны других крупных судов (150 м и более) перед проходом через Босфор и Дарданеллы должны были предоставлять Администрации (Секретариат по морским делам при премьер-министре Турции) необходимую информацию о судне и грузах для принятия мер по обеспечению безопасности людей, грузов и окружающей среды (Ст. 29). При продолжительном маршруте для крупных кораблей в Регламенте предусматривалось обязательное присутствие лоцманов (Ст. 31). В свою очередь, судно, вынужденное встать на якорь ввиду чрезвычайной ситуации, должно было оплатить услуги лоцмана и буксировку в безопасное место (Ст. 32). Капитаны судов, везущие ядовитые вещества или отходы, должны были получить разрешение на это от турецкого Министерства окружающей среды. Корабли с ядерными двигателями или везущие ядерные вещества и отходы должны были накануне прохода через Проливы получить разрешение на проход в соответствии с правилами Администрации (Ст. 30). Суда, везущие особо опасные грузы (508 т и более) должны были за сутки до входа в Проливы известить власти порта о необходимости присутствия на борту лоцмана (Ст. 7).

Крупные суда с опасными грузами не должны были входить в Проливы одновременно. Расстояние между ними должно было составлять 20 миль (37,04 км) (Ст. 52). Соответственно расстояние между судами с другими грузами отныне составляло 1,5 км (Ст. 18). Скорость движения в Проливах по сравнению с правилами 1982 г. для всех судов осталась прежней (18,5 км/час) (Ст. 17)¹³.

Таким образом, внося изменения в порядок судоходства через Черноморские проливы, турецкие власти ввели ограничения на свободу прохода через Проливы крупнотоннажных судов. Это касалось в первую очередь кораблей с опасными грузами (нефтью и нефтепродуктами) и вызвало протест со стороны стран, заинтересованных в свободе судоходства через проливы – Греции, Кипра и прежде всего России.

Первые возражения России прозвучали еще на стадии предварительного обсуждения новых правил СРД, направленных Турцией в ММО в начале июня 1993 г. 24 марта 1994 г. на заседании комиссии КБМ российская делегация заявила, что представленный Турцией текст нового Регламента противоречит Конвенции Монтрё и некоторым международным правилам (согласно Ст. 2 Конвенции Монтрё предусматривается свободный проход торговых судов в любое время суток без каких-либо формальностей – ограничений движения по размеру, осадке судов и типу перевозимого ими груза). Тем не менее турецкая сторона отказалась от предварительного обсуждения внесенных ею изменений в порядок пользования Проливами, заявив, что повышение уровня безопасности в зоне Проливов соответствует интересам и самой России¹⁴. В ответ российский МИД заявил в меморандуме от 30 июня 1994 г., что военноморские силы и торговые суда России при проходе через Проливы будут выполнять лишь те положения Регламента, которые не противоречат международному праву и решениям международных организаций¹⁵.

Все же в дальнейшем Турции пришлось скорректировать свою позицию относительно введения новых правил судоходства в Проливах. Уже в октябре 1994 г. в Юридическом комитете ММО большинство делегатов заявило, что турецкий Регламент не соответствует правилам и рекомендациям ММО, международному праву и Конвенции Монтрё. Это свидетельствовало о том, что в связи с ускоренным вводом в действие Регламента Турция не успела реализовать в полной мере требо-

вания Комитета по безопасности на море. В ноябре 1995 г. Ассамблея ММО утвердила правила, выработанные в КБМ ММО годом раньше, подтвердив право любых судов пользоваться проливами в соответствии с конвенцией Монтрё¹⁶.

Эти и последующие решения органов ММО смогли быть приняты после кропотливой и последовательной работы российских представителей с причерноморскими странами, со странами-участницами Конвенции Монтрё и в рамках шести ведущих морских держав (Россия, США, Великобритания, Германия, Франция и Япония). Дело в том, что в это время в ММО параллельно с обсуждением вопроса о Черноморских проливах шло обсуждение проблемы судоходства в Малаккском и Сингапурском проливах. Используя заинтересованность США в беспрепятственном судоходстве в этих водах, Россия смогла доказать, что если Турции удастся создать в Проливах прецедент принятия в одностороннем порядке национальных правил судоходства по международным морским путям, то в дальнейшем это может быть использовано Малайзией, Сингапуром и другими государствами. В результате ведущие морские державы поддержали позицию России (ранее эти государства, за исключением Франции, либо по политическим соображениям поддерживали позицию Турции, либо отмалчивались)¹⁷.

Усилия России оказались не напрасными. Турция пошла на переговоры с Россией. На ноябрьской Ассамблее ММО в 1995 г. Турция приняла предложение России о проведении консультаций по совместной подготовке дополнительных правил ММО. В ходе двух раундов российско-турецких консультаций в первой половине 1996 г. российская делегация признала, что 10-кратный рост судоходства в Проливах с 1936 г. усиливает риск для окружающей среды и безопасности судоходства, но одновременно настаивала, чтобы дополнительные меры регулирования режима Проливов предварительно согласовывались Турцией с Россией и другими участниками Конвенции¹⁸. Гибкая позиция и России, и Турции способствовала тому, что к середине 1996 г. страны согласовали ряд поправок к Регламенту 1994 г. Однако летом 1996 г. работа российско-турецкой группы вновь была заблокирована¹⁹. Между Россией и Турцией оставались разногласия по поводу использования Проливов.

Так, в августе 1997 г. Турцией было принято решение оснастить Проливы 24 современными радарами с целью повышения безопасности судоходства. Сама Турция при этом

выражала надежду, что в реализации этого проекта примут участие страны СНГ, пользующиеся Проливами. В дальнейшем (возможно, по финансовым соображениям) Турция предпочла решать проблему не техническими средствами, а путем административного регулирования. В ответ Россия вновь выразила Анкаре протест по поводу разрешительного порядка пользования Проливами. Техническое оснащение Проливов началось в 2000 г.

В этих условиях Россия вновь возобновила обсуждение поднятых вопросов как на основе двусторонних консультаций с Турцией, передав ей российский проект изменений Регламента 1994 г., так и в ММО. В результате в мае–июне 1997 г. Рабочая группа ММО в составе представителей 17 стран (включая причерноморские ведущие морские державы и основных пользователей Проливами) провела работу по составлению новых правил ММО²⁰.

Таким образом, в ММО сложился консенсус в пользу принятия новых морских правил, которые должны были нейтрализовать спорные статьи турецкого Регламента. В этих условиях на ноябрьской Ассамблее ММО в 1997 г. Турция заявила о своей готовности пересмотреть Регламент 1994 г. с учетом мнения ряда стран, включая Россию. 6 ноября 1998 г. в Анкаре был опубликован измененный текст *Национального регламента судоходства в проливной зоне*. Принятию Регламента 1998 г. предшествовала серия двусторонних консультаций с основными пользователями Проливов. В результате Турция приняла часть российских замечаний.

В итоге новый Регламент не предусматривает более разрешительного порядка прохода через Проливы крупных нефтеналивных танкеров, облегчает правила судоходства (отмена штрафов и наказаний) и четко исключает порядок прохода военных кораблей из сферы своего действия²¹.

Тем не менее, несмотря на некоторую либерализацию режима прохода через Босфор и Дарданеллы, ряд статей нового Регламента (Ст. 20, 25, 26) позволяет турецким властям приостанавливать и препятствовать прохождению через Проливы тех кораблей (прежде всего танкеров и крупнотоннажных судов), которые не удовлетворяют требованиям экологической безопасности²².

Позднее, в мае 1999 г. Турции удалось заблокировать дальнейшее обсуждение в ММО вопроса о режиме Проливов.

На этот раз позиция Турции была поддержана США, которым в связи с войной в Югославии было необходимо сохранить солидарность стран-членов НАТО²³.

Дискуссии по поводу принятия Турцией Регламента о судоходстве в 1994 г. показали, что в турецкой и российской трактовках реализации Турцией своих контрольных функций в Проливах имеются разночтения. Со стороны Турции было продемонстрировано желание усилить свой контроль в Проливах, стараясь не выходить при этом за рамки Конвенции Монтрё. В значительной степени это было связано с небезграничной пропускной возможностью Черноморских проливов и реальными основаниями для Турции беспокоиться за безопасность своей территории из-за участвовавших аварий. По мнению России, режим Проливов определяется прежде всего их международным статусом, в рамках которого делегирование Турции части суверенитета над проливами не означает предоставления ей права вносить изменения в режим судоходства без предварительного обсуждения этого вопроса с остальными участниками Конвенции Монтрё. Тем не менее компромиссный вариант нового Регламента показал умение России и Турции находить общие точки соприкосновения при учете взаимных интересов²⁴.

На современном этапе Проливы стали не только важной водной артерией в мировой торговле, но и серьезным фактором в перспективных планах по сооружению магистральных трубопроводов для прокачки нефти и газа в страны Европы. Сама Турция имеет ограниченные запасы нефти и газа. Поэтому еще в 1984 г. Турция подписала с СССР соглашение сроком на 25 лет о газовых поставках, начиная с 1987 г. Ограничения, наложенные турецким правительством на транзит нефти через Проливы, вынудили российскую сторону начать с середины 90-х годов поиски компромисса с Турцией и в газовом вопросе. Итогом этого стало подписание Россией и Турцией в декабре 1997 г. соглашения о поставках газа в Турцию через трубопровод по дну Черного моря²⁵ (проект "Голубой поток"). Результаты этого соглашения, видимо, во многом повлияли на принятие Турцией через год более приемлемого для России Регламента о судоходстве.

Помимо этого в ноябре 1999 г. в Стамбуле президентами Турции, США, Азербайджана и Грузии было подписано соглашение о строительстве трубопровода Баку–Тбилиси–Джейхан (Турция).

Данный проект был направлен на то, чтобы уменьшить привязку Турции к российским трубопроводам, а также (что немаловажно) снизить нагрузку на Черноморские проливы²⁶.

Между тем, в 90-е годы значительно увеличились объемы поставки нефти из Казахстана и района Каспийского моря. В этих условиях действия Анкары, помимо стремления диверсифицировать пути транспортировки энергоресурсов, могут объясняться и желанием усилить значение Турции как транзитной страны. Это позволит обеспечить полную загрузку нефтепровода Баку–Джейхан и облегчит поставки нефти в страны Европы, поскольку в этом случае каспийская нефть потечет сразу к побережью Средиземного моря (минуя Черное)²⁷.

Следует также отметить, что политика Турции в отношении нефтепроводов является частью ее общего курса, направленного на облегчение экологической нагрузки на Черноморские проливы. В интервью газете “Коммерсантъ” от 31 августа 2004 г. премьер-министр Турции Р. Эрдоган заявил, что ввиду экологической ситуации странам-экспортерам нефти следует отказаться от использования Черноморских проливов и присоединиться к турецкой инициативе по использованию обходных нефтепроводов. При этом премьер-министр откровенно высказался относительно того, что количество собственно российских танкеров, проходящих через Проливы, превысило все возможные пределы²⁸. О желании Турции перенаправить часть нефтепотока в обход Черноморских проливов свидетельствует и ряд мер по ограничению прохода танкеров через Босфор и Дарданеллы, предпринятых Турцией уже после принятия ею в 1998 г. нового Регламента. Так, еще в декабре 1997 г. были повышены пошлины на проход через Проливы иностранных судов, а супертанкеры должны были теперь в обязательном порядке извещать турецкие власти о своем входе в Проливы за 48 часов. Через год танкеры любого тоннажа приравняли к судам, перевозящим опасные грузы, и их проход в Дарданеллах в ночное время был запрещен. В июле 2000 г. был запрещен проход в Проливах для судов, длина которых превышает 304 м. В январе 2004 г. и танкерам любого тоннажа запретили проход через оба Пролива в ночное время²⁹. Наконец, во время визита президента РФ В. Путина в Анкару в декабре 2004 г. Турция отказалась снять в рамках предложенного Россией межправительственного соглашения “О торговом судоходстве в Турецких проливах” сохранившиеся в Регламенте 1998 г.

достаточно жесткие ограничения на проход через Проливы нефтеналивных танкеров³⁰.

Таким образом, Турция демонстрирует решимость усилить экологический контроль в Проливах за счет предельного уменьшения нефтепотока и других опасных грузов, проходящих через Босфор и Дарданеллы. Возможно, что при этом Турция выходит за рамки собственно Конвенции Монтрё. Следует, однако, учитывать, что политика турецких властей обусловлена прежде всего большим числом экологических катастроф, произошедших в Проливах в течение последних десятилетий, а также тем фактом, что часть статей Конвенции Монтрё, принятой более 70 лет назад, уже не вполне соответствует современным условиям.

Тем не менее переориентация транзита нефти в определенной степени противоречит российским интересам. Напомним, что 46% экспортных поставок Россия осуществляет морским путем. При этом 30% российского нефтеекспорта идет собственно через Черноморские проливы³¹. С введением в строй в 2001 г. первой очереди Каспийского трубопроводного консорциума (КТК) нефтяные перевозки многократно возросли (через Босфор и Дарданеллы предполагалось экспортировать до 7 млн. т нефти при пропускной способности первой очереди 28 млн. т)³². По данным Анкары, за 2002–2005 гг. количество танкеров, проходящих через Проливы, увеличилось на 50%³³. При этом в отличие от трубопровода, который жестко привязывает экспортера к национальному рынку, морской транзит позволяет транспортировать нефть в любую точку мира. Босфор и Дарданеллы играют здесь особую роль, во-первых, позволяя России получать дополнительную прибыль за транзит азербайджанской и казахстанской нефти и, во-вторых, как уже отмечалось, являясь удобным путем на западные рынки. Переориентация своего нефтетранзита на Балтику для России невыгодна ввиду ограниченных возможностей местных терминалов и низкой пропускной способности Балтийских проливов³⁴.

В то же время в России также осознают и опасность постоянно увеличивающейся нагрузки на Черноморские проливы. В этих условиях Россия активизировала поиск альтернативных путей транзита нефти, остановив свой выбор на проекте Трансбалканского нефтепровода³⁵.

Таким образом, поиск путей транспортировки нефти сохраняет актуальность проблемы Проливов в российско-

турецких отношениях. Понятно желание Анкары обезопасить Босфор и Дарданеллы от транзита опасных грузов. В то же время Турция не может в одностороннем порядке регулировать свободу судоходства в Проливах. Однако и Россия должна понимать, что постоянная нагрузка на Проливы создает опасность экологических катастроф, что неоднократно приводило к тяжелым последствиям. Вследствие этого Россия должна искать альтернативные пути поставки энергоресурсов, что позволит разгрузить Проливы и избавит Россию от односторонней привязки к ним.

Рассматривая проблему взаимоотношений между Турцией и Россией в области использования Проливов, можно также прийти к выводу, что она включает в себя три аспекта: 1) проблема перегруженности Проливов; 2) риск экологических катастроф; 3) обходные нефтепроводы как компромиссный вариант транспортировки нефтепродуктов. Для того, чтобы наметить конкретные пути решения проблемы Проливов, необходимо рассмотреть каждый из этих аспектов.

Проблема перегруженности Проливов

Следует отметить, что степень реальной загруженности Проливов довольно трудно оценить из-за того, что существуют разные, порой взаимоисключающие оценки пропускной способности Босфора и Дарданелл. По мнению турецких властей, оптимальный объем при транспортировке нефти танкерами должен составлять 75–85 млн. т в год. По оценке же российских специалистов, Проливы могут пропускать (без существенного экологического ущерба) до 200 млн. т нефти в год. Так, по оценке специалистов кафедры экономики и мониторинга Новороссийской государственной морской академии (НГМА) в 2006 г. Босфор был загружен лишь на 30–40% своей мощности³⁶.

При такой противоречивости мнений заслуживает внимания оценка пропускной способности Черноморских проливов, данная международной страховой компанией “Lloyd’s Register”, чьи эксперты, проведя соответствующее исследование, пришли к выводу, что пропускная способность Босфора и Дарданелл при условии модернизации их инфраструктуры и введения современного радарного оборудования может составить 145 млн. т нефти в год³⁷. Как видим, оценка “Lloyd’s Register”

находится приблизительно посередине между позициями двух самых заинтересованных сторон и поэтому может считаться наиболее взвешенной. Вследствие этого можно сделать вывод, что оптимальные пределы пропускной способности Проливов еще не превышены.

Риск экологических катастроф

На сегодняшний день суда длиной более 200 м и с осадкой более 15 м должны заходить в Проливы только днем, а при их проходе другие суда, следующие встречным курсом, должны ждать. Ограничения в этом плане предусмотрены и в отношении судов с ядерными двигателями, радиоактивными грузами и вредными отходами. Лимитирование относится также к высоте кораблей и скорости их движения.

К сожалению, Турция не публикует подробной официальной статистики аварий в Проливах, связанных с проходом крупных нефтеналивных танкеров. В связи с этим приходится опираться на данные, представленные специалистами упомянутой НГМА. Согласно их оценкам, допустимая длина судна для безопасного прохождения через Проливы должна составлять 250 м, а предельная осадка – 20 м. При этом, по их мнению, даже суда длиной 300–315 м и тоннажем 200–250 тыс. т не представляют угрозы для Проливов.

Это перекликается с данными, представленными информационно-аналитическим агентством “Sea news”. По мнению большинства специалистов, опрошенных этим агентством, опасность экологических катастроф определяется не столько объемами грузооборота, сколько интенсивностью судоходства и тоннажами отдельно взятых танкеров. Как фактор риска специалисты расценивают и ограничения на проход крупнотоннажных судов, поскольку во время их прохождения через Босфор вводится одностороннее движение. Такие ограничения создают скопления судов при входе в проливы. Эти причины вынуждают компании фрахтовать суда меньшего тоннажа, чтобы иметь возможность проследовать через Проливы без задержек³⁸.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что проблема, связанная с опасностью экологических катастроф, заключается главным образом не в увеличении объема перевозок опасных грузов, а в уменьшении тоннажа танкеров, следующих через

Проливы, и, как следствие, в увеличении их количества. Исходя из этого, снижение количества проходов через Черноморские проливы малотоннажных танкеров (за счет либерализации режима для крупнотоннажных судов) позволит существенно уменьшить экологические риски³⁹.

Проблема обходных нефтепроводов

Ввиду того, что, несмотря на все протесты и переговоры, турецкая сторона остается непреклонной в отношении сохранения достаточно жесткого режима Проливов, существует мнение, что наиболее оптимальным решением проблемы Проливов является строительство обходных трубопроводов. Однако так считают не все. По мнению большинства опрошенных “Sea news” специалистов, трубопроводы не смогут разрядить сложившуюся ситуацию.

Действительно, сегодня существует несколько проектов трубопроводов, имеющих целью существенно уменьшить постоянно нарастающий нефтепоток через Черноморские проливы: Констанца–Омешаль (Хорватия), Констанца–Триест, Бургас–Влоре или Дурре (Албания), несколько турецких проектов, в том числе Кыйкей–Ибрикхаба и Супса–Джейхан, а также рассмотренные ранее Баку–Джейхан и Бургас–Александруполис. Каждый маршрут интересен сам по себе, но имеет серьезные недостатки.

Так, турецкие проекты одни из самых дешевых. Однако они, как и нефтепровод Баку–Тбилиси–Джейхан, идут по территории Турции, и оказаться в определенной зависимости от Турции – не лучшая перспектива для России. Проект трубопровода из Болгарии в Албанию является одним из самых длинных и дорогих, к тому же лоббируется США, а следовательно, для России он также неприемлем. Трубопроводы из румынской Констанцы наталкиваются на успешное сопротивление природоохранных общественных движений.

По сравнению с вышеперечисленными вариантами проект нефтепровода Бургас–Александруполис является одним из наиболее популярных обходных маршрутов. Он сравнительно дешев (около 700 млн. долл.), у него небольшая протяженность (320–400 км), он не создает особых геополитических проблем. По данным интернет-сайта “Независимое нефтяное

обозрение”, пропускная способность названного трубопровода будет достигать 30–40 млн. т нефти в год⁴⁰. Однако и у этого проекта есть недостатки.

Во-первых, порт Бургас относительно мелководен, следовательно, это создает проблему для крупнотоннажных танкеров (хотя эта проблема решается). Во-вторых, с точки зрения интересов России и Казахстана, использование этого трубопровода выглядит проблематичным. Дело в том, что в перспективе на средиземноморский рынок ежегодно будет выходить до 55 млн. т казахстанской и азербайджанской нефти (через КТК, нефтепровод Баку–Джейхан, а также через Батумский порт). К этому следует добавить возможное увеличение экспорта иракских углеводородов через тот же Джейхан и присутствие на рынке традиционных поставщиков нефти из Алжира и Ливии. Принять такой гигантский объем нефти – большая проблема для Европы.

Наконец, в-третьих, для казахстанских партнеров России упомянутый маршрут является вынужденной мерой, поскольку ведет к удорожанию транспортировки. Для доставки потребителям каждая тонна казахстанской нефти должна пройти через 2–3 трубопровода и перегружаться в 4 морских портах разных стран. По оценкам российской компании “Gas Novorosiysk”, при использовании трубопровода Бургас–Александруполис транспортировка тонны нефти должна подорожать на 2–7 долл. по сравнению с маршрутом через Босфор⁴¹.

Как видим, реализация проектов обходных нефтепроводов не может полностью заменить морской маршрут через Проливы. Это не снижает (и тем более не отменяет) для России необходимость диверсификации энергопотоков. В то же время активизация российских проектов на Балтике, а также на северном и южном направлениях (проекты нефтепроводов до Мурманска и в Китай), не уменьшает нефтяных интересов России на Черном море. Турция также понимает, что Босфор и Дарданеллы являются важнейшей транспортной артерией для России. Единственными воротами в Мировой океан для Украины, Грузии, Болгарии и Румынии. В судоходстве через Проливы весьма заинтересованы и такие могущественные нефтяные компании, как британо-российская “ТНК-ВР” и американская “Shevron”. В связи с этим Турция не ограничивается политикой административного регулирования в Проливах, но и предпринимает значительные усилия для организации безопасности движения судов.

Так, в 2000 г. Турция начала внедрение современной системы управления движением судов (СУДС), разработанной фирмой “Lochead Martin”. В марте 2004 г. СУДС была введена в эксплуатацию. Внедрение таких систем обычно облегчает судоходство. По мнению специалистов (в том числе компании “Lloyd’s Register”), система увеличивает пропускную способность Проливов от 100–110 до 145 млн. т нефти в год (по сравнению с 95 млн. т нефти в год в 1999 г.)⁴². У Турции есть планы по дальнейшему усовершенствованию мер безопасности в Проливах.

Тем не менее введение системы управления движением не смогло оправдать возложенных на нее ожиданий. Статистика свидетельствует, что время прохода через Проливы не сократилось, а значительно возросло. В марте 2006 г. (после года работы СУДС в полноценном режиме) средняя продолжительность простоев судов в южном направлении (на выход из Черного моря) составила на Босфоре 85 часов, а в Дарданеллах 93 часа, на северном направлении соответственно 76 и 94 часа (накануне ввода СУДС в эксплуатацию эти простои составляли в южном направлении 23 и 21 час, в северном – 21 и 69 часов соответственно)⁴³. Во многом это связано с отсутствием на кораблях, проходящих через Проливы, современного навигационного оборудования (и в первую очередь на судах из стран СНГ). Кроме того, для увеличения интенсивности движения в Проливах при снижении уровня аварийности (а это составляло главную задачу СУДС) необходимы высококлассные специалисты на кораблях (прежде всего лоцманы) и на береговых станциях⁴⁴. На сегодняшний день таких специалистов явно недостаточно.

Таким образом, введение в действие системы управления движением судов не смогло оптимизировать пропускную способность Проливов. Угрозы экологических катастроф по-прежнему высоки. Главное, однако, состоит в том, что СУДС и другие нововведения не приведут к значительной либерализации правил прохождения через Проливы.

Изучая существующие проблемы использования Проливов, можно прийти к выводу, что их предельная пропускная способность еще не превышена, а вина за экологическую ситуацию в зоне Босфора и Дарданелл частично лежит и на самой Турции ввиду не всегда разумного жесткого административного регулирования судоходства и отсутствия эффективно работающей диспетчерской службы в зоне Проливов. Строительство же обходных трубопроводов не является оптималь-

ным решением проблемы транспортировки нефти, поскольку морской путь через Черноморские проливы представляет собой более эффективный вариант доставки энергоресурсов в разные страны мира.

Все это заставляет предположить, что полностью урегулировать спорные моменты в отношении Проливов между Турцией и Россией вряд ли удастся. Интересы их здесь значительно расходятся. Несмотря на то, что предельная загрузка Проливов еще не достигнута, уже сейчас Турция с трудом справляется с существующим объемом судоходства и вряд ли пойдет на дальнейшую либерализацию режима Проливов, поскольку это грозит еще более усугубить экологическую ситуацию. В свою очередь, Россия также не откажется полностью от использования Проливов в качестве выгодного торгового пути. В пользу этого у нее есть сильные аргументы – существующее международное право и поддержка в ММО со стороны значительной части стран-экспортеров нефти. В сложившейся ситуации, пожалуй, наиболее оптимальным решением для двух государств является сотрудничество по предотвращению экологических катастроф в Проливах. Первые результаты уже есть. В 2006 г. Россией и Турцией были проведены в Проливах совместные учения по ликвидации разлива нефти.

Несмотря на периодические осложнения между Россией и Турцией, их взаимоотношения в последние годы определялись традиционным партнерством и сотрудничеством. В июне 1992 г. при участии России и Турции была создана *организация Черноморского экономического сотрудничества (ЧЭС)*, куда помимо России и Турции вошли еще 9 государств Причерноморского региона⁴⁵. Деятельность ЧЭС направлена на создание крупных региональных экономических проектов, в частности, на создание вокруг Черного моря транспортного кольца с выходом на транспортные магистрали в странах Европы, Ближнего и Среднего Востока. Принятие новой редакции Регламента о судоходстве в 1998 г. показало способность Турции к компромиссу, ее умение учитывать интересы своего партнера. В ноябре 2001 г. в Нью-Йорке был подписан российско-турецкий «План действий по сотрудничеству в Евразии» для стабилизации обстановки на Балканах, Кавказе и Средней Азии. В декабре 2004 г. по итогам визита президента России в Турцию была принята совместная декларация о новом уровне двусторонних связей и многопланового сотрудничества.

В январе 2005 г. в Москве с ответным расширенным визитом (первым в качестве премьер-министра Турции) побывал глава турецкого правительства Р. Эрдоган⁴⁶. В рамках визита были обсуждены новые аспекты наиболее важных международных и региональных проблем: формирование многополюсной системы мироустройства, укрепление роли ООН и обеспечение принципов международного права, а также перспективы иракского и ближневосточного урегулирования, ситуация в Афганистане, вопрос о нормализации отношений Турции с Арменией. Были также рассмотрены меры по формированию благоприятных условий для дальнейшего развития многостороннего и двустороннего сотрудничества в Черноморском регионе, в частности, перспективы турецко-российского взаимодействия в рамках организации ЧЭС и по соглашению о создании Черноморской военно-морской группы оперативного взаимодействия "Блэксифор"⁴⁷.

В ходе проведения переговоров между главами дипломатических ведомств двух стран С. Лаврова и А. Бабаджана были обсуждены приоритетные вопросы турецко-российских отношений в политической, торгово-экономической и гуманитарной областях. В этой связи обе стороны подчеркнули важность политического диалога на высшем уровне, в частности, по "Плану совместных действий двух стран в Евразии".

Следует отметить, что особый акцент в турецко-российских дискуссиях был сделан на мерах по экономическому сотрудничеству. Так, в ходе визита в Москву турецкой правительственной делегации достигнута договоренность об увеличении поставок российского газа и участии российских компаний в его распределении на территории Турции, были затронуты перспективы строительства газохранилища на территории Турции, поставок российского сырья в третьи страны и более эффективного использования (в экономическом плане) Черного моря⁴⁸.

В то же время, несмотря на то, что результаты визита Р. Эрдогана в Москву в целом были положительными, вопрос о транспортировке нефти через Черноморские проливы по-прежнему остается до некоторой степени проблемным во взаимоотношениях двух стран. Так, еще в ходе визита В. Путина в Турцию в декабре 2004 г. Москва отказалась поддержать турецкие проекты по строительству нефтепроводов Кыйкей–Ирикхаба и Самсун–Джейхан. Турецкая же сторона в январе 2005 г. вновь отклонила просьбу Москвы об отмене суще-

ствующих ограничений на режим прохода нефтетанкеров через Проливы⁴⁹.

Таким образом, в ходе Московской встречи руководителей Турции и России был обсужден ряд вопросов ближневосточной и мировой политики, намечено более тесное взаимодействие в Черноморском регионе в экономическом отношении, по проблеме безопасности и ряду других важных направлений. Все это свидетельствует о том, что, несмотря на существующие разногласия между Россией и Турцией по вопросу использования Проливов, общая динамика развития турецко-российских отношений весьма позитивна.

Так, активно ведется сотрудничество в рамках ЧЭС, где с 1 мая 2007 г. место председательствующего (после России) заняла Турция. Усиливается взаимодействие двух стран по поддержанию безопасности Черноморского региона (в рамках упомянутой Черноморской группы ВМС “Блэксифор” для решения антитеррористических и пр. задач). В особенности активно сотрудничество двух государств развивается в топливно-энергетической сфере, ключевом направлении российско-турецких связей⁵⁰. Благодаря этому за 1992–2007 гг. торговый оборот между Россией и Турцией увеличился в 13 раз. В результате объем турецко-российских торгово-экономических связей достиг в 2008 г. рекордного уровня в 27 млрд. долл. Многосторонние связи между нашими странами укрепляются и в сфере образования и культуры. Их итогом стало объявление 2007 г. годом российской культуры в Турции, а 2008 г. годом турецкой культуры в России.

Что касается проблемы Проливов в российско-турецких отношениях, то она и сегодня не потеряла своей актуальности. В 1992–2008 гг. она характеризовалась стремлением двух стран найти оптимальный вариант реализации своих национальных интересов. Постоянно нарастающий грузопоток через Проливы вынуждает турецкое руководство принять меры для минимизации рисков для своей страны. Немаловажную роль играет и заинтересованность Турции в переориентации части нефтяных и газовых потоков через свою территорию, что должно усилить ее позиции в регионе.

Политика России определяется необходимостью сохранения и укрепления своих политических, военных и экономических позиций в Черноморском регионе, в силу чего исключительную важность для нее приобретает свободный выход через Черное

море и Проливы в Средиземное море к рынкам Западной Европы, Ближнего Востока и Северной Африки. Но Россия готова учитывать интересы Турции. Об этом свидетельствует поиск альтернативных путей транспортировки энергоресурсов для уменьшения нагрузки на Проливы.

При этом Турция и Россия в своей политике учитывают, что проблема Проливов касается всех стран, заинтересованных в сохранении международного характера Босфора и Дарданелл, в силу чего обеспечение безопасности судоходства и снижение вероятности возникновения экологических катастроф является важнейшей задачей для стран Черноморско-Средиземноморского региона. В этой связи перспективы согласования российско-турецких интересов по проблеме Проливов видятся в продолжении традиционного сотрудничества двух стран в топливно-энергетической сфере, в рамках существующих Черноморских организаций, а также в умении России и Турции, опираясь на нормы международного права, находить компромисс со *всеми* государствами, заинтересованными в свободе судоходства через Проливы.

¹ Данная Конвенция была подписана 20 июля 1936 г. на международной конференции в Монтрё. Конвенцию подписали Турция, СССР, Великобритания, Франция, Югославия, Болгария, Греция, Румыния, Япония. В 1938 г. к Конвенции присоединилась Италия, в 1951 г. из нее вышла Япония.

² Конвенция о режиме Проливов 20 июля 1936 г. (Швейцария). Приложение // Турция между Европой и Азией. М., 2001, с. 520–526.

³ Согласно Ст. 24 Конвенции Монтрё, контрольные функции над Проливами переходили от международной комиссии, образованной в 1923 г., к турецкому правительству. Это не означало отказа от международного статуса Проливов, о чем свидетельствовало обязательство Турции предоставлять участникам Конвенции сведения и отчеты о военном и торговом мореплавании в Босфоре и Дарданеллах.

⁴ Middle East Economic Digest (VEED). London. 1982. V. 26, № 18, с. 31.

⁵ Согласно Ст. 1 Конвенции Монтрё, осуществление права свободы мореплавания в Проливах должно регулироваться “постановлениями настоящей Конвенции”. Это подразумевает в случае внесения изменений в Правила необходимость предварительной консультации с остальными участниками Конвенции.

⁶ <http://www.3plp.ru/bl/?p=58> id news=3261

⁷ Эти названия в дальнейшем были закреплены в турецких регламентах о судоходстве через Проливы 1994, 1998 гг.

⁸ По данным лондонской газеты “Lloyd’s List”, в 1982–1994 гг. в инциденты в зоне Проливов было вовлечено 294 судна, из которых только 40 имели на борту лоцманов (57% происшествий составляли столкновения).

⁹ В 90-е годы через Проливы ежегодно проходило 35–45 тыс. судов в год.

¹⁰ Подробнее о разработке Турцией мер по усилению безопасности в Проливах см.: Акгюн М. Черноморские проливы: незримые связи (Мраморноморский университет, Стамбул) // Российско-турецкие отношения: история, современное состояние и перспективы. М., 2003.

¹¹ <http://www.ia-centr.ru/achive/comments&48Б.html?id=665>

¹² Как правило, это были танкеры или военные корабли РФ.

¹³ Maritime Traffic Regulations for the Turkish Straits and the Marmara Region // Turkey. Almanac. Ankara, 1995, с. 172–185.

¹⁴ За 11 месяцев 1995 г. в Босфорском проливе было зафиксировано лишь одно столкновение.

¹⁵ <http://www.ia-centr.ru/achive/comments&48Б.html?id=665>

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Возможно, это было связано с приходом к власти в Турции в июне 1996 г. правительства во главе с лидером происламской Партии Благополучия (ПБ) Н. Эрбаканом.

²⁰ Турция не принимала участия в Рабочей группе.

²¹ <http://www.ia-centr.ru/achive/comments&48Б.html?id=665>

²² <http://www.nefte.ru/trubo/trubo32.htm>

²³ <http://www.ia-centr.ru/achive/comments&48Б.html?id=665>

²⁴ За рамками настоящей статьи остались военные аспекты режима Проливов в 90-е годы. Это прежде всего объясняется тем, что при принятии правил судоходства в 1982, 1994, 1998 гг. статьи, касающиеся прохода военных кораблей через Проливы, практически не затрагивались. В то же время динамика изменений правил судоходства показывает, что рано или поздно эти изменения могут коснуться и военных аспектов режима Проливов.

²⁵ Компромисс заключался в Ст. 5 данного соглашения, согласно которому Турция получала возможность реэкспорта получаемого газа в третьи страны по взаимной договоренности с Россией. Газопровод был сдан в эксплуатацию в феврале 2003 г.

²⁶ Нефтепровод Баку–Джейхан был сдан в эксплуатацию 13 июля 2006 г.

²⁷ В настоящее время поставки нефти через Турцию осуществляются по трубопроводу Баку–Новороссийск и далее морским транзитом через Проливы. В 2001 г. этот маршрут был дополнен новым нефтепроводом Тенгиз (Казахстан–Новороссийск в рамках Каспийского трубопроводного консорциума – КТК).

²⁸ <http://www.kommersant.ru/doc.aspx?Docs ID=50136>

²⁹ <http://www.profile.ru/items=8871>

³⁰ <http://www.ia-centr.ru/achive/comments&48Б.html?id=665>

³¹ <http://www.nefte.ru/trubo/trubo32.htm>

³² Вторая очередь трубопровода (на 67 млн. т) будет введена в эксплуатацию в 2008–2010 гг.

³³ <http://www.ia-centr.ru/achive/comments&48Б.html?id=665>

³⁴ <http://www.profile.ru/items=8871>

³⁵ 15 марта 2007 г. между Россией, Болгарией и Грецией было заключено соглашение о строительстве нефтепровода Бургас–Александруполис.

³⁶ <http://www.3plp.ru/bl/?p=58 idnews=3261>

³⁷ Там же.

³⁸ Там же.

³⁹ Следует отметить, что такое решение вопроса вряд ли возможно. Дело в том, в условиях функционирования новых турецких Правил подавляющая часть нефтетранзита через Проливы осуществляется Россией и другими экспортерами нефти при помощи малотоннажного флота.

⁴⁰ <http://www.nefte.ru/trubo/trubo32.htm>

⁴¹ <http://www.3plp.ru/bl/?p=58 idnews=3261>

⁴² <http://www.nefte.ru/trubo/trubo32.htm>

⁴³ <http://www.3plp.ru/bl/?p=58 idnews=3261>

⁴⁴ <http://www.nefte.ru/trubo32.htm>

⁴⁵ Идея создания ЧЭС была впервые выдвинута в 1990 г. премьер-министром Турции Т. Озалом, ставшим впоследствии президентом страны.

⁴⁶ Премьер-министр Турции прибыл в Москву с 5 министрами, с ведущими бизнесменами, число которых составило 510 чел., а также с 90 представителями турецких СМИ.

⁴⁷ Власть, 11.01.2005.

⁴⁸ Независимая газета, 12.01.2005.

⁴⁹ Turkish Daily News, 12.01.2005.

⁵⁰ Благодаря запуску “Голубого потока” к 2010 г. Турция выйдет на 1-е место по потреблению российского газа.

КУРДСКИЙ ВОПРОС В ТУРЦИИ В СВЕТЕ ТЕКУЩЕЙ СИТУАЦИИ НА БЛИЖНЕМ И СРЕДНЕМ ВОСТОКЕ

Непреходящая актуальность курдского вопроса в Турции подчеркивается сейчас многими средствами массовой информации. Она находит свое подтверждение при анализе многих событий, которые в той или иной степени имеют отношение к меняющейся геополитической ситуации на Ближнем и Среднем Востоке, а противостояние интересов различных держав в этом регионе делает курдский вопрос одним из наиболее острых и трудноразрешимых.

Основным результатом визита президента США Барака Обамы, который находился в Турции в начале апреля 2009 года, стали вполне ожидаемые заявления Соединенных Штатов о том, что Турция по-прежнему остается для США приоритетным партнером на Ближнем и Среднем Востоке. В своем выступлении перед студентами Стамбульского университета Барак Обама также особо отметил, что Соединенные Штаты считают Рабочую партию Курдистана (РПК) террористической организацией. Не исключено, что в самой Турции это может быть истолковано как согласие Соединенных Штатов играть более активную роль в нейтрализации курдских повстанцев.

На протяжении последних лет, следовавших за оккупацией войсками коалиции Ирака, курдский фактор в Турции нередко выступал разменной монетой в непростых отношениях между Турцией и Соединенными Штатами. Так, в период подготовки и осуществления военной операции по свержению Саддама Хусейна в начале 2003 года правительство Р.Т. Эрдогана отказало американцам в предоставлении территории Турции для прохождения войск коалиции в Ирак. Очевидная обеспокоенность Анкары была вызвана тем, что подобная операция привела бы к изменению геополитической ситуации вокруг Северного Ирака, богатого углеводородными ресурсами. В период подготовки наземной операции в Ираке в Турции активно позиционировался

подтвержденный, по мнению турецких спецслужб, факт проведения в начале 2003 года военно-политических консультаций между представителями госдепартамента США и руководством Рабочей партии Курдистана, базирующейся в Кандильских горах на Севере Ирака. Уже в 2005 году по турецкому телевидению с большим общественным резонансом был показан сериал «Долина волков» («Kurtlar vadisi»), в котором с однозначно читаемым антиамериканским месседжем интерпретировались события вокруг оккупации Ирака войсками коалиции. Американская администрация так и не дала тогда однозначного ответа, действительно ли контакты с апочистами имели место, но спустя два года все же вынуждена была официально признать РПК террористической организацией. Исходя из целей и интересов, которые преследовали США в рамках концепции «Большого Ближнего Востока», подразумевающую корректировку баланса сил, сложившихся на Ближнем Востоке, подобные контакты РПК с представителями американской администрации вполне могли иметь место. В частности, необходимостью для такой встречи могла быть заинтересованность американцев в создании и поддержке курдского повстанческого движения в иранской части Курдистана в качестве ответных мер на действия Ирана по поддержке и вооружению шиитов в оккупированном Ираке. В турецких масс-медиа подобная информация использовалась в качестве меры формирования общественного мнения, чтобы показать неоднозначность последствий возможной оккупации войсками коалиции Северного Ирака, который в Турции продолжают считать входящим в сферу своих геополитических интересов. Попытка Турции войти в состав коалиции и разместить свои войска на севере Ирака не имела должной поддержки в турецком обществе, но самое главное – этому категорически воспротивилось руководство курдской иракской автономии. Масла в огонь добавило событие, произошедшее в августе 2003 года, когда американские военные арестовали на территории Ирака несколько турецких военных, которые, по предположению американцев, готовили покушения на главу администрации Киркука.

Здесь не лишним будет напомнить, что отношения Турции и США достигли максимального охлаждения в период последнего срока правления президента Джорджа Буша-младшего. По данным социологических опросов, в 2007 году Турция заняла первое место по степени недоверия американской администрации: 82% населения страны выразили тогда свое недовольство

внешней политикой тогдашней американской администрации. Политика Белого дома в этот период становилась одним из важнейших объектов критики в информационном поле Турции.

Однако с приходом в Белый дом администрации Обамы США стали активнее демонстрировать заинтересованность в Турции как в стратегическом партнере в регионе. Так, партия ПЕИДЖАК (Партия свободной жизни Курдистана), действующая на территории Ирана, которая «неожиданно» вышла на авансцену борьбы курдов Ирана за свое самоопределение сразу после оккупации войсками коалиции Ирака, в феврале 2009 года была объявлена американцами террористической организацией, поскольку имела тесные связи с РПК. В частности, Министерство финансов США внесло ПЕИДЖАК в список террористических группировок и ввело в отношении ее финансовые санкции. Санкции предусматривают замораживание любых банковских счетов или других финансовых активов ПЕИДЖАК на территории США. Американским гражданам также запрещается оказывать этой группировке финансовую помощь или поддерживать с ней иные деловые контакты¹. Изменение отношения Америки к этой организации после прихода в Белый дом Барака Обамы – одно из возможных свидетельств того, как именно курдский вопрос будет рассматриваться в особом спектре геополитических интересов США в ближневосточном регионе. Очевидно, что приоритетом будет восстановление пошатнувшихся партнерских отношений с Турцией.

Вот уже в течение нескольких лет Анкара последовательно стремится проводить независимый политический курс, считаясь в первую очередь со своими геополитическими интересами в регионе. Стремление Анкары играть более активную роль в деле урегулирования политической ситуации как на Ближнем Востоке, так и в Закавказье было наглядно продемонстрировано в августе 2008 года, когда после вооруженного конфликта вокруг Южной Осетии Анкара в лице премьера Эрдогана обратилась к России с предложением о создании так называемой «Платформы стабильности и безопасности» на Кавказе, в рамках которой, помимо Турции и России, подразумевалось участие всех закавказских республик. По словам Эрдогана, платформа должна иметь географическую основу, преследовать цели установления мира и безопасности в регионе, обеспечения экономического сотрудничества и энергетической безопасности. Данная платформа должна опираться на принципы ОБСЕ.

Насколько соотносится предлагаемая Эрдоганом «Платформа мира и стабильности на Кавказе» с планами США по кардинальной демократизации региона в рамках американской концепции «Большого Ближнего Востока»? Ни для кого не секрет, что план это фактически потерпел сокрушительное фиаско. Так, по мнению Е.М. Примакова, идея переустройства ближневосточного региона по американскому образцу фактически сошла на нет еще в 2004 году, когда американский план не был поддержан на саммите Большой восьмерки². Интерес Турции здесь понятен: это не только желание перехватить инициативу мирного переустройства в ближневосточном регионе у Соединенных Штатов, но и желание вернуть себе статус державы, с геополитическими интересами которой следует считаться. В одной из своих опубликованных в Интернете статей Эрдоган пишет: «Анкара четко сформулировала свою позицию в отношении ближневосточных проблем задолго до того, как инициатива «Большой Ближний Восток» стала излюбленной темой газетных статей и теледебатов. Свое видение ситуации мы излагали на различных форумах, включая сессии Организации Исламская конференция (ОИК). Наша страна выступает за более демократичный, свободный, открытый и мирный Ближний Восток, который должен стать регионом с эффективным управлением и экономикой. Это не беспочвенный идеализм. Национальные интересы Турции требуют, чтобы по соседству находились мирные и стабильные государства, с которыми она могла бы взаимодействовать на всех уровнях. Таким образом, цели Турции согласуются с позитивными задачами проекта «Большой Ближний Восток»³.

Активизация Турции на внешнеполитическом направлении была подтверждена и словами нового главы МИДа Ахмета Давутоглу, который в начале мая 2009 г. заявил, что «Турция должна стать страной, устанавливающей порядок в Средневосточном, Балканском и Кавказском регионах. Турция более не является страной, которая лишь реагирует на кризисы, она должна эффективно предотвращать их и формировать порядок в регионе»⁴. Давутоглу подчеркнул также, что Турция стремится оставаться важным звеном в системе безопасности в рамках ЕС и НАТО. Такие меры призваны снизить возможность возникновения конфликтов вокруг границ Турции.

С другой стороны, отсутствие видимых результатов военных операций Турции против курдских повстанцев на Севере

Ирака, а особенно последней крупномасштабной операции, которая проводилась в начале 2008 года, когда сторонникам РПК, в основном в информационной среде, удалось убедить значительную часть мирового сообщества в бесперспективности проводимых правительством Турции точечных военных операций на границе, заставляет Анкару искать более действенные меры по противодействию активности апочистов на юго-востоке страны. Угроза сепаратизма, даже несмотря на то, что РПК официально отказалась от идеи создания курдского независимого государства, представляется достаточно очевидной, хотя основной упор в действиях сторонников РПК сейчас перенесен на методы информационно-психологического противостояния с Анкарой, когда победа в информационном поле значит, пожалуй, гораздо больше, чем реальные военные успехи или поражения. Например, одним из методов воздействия РПК на Турцию являются постоянные угрозы по поводу возможности подрыва нефтепроводов, идущих из Ирака и Азербайджана, в случае, если Турция активизирует свои усилия по борьбе с повстанцами на территории северного Ирака. Последствия таких терактов могут нанести ощутимый урон всей мировой экономике, а турецкую экономику вообще поставят на грань краха.

Факт наличия вооруженных повстанцев РПК, которые периодически осуществляют вылазки в приграничных районах Турции с Ираком, а также определенная поддержка сторонников Абдуллы Оджалана среди местного населения Юго-востока Турции не может не вызвать беспокойства у Анкары. Как уже отмечалось, основной видимой причиной такого беспокойства, безусловно, является возможность создания курдского независимого государства с отторжением от Турции юго-восточных районов, компактно населенных курдами. Беспокойство Анкары не могло не вызывать то обстоятельство, что проживающие на юго-востоке страны курды, продолжают находиться в сфере информационного влияния как курдской автономии в Ираке, так и различных подконтрольных РПК информационных агентств (например, «Рож ТВ»), вещающих из стран Западной Европы на курдском языке. На протяжении долгого времени власти Турции игнорировали такой важный элемент информационного воздействия, как вещание на курдском языке. Это возымело отрицательный центробежный эффект, что выразилось в усилении в информационном поле в среде турецких курдов влияния курдской автономии Ирака и РПК. Поэтому од-

ним из решительных шагов, предпринятых Анкарой для предотвращения развития центробежных тенденций в среде курдов, является создание в январе 2009 года круглосуточного государственного телеканала TRT6, вещающего на курдском языке. Открывая этот канал в январе 2009 года, премьер-министр Турции Эрдоган впервые в истории страны обратился к аудитории с коротким приветствием на курдском языке.

В рамках осуществляемой Турцией стратегии по созданию активно поддерживаемой Эрдоганом «Платформы стабильности и сотрудничества на Кавказе», направленной на повышение роли и статуса Турции в регионе, выстраивание добрососедских отношений с Арменией и с автономией курдов на севере Ирака остаются приоритетными для Турции в Ближневосточном регионе. Что касается Турции и курдской автономии, то эти страны тесно взаимосвязаны целым рядом географических и энергетических аспектов. В частности, это и вопрос контроля снабжения Северного Ирака водными ресурсами, который нередко становился разменной монетой в деле урегулирования вопросов, связанных с присутствием в Кандильских горах на севере Ирака вооруженных сторонников Абдуллы Оджала. С другой стороны, само присутствие баз РПК на севере Ирака, а также невозможность (или нежелание) руководства курдской автономии Северного Ирака решать этот вопрос радикальными мерами вызывают недовольство Анкары и вынуждают ее периодически прибегать к проведению военных операций в приграничной территории Северного Ирака, в основном с участием ВВС, эффективность которых, впрочем, не производит достаточного эффекта.

Не исключено, что в правящих кругах Турции присутствует некоторая убежденность, что политическая автономизация курдов в Турции путем создания легальных национально ориентированных политических партий позволяет и курдской автономии Ирака манипулировать курдским фактором в Турции. Как считают в Турции, наличие национального образования курдов (даже без создания собственного государства) будет рассматриваться курдами Турции (а точнее, наиболее националистически ориентированной ее частью) в качестве своеобразного «центра притяжения» своих национальных интересов вместо демонстрации лояльности Анкаре. Сейчас рост националистических настроений в среде курдов стараются в Турции максимально нивелировать, однако эффективно это сделать пока не удается.

Этим целям служит и активизация правящей исламистской Партии справедливости и развития (ПСР) на «курдском направлении». Одной из форм нивелирования межнациональных противоречий в стране является повышение в курдской среде влияния правящей партии, выступающей в среде курдов под лозунгом исламского единства между турками и курдами. К тому же это еще один дополнительный стимул для привлечения на свою сторону курдов: пошатнувшаяся поддержка ПСР у избирателей страны вызывает опасение у «либеральных демократов». Если на прошедших в 2007 году парламентских выборах партия получила одобрение около 47% избирателей, то на выборах, которые состоялись в конце марта 2009 года, вместо прогнозирувавшихся 50% голосов ПСР едва смогла дотянуть до 40%. Виной тому можно рассматривать заметный спад производства на фоне международного финансового кризиса, а также инспирированную властями операцию против т.н. тайного общества «Эргенекон», которое, по мнению правящей партии, готовило в среде военных и ряда интеллектуалов почву для военного переворота с целью свержения исламистов. Очевидная ангажированность этого процесса как адекватного ответа на угрозы закрытия исламистской партии, которые периодически поступают со стороны генералитета страны и верховного суда, возможно, явилась одной из тех причин, которая «оттолкнула» от исламистов часть электората. Партия Эрдогана заметно уменьшила свою популярность в турецком Курдистане после осени 2007 года, когда поддержала военную верхушку при проведении масштабной акции против активистов РПК в Северном Ираке. Сейчас же ПСР, по всей видимости, всячески заинтересована в мирном разрешении противоречий. Об этом говорит и недавний визит президента Турции Абдуллы Гюля в Ирак, где он встретился с президентом страны Джалалом Талабани, курдом по национальности. По окончании встречи Талабани призвал РПК "сложить оружие или покинуть территорию Ирака". Параллельно при этом в турецком Курдистане начались расследования массовых казней курдов во время военных спецопераций в 90-е годы. Этот процесс был санкционирован исламистским правительством страны, но при этом очевидна и его подспудная направленность против могущественного генералитета Турции.

Основным политическим соперником ПСР в борьбе за голоса курдских избирателей остается прокурдская Партия демократического общества, влияние которой в общетурецком масштабе

достаточно невелико, однако эта партия пользуется стабильно высокой поддержкой у населения юго-востока страны. И хотя пока ПДО занимает лидирующие позиции только в курдских районах страны, ПСР уже начинает "дышать ей в затылок". Голоса курдов были очень важны для ПСР для сохранения власти на очередных муниципальных выборах, которые состоялись в конце марта 2009 года. Однако полностью укрепиться в курдских регионах Турции ПСР не удалось: около 40 мэров и глав муниципальных образований на юго-востоке страны теперь представляют прокурдскую Партию демократического сообщества.

При этом не следует забывать, что если «исламские либералы» (а в высшем руководстве страны это уже и президент, и премьер-министр) будут действительно последовательно придерживаться мирных подходов в решении курдского вопроса, ПСР получит и дополнительную поддержку европейских лидеров в задаче сохранения территориальной целостности страны. Это особенно важно в ситуации, когда США будут пересматривать концепцию Большого Ближнего Востока, что приведет к смене политических ориентиров США в отношении и курдского вопроса, в том числе.

В этих условиях Турция стремится проводить независимый политический курс, повышать свое влияние в ближневосточном регионе. Одна из задач Турции – максимальное распространение своего влияния на Иракский Курдистан, но при этом, не признавая его независимость, Турция будет стремиться к максимальной согласованности позиций Анкары и Эрбиля по поводу РПК. Независимость же иракских курдов фактически свяжет Турции руки. Управляемость и предсказуемость националистических требований североиракских курдов позволит Турции предотвратить центробежные тенденции в среде турецких курдов. К тому же сейчас для Турции Северный Ирак – это еще и важный экономический партнер. В рамках активно пропагандируемой Турцией "Платформы стабильности и безопасности" Анкара будет добиваться максимально согласованной позиции Северного Ирака по целому ряду внешнеполитических аспектов. Однако отношение к проблеме РПК, базирующейся на территории Ирака, – одна из тех сфер, которая требует принципиального согласования позиций Анкары и Эрбиля. Позиция Турции выражается в нейтрализации угрозы курдского сепаратизма внутри страны, нивелирования межэтнических противоречий в стремлении избежать центробежных тенденций в среде курдов. Основным стратегическим импе-

ративом Анкары в курдской геополитике предстает ослабление курдского единства в самой Турции. Стратегическая важность Иракского Курдистана заключается в том, что это единственное в мире курдское государственное образование, пусть даже де-юре автономное, и один этот факт уже позволят ему стать ядром будущего объединенного курдского государства. Именно поэтому успех политики Анкары по интеграции турецких курдов будет во многом зависеть от формата и характера взаимоотношений Турции с Иракским Курдистаном. Сейчас для Турции важно делать особый акцент на том, чтобы показать себя в качестве гаранта поддержания фактического суверенитета этого образования.

Во время недавнего визита главы турецкого государства Абдуллы Гюля в Багдад произошла встреча с премьером Иракского Курдистана Нечирваном Барзани, и курдский премьер заявил, что будет сделано все для дальнейшего углубления взаимоотношений с Турцией. Интересно, но впервые в турецкой истории глава этой страны использовал слово «Курдистан» в отношении этого региона Ирака, сделав шаг навстречу признанию статуса курдского образования на севере Ирака. Можно согласиться с мнением ряда экспертов, что у курдов, по существу, два выбора: «поддерживать свой реальный суверенитет или де-факто независимость в границах Иракского Курдистана или же быть зажатыми между недружественными и намного более сильными странами и оказаться перед риском потерять даже то, что они имеют»⁵. Неопределенность статуса курдов на политической карте Ближнего Востока не позволяет Турции принимать какую-либо долгосрочную стратегию в отношении урегулирования межэтнических противоречий внутри страны. Для Ближнего Востока очень остро стоит вопрос формирования геополитической концепции, которая ясно дала бы ответ на вопрос: в каком пространстве и в каком качестве будут существовать курды на политической карте Ближнего Востока. Определенность статуса курдов в геополитическом смысле позволит, на наш взгляд, нивелировать курдскую проблему внутри самой Турции. С другой стороны, власти Северного Ирака, учитывая ту опасность, которую создают постоянные турецкие вторжения на сопредельную территорию Севера Ирака, также ищут пути сближения с Анкарой. В октябре прошлого года глава МИД Ирака Хошнияр Зибари пообещал Турции, что правительство его страны будет помогать ей в преодолении угрозы курдского сепаратизма в Турции. Одновременно Анкара в очередной раз отказалась от переговоров и отвергла перемирие

с боевиками Рабочей партии Курдистана. При этом руководство Иракского Курдистана ранее неоднократно заявляло, что операция турецкой армии будет считаться агрессией и угрозой территориальной целостности Ирака.

Достаточно маловероятная, но все-таки неисключаемая возможность отделения курдских районов от Турции вынуждает Анкару идти на достаточно болезненные для политической традиции Турции уступки перед курдами с целью нивелирования противоречий между центром и юго-востоком страны. Поддержание турецко-курдского союза, по мнению представителей ПСР, возможно только посредством ислама, и именно благодаря ему турки могут сперва внушить, а затем и убедить курдов в том, что последние, как мусульмане, являются равноправным с турками компонентом Турции. Процесс пантюркизма в качестве основной внешнеполитической доктрины отходит, на наш взгляд, на второй план при усилении роли ислама в качестве внутренней наднациональной идеологии, которая должна будет консолидировать тюркский и нетюркские элементы (в основном турок и курдов) внутри страны.

В данном направлении Анкара уже предпринимает соответствующие шаги. Уже говорилось об открытии круглосуточного телеканала, вещающего на курдском языке. А при праздновании Новруза президент Турции Абдулла Гюль поздравил курдов и впервые заявил, что «Турция – это страна, где в мире проживают представители народов, говорящих на разных языках, имеющих разные этнические корни и культуру»⁶. Заявление достаточно радикальное для политической культуры Турции, тем более, из уст самого президента. И это при том, что в Турции все народы официально считаются турками. Все более очевидным становится то, что запущенность межэтнических отношений в Турции врядли позволит нивелировать их остроту при помощи недостаточно компромиссных или сиюминутных мер.

¹ <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1233782400>

² Asharq Al Awsat, 26.06.2004.

³ <http://www.globalaffairs.ru/numbers/9/2917.html>

⁴ Hürriyet, 05.05.2009.

⁵ <http://www.yerkramas.org/news/2009-04-03-4717>

⁶ Там же.

**ЗНАЧЕНИЕ ТУРЦИИ
ДЛЯ ОБЩЕЙ ЕВРОПЕЙСКОЙ ПОЛИТИКИ
В ОБЛАСТИ БЕЗОПАСНОСТИ И ОБОРОНЫ**

Мнение Евросоюза о стратегическом значении Турции носит непостоянный характер. Важность Турции осознается, как правило, в кризисных ситуациях. При формировании Общей европейской политики в области безопасности и обороны (ОЕПБО) на основе Западноевропейского союза (ЗЕС) Турция не была наделена равными с государствами-членами ЕС правами. Оставляя Турцию за пределами ОЕПБО, Евросоюз в 1999 г. одновременно объявил ее страной-кандидатом на полноправное членство в ЕС. Большинство турецких ученых считает, что такой шаг был сделан для того, чтобы «успокоить» Турцию.

Условия эпохи однополярного мира снизили международную политическую и стратегическую конкуренцию на Ближнем Востоке. Этот регион являлся основным энергетическим источником ЕС, и потому сохранял свое жизненно важное значение для стран-членов Евросоюза. Условия той эпохи стали причиной внесения некоторых изменений в традиционную стратегию Европы на Ближнем Востоке. Новая европейская стратегия была направлена на уменьшение зависимости от США и опиралась на увеличение своего политического и экономического влияния в регионе. Известно, что во время «холодной войны» экономическая, политическая и стратегическая политика Европы на Ближнем Востоке в значительной степени определялась под воздействием США¹.

С 1992 г. года Европейский союз регулярно предпринимал определенные шаги в целях увеличения своего экономического и торгового влияния в Ближневосточном регионе. Однако каждый такой шаг сталкивался с ограничительными препятствиями со стороны США, которые не позволяли действовать в ущерб их стратегическим интересам в регионе. Такое поведение США в итоге привело к возникновению на Ближнем Вос-

токе экономической конкуренции. Однако Евросоюз, не обладая достаточными политическими и военными ресурсами, в данной конкуренции оказался проигравшей стороной. Несмотря на свою экономическую мощь, ЕС не обладал на международной арене политической и стратегической силой. Такая обстановка не позволяла Евросоюзу выходить за рамки своего региона и выступать в качестве глобального силового центра².

Неспособность оказывать достаточное влияние на международную и региональную политику стран Ближнего Востока, а также политические и стратегические потрясения на Балканах побудили Европу к поискам обеспечения безопасности. Считалось, что создание мощной организации в области безопасности привело бы к обеспечению безопасности в Европе и к возвращению престижа и силы на международной арене. Однако возможности ЕС не позволяли этого достичь.

В период «холодной войны» безопасность Европы обеспечивалась в основном США и Турцией. А европейские власти свое предпочтение отдавали прежде всего экономическому развитию. Военные расходы и численность солдат в европейских армиях были минимизированы. Это обстоятельство не осталось незамеченным со стороны Еврокомиссии, отмечавшей в своих отчетах, что Турция среди стран-членов НАТО занимает второе после США место по численности вооруженных сил и военным расходам³.

Европейский парламент подчеркивал особенности Турции следующим образом: «Европа рассматривает Турцию в качестве страны, которая обладает критическим геополитическим значением в треугольнике между Европой, Балканами и Ближним Востоком и имеет особенное стратегическое значение. В этих регионах, где существует множество политических и этнических проблем, Турция играет роль крепости спокойствия и безопасности»⁴.

В ходе кризиса в Персидском заливе в 1990–1991-х гг., когда увеличилось стратегическое значение Турции как крепости от угроз, исходящих от нестабильной обстановки в Ближневосточном регионе, военно-стратегическому потенциалу Турецкой Республики со стороны европейских стран уделялось повышенное внимание. Особая роль Турции во время кризиса была обусловлена тремя основными факторами. Во-первых, общая с Ираком граница протяженностью 240 км, через которую был проложен экспортный нефтепровод и всегда осуществлял-

ся интенсивный грузооборот. Во-вторых, базы и другие военные объекты НАТО, размещенные на территории Турции, которые могли быть использованы при осуществлении военных операций. В-третьих, многочисленная и сравнительно хорошо вооруженная турецкая армия, значительная часть которой с началом кризиса была сосредоточена на границе с южным соседом. Подчеркивая геополитическую роль Турции во время кризиса, итальянский журнал «Панорама» писал: «В ночь на 2 августа, как только Джордж Буш узнал о вторжении иракских войск в Кувейт, он позвонил в Москву, Эр-Рияд и Анкару. Последний разговор был наиболее важным»⁵.

После Копенгагенского саммита 2002 г. отношения между Турцией и ЕС стали касаться в основном политических и экономических вопросов⁶. Однако начавшаяся в марте 2003 г. война в Ираке снова напомнила ЕС о стратегических особенностях Турции. Известно, что накануне и в ходе иракской операции в результате существенных разногласий среди членов ЕС и НАТО так и не было выработано единой политики по операции в Ираке. Большинство стран-участниц ЕС во главе с Германией и Францией были категорически против вторжения в Ирак под руководством США⁷. Причина несогласия ЕС с политикой Вашингтона заключалась в том, что США, нарушив международное право, единолично приняли решение по иракской операции⁸.

После окончания иракской войны европейское влияние на Ближнем Востоке ограничилось. Осознавая обстановку в регионе, ЕС выдвинул на передний план стратегические вопросы, касающиеся безопасности и обороны. Стало очевидно, что в случае кризиса Евросоюзу больше не пришлось бы надеяться на НАТО или США. В итоге ЕС стал уделять больше внимания формированию европейских сил безопасности⁹. Такая обстановка снова выделила стратегическое значение Турции, расположенной на межконтинентальном энергетическом проходе¹⁰. Стали осознаваться масштабы возможного вклада Турции в формирование европейской армии, отмечалась позитивная роль этой страны в реализации политических и стратегических проектов объединенной Европы на Ближнем Востоке.

В послевоенное время высокопоставленные чиновники ЕС стали регулярно подчеркивать стратегическое значение Турции. Одно из таких заявлений было сделано главным советником по политическим и академическим вопросам Делегации Европейской комиссии в Вашингтоне Джонатаном Дэвидсоном

на конференции 26 февраля 2004 г.: «Прежде всего членство Турции в ЕС имеет стратегическое значение: Турция – это крепость безопасности и обороны в точке, где соединяются энергетические коридоры Ближнего Востока, Кавказа и Каспия. Турция со своей исторической, культурной и военной мощью способна внести большой вклад в обеспечение спокойствия, мира и стабильности в Средиземноморском регионе, в Северной Африке и на Ближнем Востоке. После событий 11 сентября и в результате кровавых терактов в Стамбуле в отношениях между Турцией и ЕС имеет место значительное сближение. Расширены рамки сотрудничества по надзору за границами и по выявлению террористов. В обеспечении стабильности на Балканах Турция сыграла положительную роль. Турция добавит новый «цвет» в формирование ЕС, который с каждым своим расширением объединяет различные культуры. Турция как демократическая страна с либеральной экономикой успешно объединила европейские ценности с исламской культурой»¹¹.

Подобные официальные заявления о стратегическом значении Турции исходили и от некоторых государственных деятелей стран-членов ЕС. Одно из таких заявлений было сделано бывшим министром иностранных дел Бельгии Луи Мишелем: «Турция обладает особенностью быть мостом между различными религиями и культурами. По этой причине она способна внести вклад в развитие диалога между разными культурами. Турция очень важна для ЕС в обеспечении региональной стабильности. Турция, используя свое геополитическое месторасположение и военную мощь, способна играть большую роль в международных отношениях. Если ЕС намерен стать мировой силой, то ему необходимо контролировать стратегические регионы мира. В это дело Турция способна внести самый значительный вклад»¹².

После Иракской войны были заметны положительные оценки европейских лидеров относительно стратегического значения Турции. В заявлениях государственных деятелей ЕС предлагались рекомендации для турецких властей по проведению активной политики в Ближневосточном регионе. Кроме развития межкультурного диалога, от Турции требовалось активное участие в проекте по обеспечению мира в регионе. Почти всеми лидерами стран-участниц ЕС признавалось, что Турция способна внести решающий вклад в обеспечение региональной стабильности¹³.

Большинство турецких ученых убеждено в том, что с политической, экономической, культурной и стратегической точек зрения Турция играет ключевую роль в сближении ЕС со странами Ближнего Востока. Обладающий значительными энергетическими ресурсами Ближневосточный регион благодаря своему геополитическому месторасположению имеет большое значение для Европейского союза. Ключевая роль Турции в регионе очевидна, и она была подтверждена на саммите НАТО в Стамбуле в 2004 г. при обсуждении американской инициативы «Большой Ближний Восток»¹⁴. По мнению большинства турецких политологов, стратегическое значение Турции следует использовать в качестве основного политического и дипломатического козыря в переговорном процессе с Евросоюзом¹⁵. К тому же имеются успешные примеры, когда Турция, делая упор на свои геополитические особенности, достигала полноправного членства в НАТО и ассоциированного в Западноевропейском союзе.

Заметное влияние на процесс вступления Турции в ЕС оказывает военный потенциал турецких вооруженных сил (ТВС). Позитивная (с точки зрения процесса вступления Турции в ЕС) сторона этого влияния особенно проявляется во времена, когда западным странам бывают необходимы дополнительные силы для урегулирования определенного конфликта. Кризис в Ливане, возникший в августе 2006 г., в очередной раз это подтвердил. Снова встал вопрос о важности турецких вооруженных сил, а вместе с ними и самой Турции. Правительство правящей в стране Партии справедливости и развития (ПСР) умело использовало этот фактор в целях укрепления своих позиций на международном уровне, несмотря на заявления лидеров оппозиционных партий (Народно-республиканской партии и Партии националистического движения)¹⁶.

В сведениях Генштаба Турции, представленных странам Евросоюза в августе 2006 г., отмечались важные особенности ТВС. Прежде всего напоминалось, что среди армий государств, входящих в состав НАТО, ТВС обладают второй (после США) по величине силой. Делалось упоминание о большом опыте Турецких вооруженных сил, которым они овладели в ходе продолжительной борьбы против курдских боевиков. В сведениях также отмечалось, что за короткий промежуток времени 90-тысячная группировка способна разместиться в любой точке мира для проведения совместных операций. Говорилось о возможности переброски в рамках наступательной операции с воздуха шести

рот в район боевых действий. Указывалось на то, что ТВС до сих пор не принимали участия в операциях по обеспечению мира, однако набрались достаточного опыта, участвуя в операциях по поддержанию мира в Ближневосточном регионе.

Отдельное внимание уделялось операциям ТВС по оказанию помощи населению при стихийных бедствиях. Для подобных операций ведется подготовка специальных подразделений. В Турции именно они играют главную роль при возникновении природных катастроф¹⁷.

В рамках отношений между Турцией и Евросоюзом турецкие вооруженные силы рассматриваются странами-членами ЕС, в том числе, в качестве «рычага давления» на политическую власть внутри страны. В ЕС регулярно проводятся сравнения по уровню значимости турецкой армии внутри страны с положением национальных армий в других европейских государствах¹⁸.

«До Евросоюза никак не донесутся особенности функции ТВС внутри республики. Так как большинство ученых, которые в состоянии сделать это, в основном настроены против армии», – считают некоторые обозреватели турецкой газеты «Радикал»¹⁹. Тем не менее председатель Делегации Европейской комиссии по Турции Марк Пьерини в своей статье, опубликованной в приложении «Евросоюз» газеты «Дюнья», отмечал, что турецкая армия представляет очень большое значение для ЕС. «Давайте представим себе военную мощь Евросоюза с полностью интегрированными в европейские миротворческие операции турецкими вооруженными силами: Турция имеет вторую по величине армию в НАТО. И она способна в определяющей мере изменить возможности проектирования миротворческих операций ЕС в Африке, на Ближнем Востоке или же в каком-либо другом регионе», – писал Пьерини²⁰.

В ЕС обращают внимание не только на особенности турецкой армии, но и на характеристики других силовых структур, в том числе турецкой жандармерии. 13 мая 2009 г. в Париже состоялось заседание Командования Европейских сил жандармерии (ЕСЖ), штаб-квартира которых размещена в итальянском городе Виченца. В ходе этого заседания было принято решение предоставить турецкой жандармерии возможность участвовать в деятельности ЕСЖ. Известно, что заявка на участие в качестве наблюдателя в учениях европейской жандармерии была подана Турцией в 2005 г. МИД Турции в своем официальном заявлении относительно решения высшего руко-

водства ЕСЖ выразил удовлетворенность и подчеркнул, что Турция продолжает вносить значительный вклад в укрепление международной безопасности²¹.

Кроме того, Турция принимает активное участие в расследованиях особо опасных преступлений европейского масштаба в рамках Объединенных полицейских подразделений ЕС (Integrated Police Union, IPU). Согласно официальным заявлениям представителей Турции и ЕС, взаимодействие между турецкими и европейскими полицейскими способствует повышению эффективности сотрудничества компетентных органов в предотвращении, анализе причин и противодействии международным тяжким преступлениям. В русле турецко-европейского сотрудничества на уровне полицейских ведомств 18 мая 2004 г. в Анкаре между главой Генерального управления безопасности Турции Гёкханом Айдынзром и директором Европейского полицейского ведомства (Европол) Жюргеном Сторбеком был подписан договор о сотрудничестве полицейских подразделений Турции и ЕС. В вопросах проведения международных расследований компетентными органами с турецкой стороны были признаны Генеральное управление безопасности, Генеральное командование жандармерии, Командование береговой охраны и Таможенная служба Турции²².

ЕС негативно относится к возможному вмешательству силовых структур в политическую жизнь Турции. Согласно ежегодным отчетам Еврокомиссии, в Турецкой Республике необходимо расширить полномочия гражданских властей в сфере надзора за деятельностью спецслужб, а также увеличить участие гражданской власти в разработке стратегии национальной безопасности. Евросоюз выступает за прозрачность и парламентский контроль над расходами в сфере безопасности и обороны. По мнению ЕС, это привело бы к повышению эффективности деятельности ТВС, секретных служб, жандармерии и полиции²³.

Сегодня взаимоотношения между Турцией и ЕС в сфере безопасности и обороны развиваются в рамках предусмотренных Маастрихтским договором 1992 г. правовых норм, направленных на установление и развитие Европейской политики в области безопасности и обороны. Евросоюз, осознавая свои ограниченные возможности, далеко не против участия Турции в решении проблем, связанных с вопросами безопасности и обороны. Тем не менее в последние годы ведущие страны-

члены ЕС, такие как Франция и Германия, стали проявлять повышенную заинтересованность в укреплении собственной стратегической безопасности и создании европейских сил, способных самостоятельно проводить операции международного характера, ограничивающие влияние НАТО, США и Турции. Однако высокая стоимость инициативы создания «европейской армии» и стратегическое, с точки зрения геополитики, месторасположение Турции подталкивает ЕС к сотрудничеству с этой страной. Обе стороны в равной степени заинтересованы в создании механизмов обмена стратегической и технической информацией в оборонной сфере и в вопросах международной безопасности.

¹ Bilgin M.S. Türkiye'nin AB'ye Katılma Sürecinde Orta Doğu'da Sahip Olduğu Stratejik Konumun Önemi. Ankara, 2005, c. 253.

² Salame G. Torn between the Atlantic and Mediterranean: Europe and the Middle East in the post Cold War Era, London, 1998, c. 25–27.

³ Etki Raporu (2), AB Komisyonu Türkiye Raporu, 6 Ekim 2004 // www.belgenet.com/arsiv/ab/etki_2004-2.html

⁴ Arıkan H., Turkey and the EU, London, 2003, c. 97.

⁵ Седов Ю., Турция и кризис в Персидском заливе // Зарубежное военное обозрение, 1991, № 5.

⁶ Paksoy H.M. Avrupa Birliği–Türkiye İlişkilerinin Gelişimi. İstanbul, 2003, c. 118.

⁷ Bilgin M.S. Türkiye'nin AB'ye Katılma Sürecinde Orta Doğu'da Sahip Olduğu Stratejik Konumun Önemi. Ankara, 2005, c. 255.

⁸ Bilgin M.S. Türk–İrak İlişkilerinin Tarihsel Boyutu: 1534–2002. Ankara, 2003, c. 230.

⁹ Çayhan E. Ateşoğlu Güney N. Avrupa'da Yeni Güvenlik Arayışları: NATO-AB-Türkiye. İstanbul, 2006.

¹⁰ Bilgin M.S. Türkiye'nin AB'ye Katılma Sürecinde Orta Doğu'da Sahip Olduğu Stratejik Konumun Önemi, Ankara, 2005.

¹¹ EUSA Review Forum, 2005, Vol. 18, № 4, c. 2.

¹² Ekşi Ö. Belçika Dışişleri Bakanı: “Türkiye’yi AB’de bir koltuk bekliyor.” // Anadolu Ajansı, 11.05.2004.

¹³ Aktan H. Ortadoğu İstikrarı Türkiye’ye Bağlı // BİA Haber Merkezi – İstanbul, 24.02.2005.

¹⁴ <http://www.nato.int/docu/review/2004/istanbul/2004-istanbul-e.pdf> (19.08.2004).

¹⁵ Sarızeybek E. Ulusal Harekat Başlatılmalı // TUSAM, 02.06.2008.

¹⁶ ПНД: «Отправляя своих солдат, мы становимся соучастниками страшного насилия».

НРП: «Нас зовут туда (в Ливан) для того, чтобы мы обезоружили воинов Хизбуллах. Учитываете ли вы жертвы, которые мы понесем в ходе операции?»

¹⁷ Zaman, 21.08.2006.

¹⁸ Yanardağ M. TÜSİAD, MGK ve Yeni İktidar Bileşimi // BİA Haber Merkezi – İstanbul, 26.01.2004.

¹⁹ Radikal, 23.08.2006.

²⁰ Milliyet, 23.12.2007.

²¹ Zaman, 14.05.2009.

²² Radikal, 19.05.2004.

²³ AB-Türkiye İlişkilerine İlişkin Avrupa Parlamentosu Kararı (2007/B6-0376), P6_TA PROV (2007) 0472, 24.10.2007.

И.В.Жмуйда, М.Ю.Морозова

**ГИДРОЭНЕРГЕТИКА ПАКИСТАНА:
ПРИРОДНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ И БОРЬБА
ЗА СТРАТЕГИЧЕСКИЕ РЕСУРСЫ**

Гидроэнергетика любого государства, базируясь на собственных потенциальных ресурсах и учитывая доступные объемы инвестиций для реконструкции и расширения системы, должна в то же время принимать во внимание все возможные изменения как на мировом энергетическом рынке, так и в сопредельных странах – для Пакистана такими являются Индия, Иран, Афганистан и постсоветская Центральная Азия. При этом, естественно, нельзя не учитывать политическое положение как в самой стране, так и на более широком региональном уровне, особенно когда проблема касается утилизации воды из трансграничных рек, протекающих по территории нескольких государств. Для данного региона весь XX век характеризовался постоянно тлеющими и часто обострявшимися конфликтами за ресурсы подобных водных артерий как между различными государствами, так и между районами и провинциями в рамках одной отдельно взятой страны, в данном конкретном случае – Пакистана. Как и в прежние годы, суть проблемы в начале нового столетия состоит в том, что главные запасы пресной воды сосредоточены в высокогорных районах Гималаев и Памира, а основная часть населения, традиционно привязанная к орошаемому земледелию, проживает в плодородных долинах в низовьях рек (долины Инда и Ганга в Южной Азии и Ферганская долина в Центрально-Азиатском регионе). Демографические процессы привели к дефициту воды и для ирригации, и для бытового потребления, в то время как гидроэнергетический потенциал высокогорных рек по-прежнему остается в значительной степени не реализованным. По мнению эксперта Московского центра Карнеги Алексея Малашенко, главный постулат для Центральноазиатского региона (как, впрочем, и для Южной Азии) состоит в том, что «кто в этом регионе командует

водой, тот командует всей Ферганской долиной, да и вообще долинами»¹.

Та же история свидетельствует, что ранее труднопроходимые и труднодоступные зоны, например высокогорные хребты и узкие каменистые ущелья вдоль горных рек, уже не могут служить преградой ни для экономической интеграции (прокладка новых дорог, трубопроводов и линий электропередач), ни для политических конфликтов, вооруженных диверсий и терактов, как это постоянно происходит в Кашмире. К сожалению, в последние годы все активнее начинает набирать обороты именно вторая тенденция, и политическую ситуацию в Пакистане вряд ли можно назвать стабильной. Свидетельством тому является волна терактов с участием смертников, захлестнувшая не только Пакистан, но и соседнюю Индию (убийство Беназир Бхутто 27 декабря 2007 г. в Равалпинди, атака на отель «Мариот» в Исламабаде 20 сентября 2008 г., нападение группы боевиков на индийский финансовый центр Мумбаи 26 ноября 2008 г.).

Истоки практически всех рек, протекающих по пакистанским провинциям, в том числе главной водной артерии страны Инда, находятся в Кашмире, многие из них – на территории, контролируемой Индией. До 70% вод речной системы идет на орошение земель в провинциях Панджаб и Синд, в то время как основная часть ныне действующих гидроэнергетических объектов страны находится в Северо-Западной пограничной провинции (СЗПП) – они обеспечивают половину потребляемой электроэнергии. Практически лишенным воды как для нужд ирригации, так и для энергетики остается Белуджистан – самая бедная из четырех пакистанских провинций. В целом гидроэнергетический потенциал Пакистана оценивается приблизительно в 40 тыс. МВт, из этого объема вырабатывается лишь 6,5 тыс. МВт или 16,75%².

Стремясь развивать экономику своей страны, правительство Пакистана крайне заинтересовано активизировать наращивание объемов добычи собственных сырьевых источников энергии и существенно повышать эффективность использования местных гидроресурсов, что подтверждается принятым в 2002 г. перспективным планом развития страны на период до 2011 г. В результате намеченного плана доля ГЭС в общем объеме вырабатываемой в 2011 г. электроэнергии должна составить 38,5% (по сравнению с 28% в 2002 г.). Следует отме-

тить, что в 2007 г. на гидроэнергетику уже приходилось 36% общего объема электроэнергии (6 285 МВт из 17460 МВт), в то время как ее доля в госсекторе достигла 54%. Подобная динамика, однако, объяснялась не столько успехами в развитии гидроэнергетики, сколько перебоями в работе тепловых электростанций и трудностями в обеспечении энергетической системы углеводородным сырьем.

В 2007 г. мощность всех электростанций Пакистана, контролируемых Управлением по развитию водных и энергетических ресурсов (ВАПДА) составила 11 363 МВт или 58% общей установленной мощности; на долю Корпорации по электроснабжению Карачи (КЕСС) приходилось 1 756 МВт или 9%, на две АЭС – 62 МВт или 2,4%. Общая установленная мощность частного сектора оценивалась в 5 859 МВт (30,1%)³.

Из общего объема в 5000 МВт, вырабатываемого на контролируемых ВАПДА ГЭС, значительная часть приходится на две системы, расположенные в Панджабе – это Тарбела на реке Инд в 50 км вверх по течению от города Атток (мощность 3478 МВт), и Мангла на реке Джелам (1000 МВт). ГЭС Варсак на реке Кабул в СЗПП производит 240 МВт, а все остальные станции – по 230 МВт⁴.

К сожалению, главные ГЭС Пакистана – Мангла и Тарбела, которые были построены соответственно в 1967 и 1974 годах, постепенно выходят из строя – заиливание водохранилищ этих гидросистем постепенно увеличивает давление на стареющие дамбы, в то время как мощность электростанций снижается. В этой связи обе плотины нуждаются либо в капитальной реконструкции, либо в замене их более совершенными гидросистемами – такой, к примеру, могла бы стать Калабагская ГЭС, которую планируют соорудить на реке Инд в 193 км вниз по течению от плотины Тарбела. Помимо дополнительных источников энергии (предполагаемая мощность ГЭС 2400 МВт) сооружение этого гидротехнического комплекса позволило бы оросить свыше 6 тыс. га сельскохозяйственных угодий.

Всемирный Банк выступил с инициативой поддержать Пакистан в строительстве новых плотин с большими водохранилищами, предупредив при этом, что уже в ближайшие годы страна может столкнуться с серьезной нехваткой как воды, так и вырабатываемой энергии. По подсчетам зарубежных экспертов, к 2011 г. дефицит энергии в Пакистане составит 5 000 МВт, поэтому уже сейчас правительство должно принять оптимальное

решение в отношении строительства как минимум двух плотин с крупными резервуарами воды⁵. В настоящее время из-за обмелевших водохранилищ и изношенности оборудования, особенно в частном секторе, дефицит электроэнергии в стране уже составляет 2400 МВт⁶.

На основе указанного выше десятилетнего плана на 2002–2011 гг. Управление ВАПДА подготовило перспективную программу развития водных и энергетических ресурсов «Vision-2025», рассчитанную на период до 2025 г. Первой частью этой программы предусматривалось сооружение восьми ГЭС суммарной мощностью 715 МВт. За исключением ГЭС Джинна, намечаемой к строительству в провинции Панджаб, и Нью Бонг в Азад Кашмире (контролируемая Пакистаном территория), все остальные ГЭС должны быть размещены в СЗПП⁷. По оценкам экспертов ВАПДА, в ближайшие годы в Пакистане будет введен в строй ряд ГЭС общей мощностью 25 тыс. МВт. В частности, в 2009–2010 гг. должно начаться строительство ГЭС Нилам-Джелам мощностью 1 тыс. МВт, а также плотин Курам-Танги, Гомаль Зам и Мунда⁸.

В последние годы все более активно проводится кампания по расширенному строительству мелких ГЭС, в том числе и в частном секторе. Так, например, еще в 2005 г. была разработана комплексная программа по развитию гидроэнергетики за счет частного сектора, включающая около 570 проектов общей мощностью на 2 165 МВт. Диапазон потенциала работы небольших ГЭС варьирует от 0,014 МВт до 40 МВт⁹. Провинциальные правительства СЗПП, Азад Кашмира и Панджаба постоянно настаивают на развертывании в горных районах большого каскада ГЭС малой и средней мощности (примерно на 40 МВт). За помощью для финансирования подобных проектов провинциальные органы власти обращаются как к федеральному правительству, так и к международным организациям.

Следует особо отметить, что в Пакистане нет условий для рационального и эффективного использования водных ресурсов по назначению, поскольку на пути реализации обоснованных (с технико-экономической точки зрения) проектов постоянно возникают административные, финансовые и политические препятствия. Административные трудности на пути развития гидроэнергетики связаны с отсутствием единой целевой программы и согласования между энергетикой, сельским хозяйством и экологией – по аналогии с Россией, где гидроэнергетика

не подчиняется Росприроднадзору. В итоге проблемы энергетики, ирригации и сельскохозяйственного развития рассматриваются различными министерствами и департаментами, не связанными друг с другом даже на федеральном уровне. При подобной многоступенчатой разнородной системе планирования и управления водным хозяйством государство сталкивается с постоянными трудностями по обеспечению эффективности использования имеющихся гидроресурсов.

Финансовые трудности связаны с тем, что Пакистан не в состоянии обойтись без широких иностранных инвестиций на строительство крупных гидрокомплексов, целиком контролируемых ВАПДА. Исходя из суммарной стоимости перспективных проектов, ежегодный объем пакистанского рынка энергетических объектов и оборудования в период с 2005 до 2010 г. оценивался в 1 млрд. долл.¹⁰ Однако подобные оценки нуждаются в ежегодной корректировке с учетом мировой конъюнктуры и темпов инфляции на внутреннем рынке страны. Так, в январе 2006 г. Кабинет министров принял на рассмотрение план строительства пяти дамб (Баша, Калабаг, Акхори, Мунда, Куррам-Танги); ровно через год управление ВАПДА представило в Министерство водных ресурсов и энергетики план строительства Калабага, Баша и Акхори, а президент Мушарраф в его обращении к народу в январе 2007 г. торжественно обещал завершить строительство всех пяти дамб к 2016 г.¹¹

Однако за то время, пока гидропроекты находились на рассмотрении в министерских кабинетах, стоимость строительства одной только дамбы Баша (в 320 км вверх по течению от Тарбелы) уже увеличилась на 31% – с 6,4 млрд. долл. до 8,5 млрд. долл., и наиболее вероятно, что по самым скромным подсчетам, к 2016 г. она составит не менее 10 млрд. долл. В настоящее время уже завершено технико-экономическое обоснование строительства ГЭС Баша (работы, включая сейсмическую разведку, в 2005–2006 гг. выполнялись при поддержке специалистов из ФРГ), однако в пакистанской прессе высказывались сомнения по поводу возможностей реализации данного и других крупных гидротехнических проектов в запланированные сроки¹².

Вместе с тем пакистанский рынок гидроэнергетического строительства является высококонкурентным, на нем действуют ведущие мировые фирмы – поставщики энергетического оборудования. При этом отмечается крайне высокая актив-

ность китайских фирм. Помимо Китая в настоящее время главными внешними инвесторами в пакистанскую гидроэнергетику выступают Япония, Германия и ОАЭ. Показательно, что основное внимание со стороны зарубежных фирм уделяется расширению сети мелких и средних гидростанций. На сегодняшний день спонсорскую поддержку для развития малой гидроэнергетики в горных районах удалось получить лишь со стороны Китая (проявляющего повышенный интерес к рекам Азад Кашмира), однако в качестве потенциальных инвесторов готовы выступить и японские фирмы (например, Japan Power Generation Ltd.)¹³.

Определенная финансовая помощь поступает также от международных организаций – в первую очередь Всемирного банка и Азиатского банка развития (АБР). Так, АБР предоставит правительству СЗПП заем в размере 180 млн. долл. Эти средства будут направлены на строительство трех небольших ГЭС мощностью 50,7 МВт¹⁴. Одновременно многие ведущие специалисты гидроэнергетики продолжают активно выступать за строительство больших ГЭС. По их мнению, природно-климатические условия Пакистана таковы, что в стране нужно строить крупные водохранилища, заполняемые в течение сезона наводнений – одна Калабагская плотина была бы эквивалентна работе почти 750 мелких дамб.¹⁵

По мнению экспертов-технологов, в настоящее время энергетика Пакистана сталкивается с двумя проблемами: это, во-первых, разрыв во времени между спросом и предложением электричества (84 % его ежегодных потоков приходится на летний сезон и только 16% – на зимний) и, во-вторых, разрыв между себестоимостью электричества и ценами за электроэнергию на потребительском рынке. Так, стоимость электричества, произведенного на ГЭС Тарбела, составляла в 2007 г. приблизительно 0,14 рупии за кВт и около 0,12 рупии на Мангле по сравнению с примерно 2–6 рупиями на средней тепловой станции¹⁶. Вместе с тем низкая эффективность существующей системы государственного контроля и управления водным хозяйством ведет к неравномерности в распределении водных ресурсов не только во времени, то есть по сельскохозяйственным сезонам, но и в пространственном отношении. Поэтому, принимая во внимание экономическую обусловленность строительства мощных гидрокомплексов, нельзя забывать и о политических последствиях осуществления подобных проектов, ибо ввод в действие любой крупной ГЭС приведет к перераспреде-

лению воды между провинциями. И это при том, что, как уже было отмечено выше, основной гидроэнергетический потенциал сосредоточен в СЗПП и Азад Кашмире, а главные ирригационные сооружения (каналы, плотины, водохранилища, резервуары) сконцентрированы в долине Инда, то есть в Панджабе (64,5%) и Синде (19,4%), в то время как на СЗПП и Белуджистан приходится лишь 16% оросительной системы. Непропорциональное распределение воды между пакистанскими провинциями, равно как и между отдельными округами ведет к обострению диспропорций между различными районами, что, в свою очередь, обуславливает обострение внутривнутриполитических противоречий. В целом ситуация в долине Инда во многом напоминает положение в Ферганской долине, с той лишь разницей, что там давняя война за хлопок и воду с 1991 г. приобрела форму межгосударственных конфликтов между членами СНГ – нечто среднее между борьбой за трансграничные реки в рамках самого Пакистана и аналогичной борьбой за водные ресурсы в его отношениях с Индией.

Наглядным примером межпровинциальных противоречий внутри Пакистана являются дебаты вокруг Калабагской плотины. Разработанный первоначально в 1953 г., этот проект был предан забвению до тех пор, пока осенью 1985 г. администрация США не предложила Пакистану финансовую и техническую помощь. Плотина должна быть сооружена в 193 км вниз по течению от плотины Тарбела, в месте слияния Инда с его притоком рекой Сохан. Помимо дополнительных источников энергии (предполагаемая мощность ГЭС 2400 МВт) сооружение этого гидротехнического комплекса позволило бы оросить свыше 6 тыс. га сельскохозяйственных угодий.

Сразу после опубликования проекта строительства Калабагской плотины с его резкой критикой выступили жители СЗПП, Синда и Белуджистана, полагающие, что Панджаб стремится установить контроль над водой Инда, чтобы проводить мелиорацию своих земель. Электроэнергия, произведенная на Калабагской ГЭС, также будет использоваться в основном в Панджабе. Строительство плотины окажет негативное воздействие на окружающую среду в СЗПП: значительная часть округов Ноушехр и Пешавар будет затоплена (водохранилище будет занимать площадь в 280 тыс. кв. км), а округ Мардан превратится в болото. Строительство плотины окажет негативное воздействие и на доступность воды для мелиора-

тивных работ в Синде и Белуджистане. В итоге под сомнением оказалось предоставление финансовой поддержки со стороны зарубежных инвесторов – стоимость проекта (в его первоначальном варианте) оценивалась в 5 млрд. долл.¹⁷

Однако параллельно существует и диаметрально противоположное мнение. В разработанном проекте указывается, что Калабагская ГЭС должна будет заменить постепенно выходящие из строя плотины Мангла и Тарбела. Поэтому с точки зрения зарегулирования речного стока и борьбы с возможными наводнениями в масштабах всей страны Калабагская гидросистема заслуживает положительной оценки. В мае 2001 г. правительство объявило о том, что начало строительства Калабагской плотины откладывается на неопределенную перспективу, и предписало Управлению ВАПДА подготовить детальные технико-экономические обоснования к гидропроектам на других участках Инда, включая уже упомянутую плотину Баша приблизительно в 320 км вверх по течению от Тарбелы. Панджаб, однако, продолжил требовать строительства плотины в Калабаге, утверждая, что это является самым подходящим участком для новой главной дамбы на реке Инд.

Несмотря на неутихающие (в основном межпровинциальные) дебаты вокруг Калабага в 2004 г. правительство официально объявило, что и Калабаг, и Баша должны быть построены, чтобы удовлетворить растущие потребности страны как в ирригации, так и в энергетике. Проектные работы по Баше начались в мае 2006 г. Вопрос о Калабагской плотине пока остается открытым, однако правительству будет трудно найти какое-либо компромиссное решение, учитывая все возможные последствия строительства (как природно-экологические, так и политические). Но если политические противоречия по-прежнему ограничиваются беспросветными дебатами на федеральном и провинциальных уровнях, то природная динамика уже давно и во многом подчинена глобальным тенденциям.

Вместе с тем строительство новых ГЭС на трансграничных реках не может не привести к очередному обострению отношений Пакистана с Индией. В настоящее время проблема заслуживает наиболее пристального внимания, поскольку за годы независимого существования Индии и Пакистана количество пресной воды на душу населения в Индии сократилось почти в три раза – с 5 тыс. кубометров до 1,8 тыс., а в Пакистане –

более чем в четыре (с 5,6 тыс. кубометров до 1,2 тыс.). Показатель в 1 тыс. кубометров считается критическим¹⁸.

Уже в первый год после провозглашения независимости обоих государств, весной 1948 г., Индия продемонстрировала своему соседу действенность «водного оружия», перекрыв снабжение водой каналов, орошающих поля в пакистанском Панджабе. В 1960 г. Индия и Пакистан нашли компромисс: они заключили договор о развитии бассейна реки Инд, согласно которому в пользовании Пакистана оказывались воды трех западных рек, питающих Инд, а в пользовании Индии – трех восточных. По этому договору Индия брала на себя обязательство не нарушать водосток рек, протекающих по ее территории, но определенных в пользование Пакистана. В 1960 г. при посредничестве Всемирного банка Дели и Исламабад подписали договор о разделе водных ресурсов Инда. По этому договору Индия получила право распоряжаться водой трех восточных притоков Инда – Сатледжа, Рави и Биаса, а Пакистан получил право на воду Инда, а также его притоков – Джелама и Чинаба. В настоящее время договор оказался под угрозой.

Обострение водной проблемы произошло в начале 2005 г., когда Дели объявил о планах строительства гидроузлов на реке Чинаб. Индия, где из-за дефицита воды в последнее время обострились отношения между штатами Панджаб и Хариана, заявила о своих претензиях на данную трансграничную реку на территории штата Джамму и Кашмир и о планах строительства на ней двух плотин (в том числе крупного гидроэнергетического комплекса Баглихар). Пакистан усмотрел в этом нарушение договора 1960 г., а мировые СМИ заговорили о том, что «водный удар» по Пакистану может оказаться даже более эффективный, чем ядерный (к тому времени обе страны уже обзавелись ядерным оружием). В случае нехватки воды для полива Пакистан столкнется с социально-экологической катастрофой и межпровинциальным расколом. Для предотвращения подобного кризиса необходимо не допустить нехватки воды для полива – такая задача может быть решена путем увеличения забора воды из Чинаба. Сокращение речного стока от строительства Индией плотины Баглихар ощутит прежде всего провинция Синд, расположенная в нижнем течении Инда, так как крупнейшая и в политическом плане доминирующая провинция Панджаб снабжается водой из Инда и Джелама. Синд и сегодня считает себя обделенным, его самые южные районы под-

вержены затоплению морской водой, в устье Инда происходит заиливание, а вверх по течению – засоление и заболачивание. Для сельского Синда это вопрос выживания. Не случайно, именно там и в соседнем Белуджистане наиболее распространены глухое недовольство образованного класса и ожесточение масс.

Пакистан вступил в переговоры с Индией и неоднократно обращался в международные юридические органы с просьбой не допустить строительства. Спор из-за воды способен осложнить урегулирование Кашмирской проблемы. А решить его можно, очевидно, лишь путем согласованных действий как Индии и Пакистана, так и мирового сообщества. Правительство Индии, со своей стороны, обратилось к Пакистану с протестом по поводу строительства в Азад Кашмире ГЭС Баша (оценочная стоимость 60 млн. долларов, проектная мощность 3360 МВт). По мнению индийской стороны, строительство данной ГЭС приведет к затоплению значительных земель, находящихся на индийской территории Джамму и Кашмир.

Неутихающие разногласия между Индией и Пакистаном за контроль над водными ресурсами трансграничных рек могут привести к всплеску террористических атак и большой экологической катастрофе. Вывод из строя ГЭС и плотин приведет к наводнениям, выходу из строя системы ирригации, потере посевных площадей, продовольственному кризису и человеческим жертвам. Пакистан может оказаться лишенным своего главного богатства – плодородной земли в долине Инда и нарушенного баланса пресных вод. На восстановление ирригационной системы потребуется несколько десятилетий.

Кроме того, вокруг распределения водных ресурсов трансграничных рек уже в ближайшие годы может возникнуть новый очаг напряженности. В 50 км вниз по течению от относительно устаревшей Тарбелы недалеко от города Атток в Инд впадает его правый приток – река Кабул. Берущая начало в горах Гиндукуша, река протекает по территории Афганистана и Пакистана, широко используется на нужды орошения в СЗПП. До недавнего времени это был единственный относительно крупный приток Инда, который не был охвачен международными конфликтами. В последние годы, однако, конфликтная ситуация постепенно начинает распространяться и на плотину, к строительству которой на реке Кабул приступил Афганистан. Обращает на себя внимание также и тот факт, что строительство

ведется при финансовой и технико-экономической поддержке Индии. Пакистанская сторона утверждает, что строительство дамбы приведет к сокращению речного стока, что негативно скажется на социально-экономическом развитии (в первую очередь орошаемого земледелия) как в СЗПП, так и в Синде¹⁹.

Пока проблема речного стока Кабула, в отличие от распределения восточных притоков Инда, не обсуждается широко ни в Пакистане, ни на мировом уровне. Однако вполне допустимо, что как только военные действия на территории Афганистана прекратятся, потребление воды на нужды экономики возрастет в этой стране как минимум в три раза – сейчас расходуется не более 3 кубокилометров воды в год. В этой связи можно предположить, что в не столь отдаленной перспективе в отношениях между Пакистаном и Афганистаном именно водные ресурсы превратятся в главную причину раздора – по аналогии с индийско-пакистанскими противоречиями в Кашмире.

Особое внимание к пакистанской энергетике проявляет и обладающий богатым углеводородным потенциалом Иран. Однако в отличие от Китая и Японии он заинтересован не столько в строительстве малых и средних ГЭС по всему Пакистану, сколько в прокладке ЛЭП и в поставках готовой электроэнергии в соседние с ним приграничные районы. В соответствии с достигнутым в 2008 г. соглашением иранская сторона организует поставки электроэнергии в 31 приграничный пакистанский населенный пункт на юго-западе пакистанского Белуджистана. В сентябре 2008 г. правительство Ирана предложило дополнительно поставить 20 мегаватт для удовлетворения спроса в зоне строящегося на Аравийском побережье порта Гвадар, по поводу данного проекта уже ведутся переговоры²⁰.

По сравнению с иранской стратегией более абстрактными с точки зрения как экономической обоснованности, так и политической целесообразности выглядят грандиозные планы Таджикистана. Это государство стремится выйти на южноазиатский рынок и превратить себя в ведущего экспортера электроэнергии в Афганистан и Пакистан (а в дальнейшем и в Индию) за счет строительства цепи гидроузлов в верховьях питающих Амударью рек и прокладки ЛЭП через горные перевалы. Природный потенциал для осуществления таких планов у таджикского руководства есть: по запасам гидроэнергоресурсов (300 млрд. кВт. ч в год) Таджикистан занимает восьмое место в мире, а по показателям на душу населения – первое²¹.

27 апреля 2005 г. было подписано Соглашение между Таджикистаном и Афганистаном о сотрудничестве в области энергетики, предусматривающее совместное освоение гидроэнергетических ресурсов реки Пяндж и развитие межгосударственных линий электропередачи. Соглашение, в частности, предусматривало строительство ЛЭП Рогун – Хорог – Ваханский коридор (Афганистан) – Пешавар (Пакистан) протяженностью около 650 км (до границы с Афганистаном) и ориентировочной стоимостью 274,3 млн. долл.²² На региональной конференции в Исламабаде в мае 2006 г., когда к планам Таджикистана по экспорту энергии в Пакистан присоединилась и Киргизия, а Афганистан согласился обеспечить транзит, был утвержден так называемый проект CASA-1000 (Central Asia – South Asia – 1000, то есть Центральная Азия – Южная Азия – 1000). Согласно данному проекту, Пакистан формально выразил заинтересованность в импорте из Таджикистана 1000 МВт. На следующей конференции в Душанбе в октябре 2006 г. эти четыре страны подписали договор о намерениях по строительству линии высокого напряжения и координации усилий соответствующих министерств. Эта инициатива основывалась на планах завершения нескольких гидротехнических проектов, возведение которых было начато на территории Таджикистана еще в советские времена.

Главным препятствием на пути экспортных поставок электроэнергии из Таджикистана в Пакистан выступают финансовые и инвестиционные барьеры. Таджикистан, который зимой испытывает существенный дефицит электроэнергии из-за снижения уровня воды в реках, не в состоянии самостоятельно достраивать ГЭС, заложенные еще в советское время. В начале 2000-х годов было подписано межправительственное соглашение с Россией и Ираном о достройке Сангтудинских ГЭС-1 и ГЭС-2 и Рогунской ГЭС. Однако иранская сторона пока не стремится к активному участию в этих проектах и теоретически рассматривает лишь проект достройки небольшой Сангтудинской ГЭС-2. В итоге РАО «ЕЭС России» (прекратило свою деятельность как юридическое лицо 1 июля 2008 г.) стало строить Сангтудинскую ГЭС-1, получив в ней 75-процентную долю (25% осталось в собственности Таджикистана), и пообещало вложить 127,5 млн. долл. Российские эксперты часто критиковали РАО за то, что оно стало работать на Сангтудинской станции проектной мощностью 670 МВт, а не на Рогунской –

мощностью 3,6 тыс. МВт, строительство которой было начато в 1976 г., которая должна стать крупнейшей в Центральной Азии и позволит регулировать водные потоки, тем самым воздействуя на Узбекистан.

Кроме того, для практического воплощения этих проектов, в частности прокладки ЛЭП через афганскую территорию, необходимо учитывать как минимум еще три немаловажных обстоятельства. Во-первых, к их осуществлению можно будет приступить лишь после прекращения боевых операций на территории Афганистана. Однако при этом следует учитывать и то обстоятельство, что американская компания AES также подписала инвестиционный договор с Таджикистаном о намерении передачи ей недостроенных объектов гидроэнергетики для их последующего завершения и экспорта летних излишков в Афганистан и Пакистан. Со своей стороны, Индия финансирует и обеспечивает создание северо-восточной электросети в Афганистане, которая протянется из Таджикистана в Афганистан, и, в частности, строит важный участок длиной 200 километров от Пул-и-Хумри к Кабулу. Тем не менее достижение политической стабильности в Афганистане, равно как и в пакистанской СЗПП видится лишь в отдаленной перспективе.

Во-вторых, как уже было отмечено выше, Пакистан и сам обладает высоким гидроэнергетическим потенциалом и далеко не исчерпанными водными ресурсами (на которые, правда, частично претендует и Индия). С точки зрения экономической целесообразности Пакистану было бы намного выгоднее построить каскад малых, средних и крупных ГЭС на собственной территории (с привлечением международной помощи и иностранных инвестиций).

Наконец, в-третьих, превращение Таджикистана в важнейшего экспортера энергии приведет к нарушению водного баланса и сокращению естественного стока в Ферганской долине, что спровоцирует возникновение большого очага политической напряженности на территории СНГ. Уже сейчас Узбекистан, испытывающий постоянный дефицит воды к подобным инициативам Таджикистана относится весьма настороженно. На саммите ШОС в августе 2007 г. президент Узбекистана обрушился на «некоторые страны» региона, которые слишком увлекаются строительством ГЭС на трансграничных реках, и заявил о необходимости «разумного использования водно-энергетических ресурсов в регионе Центральной Азии, вызы-

вающих сегодня различные и неоднозначные подходы». И хотя узбекский президент прямо не назвал «некоторые страны», всем было ясно, что имеется в виду Таджикистан, вынашивающий амбициозные планы строительства целой серии ГЭС на реках Вахш и Пяндж, образующих при слиянии главную реку Центральной Азии – Амударью, и на реке Зеравшан – притоке Амударьи.²³ Сразу после введения в строй первой очереди Сангтудинской ГЭС уровень воды в Нурекском водохранилище резко снизился, в связи с чем в три раза снизился водоток в русле реки Вахш.

Случайно или нет, но 11 ноября 2008 г. в российских СМИ появилось сообщение о том, что Узбекистан выходит из состава Евразийского экономического сообщества (ЕврАзЭС), объединяющего 6 постсоветских государств – помимо Узбекистана в него входят Россия, Белоруссия, Казахстан, Киргизия и Таджикистан. По мнению «Времени новостей», членство Узбекистана в этой организации «никак не способствовало... решению водно-энергетических проблем в регионе, как желали бы этого в Ташкенте»²⁴.

Россия, со своей стороны, проявляет определенный интерес к гидроэнергетике Таджикистана, о чем свидетельствуют итоги визита в эту республику в августе 2008 г. президента Д.А. Медведева. «Мы продвигали и будем продвигать крупные российско-таджикские проекты. Флагманы этих проектов – это гидроэнергетические проекты. Я имею в виду, конечно, и строительство Сангтудинской ГЭС, которое успешно идет и будет в запланированные сроки столь же успешно, уверен, завершено», – заявил он по окончании переговоров²⁵.

Что же касается пакистанского рынка энергетики, то здесь российские предприятия и организации фактически отсутствуют. В реализации пакистанских гидротехнических проектов ни советские, ни российские организации в качестве подрядчиков участия не принимали. (В/О «Технопромэкспорт» участвовало только в строительстве ТЭС – четыре энергоблока по 210 МВт, – но по ряду причин свернуло свое присутствие в Пакистане). Пока имеются сведения только об участии в тендере на поставку гидромеханического оборудования для ГЭС «Khan Khwar», «Duber Khwar» и «Allai Khwar» СПКТБ «Мосгидросталь» (ОАО «Гидромонтаж», Москва) совместно с частной фирмой «Engineering Kinetiks»²⁶. По всей видимости, на первом этапе представляется возможным начать восстановление рос-

сийского присутствия на пакистанском рынке с участия в строительстве малых ГЭС мощностью от 3–5 до 20 МВт²⁷.

Пока же традиционный интерес российских фирм и компаний по-прежнему привязан в основном к индийскому рынку. Так, по некоторым сведениям, соглашения о сотрудничестве в области индийской гидроэнергетики были подписаны еще в ноябре 2007 г. – о создании совместной холдинговой компании и о строительстве к 2017 г. на территории Индии 50 новых ГЭС (включая гидроузлы малых мощностей)²⁸. В декабре 2007 г. государственная холдинговая компания «ГидроОГК» (сменила название в июне 2008 г. – на «РусГидроОГК») и «Внешэкономбанк» подписали меморандум о взаимодействии при реализации инвестиционных проектов по строительству ГЭС. И хотя в списке проектов не оказалось ни одной зарубежной стройки, руководитель «ГидроОГК» отметил: «У нас действительно есть планы, например, по управлению индийскими ГЭС, в этом мы видим серьезную перспективу. Потом будем двигаться дальше. Список проектов не закрыт»²⁹.

Видимо, в перспективе РФ могла бы выйти на энергетический рынок Пакистана, а главными направлениями двустороннего сотрудничества стали бы финансирование, технико-экономическая помощь, сейсморазведка и т.д. К сожалению, в современном Пакистане складываются тенденции, схожие с Центральной Азией, когда внутривнутриполитическая нестабильность и межрегиональные противоречия являются препятствием на пути иностранных инвестиций, а высокий потенциал гидроэнергетических ресурсов при дефиците технико-экономической поддержки оказывается недоступен для национальной экономики.

¹ Соловьев В., Волхонский В. Непреодолимые междуречья // Коммерсантъ ВЛАСТЬ, № 37 (741), 24.09.2007, с. 52.

² <http://www.pakistan.rustrade.org/vis/2008/01/04>

³ Economic Survey 2006–2007. Government of Pakistan. Islamabad, 2007, с. 37–38.

⁴ Economic Survey 2000–2001. Government of Pakistan. Islamabad, 2001, с. 228.

⁵ <http://www.tehrantimes.com.c/2008/09/29>

⁶ <http://www.pakistan.rustrade.org/vis/2008/01/14>

⁷ www.torgpredstvo.ru/torg_pred/2005/04/08

- ⁸ <http://www.pakistan.rustrade.org/vis/2008/01/14>
- ⁹ Dawn. Economic & Business Review. Karachi, 31.01–06.02.2005, с. IV.
- ¹⁰ www.torgpredstvo.ru/torg.pred/2005/04/08
- ¹¹ The News, 21.01.2007.
- ¹² The News, 11.08.2007.
- ¹³ www.torgpredstvo.ru/torg.pred/2005/04/08
- ¹⁴ <http://www.pakistan.rustrade.org/vis/2008/01/14>
- ¹⁵ Friday Times, 06–12.07.2007.
- ¹⁶ Там же.
- ¹⁷ Dawn, 4.02.1993.
- ¹⁸ Соловьев В., Волхонский В. Непреодолимые междуречья // Коммерсантъ ВЛАСТЬ, № 37 (741), 24.09.2007, с. 50.
- ¹⁹ The News, 6.08.2007.
- ²⁰ <http://www.tehrantimes.com.c/2008/09/29>
- ²¹ Соловьев В., Волхонский В. Непреодолимые междуречья // Коммерсантъ ВЛАСТЬ, № 37 (741), 24.09.2007, с. 52.
- ²² www.minenergo.tj/dawomash.ru
- ²³ Соловьев В., Волхонский В. Непреодолимые междуречья // Коммерсантъ ВЛАСТЬ, № 37 (741), 24.09.2007, с. 49.
- ²⁴ Время новостей, 12.11.2008, с. 1.
- ²⁵ <http://www.kremlin.ru/text/appears/2008/08/205890>
- ²⁶ www.torgpredstvo.ru/torg.pred/2005/04/08
- ²⁷ www.torgpredstvo.ru/torg.pred/2005/04/08
- ²⁸ www.sungroup/global.com
- ²⁹ Время новостей, 21.12.2007, с. 7.

ПУБЛИЧНАЯ ДИПЛОМАТИЯ И ИНФОРМАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА ИРАНА

Иран, одно из самых больших государств Ближнего Востока, играет активную роль в регионе с начала XIX века¹. Перманентная эволюция иранской внешнеполитической стратегии свидетельствует о том, что Иран является активным международным игроком, вовлеченным в глобальную дискуссию по актуальным проблемам. С избранием М. Ахмадинежада президентом Ирана реализуется концепция “Двадцатилетняя перспектива”, согласно которой Иран планирует стать лидером исламского мира и новым цивилизационным центром². Внешнеполитическая доктрина страны синтезировала несколько идей – достижение статуса регионального лидера (амбициозное стремление последнего шаха Ирана М.Р. Пехлеви), экономический прагматизм (концепция президента А.А. Хашеми-Рафсанджани), последовательная интеграция в мировую экономику (идея президента С.М. Хатами). Эти идеи находят идеологическую поддержку в исламе, помогающем формировать главные постулаты внешней политики. Кроме синтеза предыдущих идей, президент М. Ахмадинежад предложил новый принцип иранской “наступательной дипломатии”, согласно которому все государства априори владеют равными возможностями и одинаковым статусом. Курс “наступательной дипломатии” предусматривает активную региональную политику Тегерана с использованием “фактора шиизма” и энергетической дипломатии.

Мессиянская идеология доктрины махдизма проявляется в иранской внешней политике, особенно в вопросе отношения Запада к иранской ядерной программе. Духовный наставник президента Аятолла Язди очертил позицию Ирана следующим образом: “Главной обязанностью тех, кто ожидает прихода Махди, является борьба с еретиками и глобальными лидерами”³. На этих принципах построены публичные выступления Ахмадинежада, направленные против Запада, который декла-

рирует шиитское мессианство как альтернативу “распаду и разрушению”, ожидающим Запад⁴. В противовес политике Хатами, направленной на осуществление межкультурного диалога, Ахмадинежад рассматривает вероятный ядерный конфликт с Западом как часть идеологической борьбы, предваряющей возвращение Махди⁵.

Публичная дипломатия Ирана

Значение иранской публичной дипломатии определяется тем, что она воспринимается как позиция одного из немногих правительств, озвучивающих мнение региональной “улицы” относительно США и Израиля и проамериканских режимов на Ближнем Востоке. После 1979 г. Иран завоевал уважение “арабской улицы” Ближнего Востока за сопротивление произраильской политике США.

Иранская поддержка Палестины стала одним из наиболее успешных инструментов публичной дипломатии, формируя положительный имидж страны даже среди исторических соперников Ирана в регионе. Однако эта позиция по палестинскому вопросу не принесла поддержки современному Ирану и его политике из-за живучести у соседей глубоких антиперсидских и антишиитских корней. Такая ситуация значительно сужает поле для маневра Ирана, отодвигая возможность стать региональным лидером. Официальный джафаритский мазхаб распространен в Ираке, Ливане, Кувейте, Йемене, Бахрейне, КСА, Иордании, Афганистане, поэтому иранская шиитская пропаганда в этих странах наиболее эффективна.

Однако с момента падения С. Хусейна в Ираке и талибов в Афганистане, укрепления “Хизбаллы” в Ливане, а также усилий Ирана добиться укрепления роли шиитов в регионе страна стала здесь основным актором – факт, который побудил к диалогу с Ираном многие правительства в регионе. Иран создал радио- и спутниковые каналы, ориентированные на различные целевые аудитории Ближнего Востока: от высокотехнологичного “Аль-Алам” до радиостанций на иврите, дари, пушту, курдском, узбекском, турецком, туркменском и азербайджанском языках.

Публичная дипломатия Ирана относительно стран Персидского залива содержит элементы напряженности в результате территориальных споров, дискриминации коренного шиитского

населения Залива и их поддержки Ирака во время ирано-иракской войны. Основным фактором, определяющим взаимоотношения Ирана с арабскими государствами, является противоположность их национальных интересов. Геополитические претензии Ирана обосновываются тем фактом, что географический центр мусульманского мира находится на границе Ирана и Пакистана, а не в арабском регионе. Историческое деление обитателей региона на арабов и “аджам” (презрительное прозвище персов) усиливается иранским взглядом на историю, в соответствии с которым арабское завоевание Ирана привело к гибели величественной доисламской цивилизации Персии. С арабской же точки зрения, чрезмерное влияние Персии на мусульманский мир обусловило “*шуубийя*” (искажение) изначального ислама⁶.

Камнем преткновения на современном этапе выступают спорные острова Томб и Абу-Муса. Иранский геополитик, автор книги “Политическая география Ормузского пролива” проф. Пируз Моджтахед-заде считает, что Великобритания предложила Ирану острова как компенсацию за отказ от претензии на Бахрейн. По мнению иранского автора, ни ЛАГ, ни ОАЭ не имеют права рассматриваться как юридическая сторона конфликта, так как “Меморандум о взаимопонимании” был подписан шахским Ираном и эмиром Шарджи⁷. С опровержением этого утверждения в СМИ выступает эмиратский геополитик, руководитель Дубайского Центра исследований Залива А. бен Сакар⁸.

Новый информационно-лингвистический конфликт (январь 2008 г.) возник с появлением на Earth Google спутникового изображения карты Персидского залива, на которой рядом с устоявшимся названием фигурировала арабская инновация – “Арабский залив”. Эта публикация вызвала протест иранской стороны не только против позиции известного поисковика, но и попыток арабских стран внедрить в международный лексикон термин “Арабский залив”, потому что исторически арабы называли Персидский залив Китайским морем⁹. За использование термина “Арабский залив” Иран также запретил продажу атласа National Geographic до внесения редакционных правок¹⁰. В контексте этого конфликта иранскими хакерами был сломан сайт одной из старейших эмиратских газет “Аль Халидж” (Шарджа), что стало первым подобным нападением в регионе. На главной странице сайта название “Арабский залив” было изменено на “Персидский”¹¹.

В зависимости от состояния отношений с Ираном страны Залива по-разному называли залив: “Арабский залив”, “Залив”,

“Залив Басры”, “Залив Бахрейна”, хотя Иран официально переименовал Персидский залив в Исламский (1979). Западные СМИ продолжают ссылаться на “Персидский залив”. Большинство новостных каналов арабского мира называет этот водоем Арабским, в то время как спутниковый канал “Аль-Манар” называет его просто “Залив”.

Несмотря на очевидные трудности, Иран в течение последних лет начал “наступление очарованием”, направленным на улучшение отношений со странами Залива и базирующимся на прагматичных экономических отношениях.

ОАЭ выступают главным торгово-экономическим партнером Ирана в регионе. Во-первых, в ОАЭ проживает значительная иранская община численностью до 450 тыс. чел., сосредоточенная преимущественно в Дубаи. Во-вторых, объем иранских капиталовложений в стране составляет до \$600 млрд., владение недвижимостью – от 10 до 30% всего фонда. В-третьих, ОАЭ служат реэкспортером оборудования для Ирана¹². Позиция Бахрейна относительно Ирана также детерминирована экономическими факторами, в частности, Меморандумом о взаимопонимании (2008), согласно которому арабская страна будет получать иранский газ¹³. Визит иранского президента (2006) побудил Кувейт заявить о том, что эта страна не станет плацдармом войны против Ирана. В последующем отношения между двумя странами значительно улучшились, свидетельством чего стало подписание соглашения об инвестициях (2008).

Невзирая на то, что Дамасская декларация ЛАГ осудила оккупацию Ираном трех островов в Персидском заливе, а Катар, Оман и ОАЭ изъявили готовность пропустить израильские самолеты к иранским ядерным объектам¹⁴, президенту Ахмадинежаду было предложено выступить в Бахрейне на XXVIII саммите ССАГПЗ, состоявшемся в столице Катара¹⁵, на конференции ОПЕК (2007), а также принять участие в хадже (2007).

Эффективность иранской внешнеполитической пропаганды подтверждает социологический опрос (2005), в соответствии с которым 63% респондентов шести арабских стран Залива негативно воспринимают международные санкции против иранской ядерной программы. Ирану удалось вызвать дискуссию в арабском мире по поводу своей ядерной программы, что усилило раскол между проамериканской властью стран Залива и антиамерикански настроенным населением. Власти Бахрейна, Катара, ОАЭ и Омана, иницирующие торговые контакты

с Израилем, встретили противостояние со стороны общественного мнения¹⁶.

Иранская публичная дипломатия в странах Леванта обусловлена идеологической и финансовой поддержкой палестинского движения и “Хизбаллы” в Ливане, а также двойственностью этих двух векторов. Роль Ирана в Ливане выросла с июля 2006 г., ИРИ кредитует широкую гуманитарную инфраструктуру “Хизбаллы”, в т.ч. в виде помощи Ливану на сумму в сотни миллионов долларов, что значительно превышает арабскую помощь. Это привело к росту влияния ливанских шиитов, однако среди суннитского населения отношение к Ирану остается неоднозначным.

Публичная дипломатия относительно Ирака была разработана после падения режима С. Хусейна. Важным фактором является то, что духовный лидер иракских шиитов аятолла Систани происходит из Ирана. В Ираке Иран ведет тонкую информационную политику: фонд аятоллы Хаменеи в Неджефе распространяет литературу, канал “Аль-Алам” завоевал популярность среди шиитов своим профессионализмом. В отличие от стран Персидского залива Иран открыл свои границы для туристов и паломников из Ирака¹⁷.

Значение Ирана в ближневосточной политике получило переосмысление во время конфликта в секторе Газа в конце 2008 г. – начале 2009 г. Генеральный секретарь ЛАГ 23 декабря 2008 г. призвал арабские страны наладить диалог с Ираном для урегулирования региональных проблем путем консультаций¹⁸. Однако заявление американского президента Б. Обамы относительно улучшения отношений между США и Ираном, по мнению иранского сайта PressTV, спровоцировало призыв Саудовской Аравии к союзу арабов против Ирана. Амр Муса также выдвинул требование, чтобы “никакие иностранные власти не вели переговоров с Ираном без арабов”¹⁹.

Для Ирана издавна важное значение имели отношения со странами бассейна Индийского океана, в которых персидский язык выступал в качестве *lingua franca*²⁰ и являлся первым языком ислама²¹. За последние годы начата кампания публичной дипломатии в Восточной Азии, укреплены отношения с Китаем, Индонезией и Малайзией. Во время визита аятоллы Шахриди (март 2007) Иран, Малайзия и Индонезия провозгласили преданность принципам единства мусульманских стран²². Продвигая собственные интересы в Юго-Восточной Азии, Иран сохраняет нейтралитет относительно оценок по-

давления мусульманских меньшинств на Филиппинах, в Таиланде и Мьянме, шиитского меньшинства в Малайзии, подчеркивая, что “приоритетом страны является экономика”²³. Пакистан и Иран, кроме традиционного военно-политического и экономического сотрудничества, заключили соглашение о сотрудничестве в борьбе с религиозным экстремизмом, в частности, в отношениях шиитов и суннитов. Первый в исламском мире общий шиитско-суннитский комитет улемов будет способствовать укреплению единства и гармонии в исламе²⁴.

Особенное значение приобрели отношения Ирана с ЮАР, одним из основных южноафриканских проектов в Иране стал “Иранселл” в сфере ИКТ²⁵. С целью уменьшения зависимости от Запада Иран также осуществляет интенсивное сотрудничество в сфере информационных технологий с Индией.

Важная роль отводится странам Центральной Азии и Кавказа. Отношения с Таджикистаном являются примером масштабы и направленности иранской публичной дипломатии в Центральной Азии, базирующейся на общем культурном наследии.

Благодаря антиамериканскому и антизападному вектору политики Иран получил новых союзников в Южной и Центральной Африке. В течение последнего периода самые тесные отношения, в т.ч. в сфере ИКТ, установлены со странами Магриба (Алжир, Тунис)²⁶.

Приоритетом иранской внешней политики стал южноамериканский континент. Подписанные с блоком “Боливарианская альтернатива” соглашения касаются также сотрудничества в сфере ИКТ²⁷. Арабо-латиноамериканская геополитическая ось наряду с ирано-латиноамериканской может составлять серьезную угрозу для Запада²⁸.

Широкую поддержку в странах “третьего мира” получила инициатива иранского духовного лидера аятоллы Хаменеи, суть ее в том, что с целью защиты исламского мира одно кресло постоянного члена СБ ООН должно принадлежать исламскому государству²⁹.

Невзирая на негативный контекст политических отношений с Западом, Иран выступает за развитие диалога и сотрудничества между религиями, в частности, между христианством и исламом. Свидетельством этого является принятие верительных грамот президентом страны от папского нунция в Иране монсеньора Ж.-П. Глобеля (апрель 2008), по сообщению “Радио Ватикан”, разговор между ними носил “сердечный характер”³⁰.

В контексте новой стратегии иранской публичной дипломатии президент Ирана М. Ахмадинежад в 2008 г. впервые выступил с рождественским приветствием на IV канале британского телевидения, Ахмадинежад отметил, что проблемы человечества возникают тогда, когда забывают проповеди Пророков, в том числе Иисуса Христа³¹.

Разработке нового курса иранской публичной дипломатии был посвящен форум, проведенный Государственным консультативным советом (март 2008 г.) при участии ученых в сферах информации, журналистики и дипломатии, таких как К. Мохаммеднежад, В. Аквиле, М. Реза и В. Гарави. Казем Мохаммеднежад, в частности, заявил, что иранская традиционная дипломатия, которая характеризовалась как тайная, на данном этапе трансформировалась в "открытую и публичную дипломатию", отметив основную роль СМИ в этом процессе. По мнению проректора Исламского университета А. Навабакша, СМИ стали инструментами дипломатии, которые способствуют повышению эффективности внешней политики государства. Исследователь Мохаммад Реза из Университета Шахид Бехешти отметил, что на смену геополитике приходит геодискурс, который оказывает влияние как на дипломатов, так и на общественное мнение.

Определяющую роль в формировании публичной дипломатии Исламской Республики Иран на современном этапе играет Корпус стражей исламской революции (КСИР). В состав КСИР входят силы специального назначения "Кудс", которые занимаются информационно-пропагандистской деятельностью с четкой территориальной привязкой (Турция и Закавказье; Ирак; Ливан; Центральная Азия, СНГ, Пакистан, Индия, Афганистан; Магриб; Центральная и Южная Африка; Европа, Северная и Южная Америка; страны Персидского Залива). КСИР наладил отношения с Сальвадором и Никарагуа, которые регулярно приглашаются в Тегеран на сессии Международной организации по проведению пятничных намазов³².

Информационная политика Ирана

Инструментом проведения внешней политики Ирана является эффективная внешняя пропаганда, которая имеет самые давние на Ближнем Востоке корни. Проаббасидская пропаганда ад-да'ва в 745 г. сплотила арабов и неарабов, шиитов и ха-

раджитов, потому что провозглашала основной преданность идее ислама³³.

Аятолла Хомейни после своего выдворения Саддамом Хусейном из Ирака (1978) осел в Париже, где сплотил “мозговой трест” религиозных и светских деятелей (А. Банисадр, И. Язди, С. Готб-заде), использовавший западные СМИ для пропаганды своих идей. Хомейни впервые в мусульманском мире использовал мощную информационную технологию в виде аудиокассет³⁴. Бесплатная раздача кассет обуславливала высокую эффективность хомейнистской пропаганды по сравнению с продававшимися кассетами с записью сирийских сатирических пьес о девальвации арабской политической системы. Взгляды Хомейни также нетрадиционно пропагандировали во время ежегодного хаджа 150 тыс. иранцев³⁵. Очень сильный информационный всплеск в мусульманском мире повлекла за собой иранская революция, состоявшаяся в юбилейный 1400 год хиджры.

Новым каналом для реализации внешнеполитических задач стал Интернет. Шейх Али Корани, директор компьютерного центра аятоллы Гюльпайбахан (Кум), своеобразно обосновывает внедрение современных Интернет-технологий: “Вы можете использовать нож либо на кухне, либо для преступления. Много вещей имеют двойственную природу, и эти технологии не являются исключением. Главная цель состоит в их использовании для добра”³⁶. В конце 1990-х годов иранские аятоллы инструктировали служителей мечети в Великобритании относительно подключения к Интернету и создания локальных сетей. “Проект кафе Медина” осуществлялся также в мусульманских школах. Спикер парламента Ирана Али Лариджани, сын популярного аятоллы Амоли и зять аятоллы Мотахари, по образованию математик-программист с кандидатской степенью олицетворяет собой растущую прослойку технократов-прагматиков, фанатично преданных исламу, что наглядно проявляется при решении вопросов широкого информационного спектра по международной тематике.

Роль информационных технологий в стране значительно выросла в эпоху президента Хатами, который принимал участие в организации антишахской пропаганды в Иране, руководил Исламским центром в Гамбурге, возглавлял издательскую группу “Кейхайн”, занимал пост начальника управления пропаганды и культуры вооруженных сил ИРИ. Значение Интернета в иранском обществе продемонстрировали президентские вы-

боры (1997), во время которых Хатами (<http://www.khatami.com>) и Натег-Нури (<http://nategh.co.ir>) вели борьбу в Сети³⁷. Идея М. Хатами относительно “диалога цивилизаций”, получив одобрение духовного руководства Ирана, активно и эффективно распространялась через СМИ, научные и культурные центры за рубежом и с помощью глобальных СМИ. Открытый для западной общественности образ нового президента составил основу действий иранского пропагандистского аппарата. Кинематограф, общее развитие культурных связей с границей и спорт ежедневно создавали многочисленные информационные поводы, которые активно обсуждались западными СМИ.

Слабость экономической политики Хатами позволила оппонентам провести пропагандистскую кампанию, которая привела к избранию М. Ахмадинежада президентом Ирана (2005). Выступление Ахмадинежада на Генеральной Ассамблее ООН (2005) обусловило коррекцию внешней политики Ирана и предопределило новую концептуальную базу работы с мировой общественностью – провозглашение политики справедливости, духовности и этики в международных отношениях, что вызывало поддержку со стороны Движения неприсоединения. Анализ запросов основных поисковых систем Интернета демонстрирует, что после выступления в Нью-Йорке интерес к личности президента значительно вырос³⁸, его вес приблизился к популярности Хатами в начале президентства³⁹. Линия Ирана относительно ядерной программы стала жестче; внимание мировой общественности к ядерному досье обусловило то, что иранские взгляды на широкий круг вопросов получили максимальное освещение в международных СМИ.

Основным инструментом иранской публичной дипломатии выступает международное радио- и телевидение. В августе 2008 г. объявлено о запуске ракеты-носителя “Сафир” со спутником связи “Омид”⁴⁰. На основании решения ОИК разрабатывается программа проектирования спутника мусульманских государств, который будет выведен на орбиту Ираном. Другие страны ближневосточного региона пока на это не способны⁴¹. Государственная телекомпания IRIB начала международное вещание на фарси на канале “Джаам-е Джам” (1997) и многоязычном “Сахар ТВ” (1997). “Джаам-е Джам” вещает на диаспору и пропагандирует культурно-цивилизационное наследие Ирана, имеет три канала: IRIB1 (Европа, Ближний Восток), IRIB2 (Европа, Северная Америка), IRIB3 (Ближний Восток, Азия,

Океания и Австралия) и владеет веб-сайтом www.jjtvn.ir⁴². Для концентрированного осуществления религиозного влияния из ИРИБ в октябре 2006 г. выделен канал “Коран” (<http://qurantv.irib.ir>).

Телеканал “Сахар ТВ”, созданный с целью “донести послание иранской революции внешнему миру”, осуществляет трансляцию на английском, французском, курдском, боснийском, урду и азербайджанском языках. Англоязычная версия канала ориентирована на Европу и предлагает религиозно-политические программы. Имеется также сайт www.saharirib.ir. На базе “Сахар ТВ” возник арабоязычный канал “Аль-Кавтар” (2006), на котором, кроме религиозно-культурных программ, готовятся шесть ежедневных информационных выпусков, а также освещаются политические дискуссии. Отдельные программы продуцируются в Бейруте и транслируются на Европу и Ближний Восток, задействован веб-сайт www.alkawthartv.ir⁴³.

Арабоязычный канал “Аль-Алам” получил международную известность за освещение пленения британских моряков в иранских территориальных водах (2007). На данном этапе канал используется для противодействия политическому влиянию КСА⁴⁴. В июле 2008 г. Египет закрыл представительство “Аль-Алам”, причиной этого стала демонстрация спорного фильма о бывшем президенте Египта А. Садате⁴⁵. Сайт канала <http://www.alalam.ir> отличается широкой новостной базой в области политики, экономики, науки и технологий. Сопутствующими Интернет-ресурсами является <http://live.irib.ir/alalam.aspx> и <http://www.alalam.ir/livetv.ram>.

Социологический опрос в Ливане, проведенный ИРИБ по окончании израильско-ливанского конфликта (сентябрь 2006), показал, что 22% респондентов отдали предпочтение “Аль-Алам”, 13% – “Аль-Кавтар”, 2,5% – англо- или франкоязычным версиям “Сахар ТВ”. Однако, по мнению руководителя Центра арабских и иранских исследований (Лондон) Али Рези Нури-Заде, попытки международного вещания на “Сахар ТВ” и “Аль-Алам” оказались неудачными. Лишь телеканал “Пресс ТВ” можно считать игроком регионального медиа-рынка⁴⁶. Первый международный англоязычный канал “Пресс ТВ” (июль 2007) имеет цель противодействовать западным и региональным СМИ, которые “очерняют имидж Ирана”. Задачей канала, по словам президента Ахмадинежада, является “предоставление поддержки угнетенным во всем мире”⁴⁷. “Пресс ТВ” выступает лучшим иранским новостным источником наподобие BBC и

Рейтер, используя в качестве источников информации информационные агентства Haeretz, Франс Пресс и Синьхуа⁴⁸. Имеются веб-сайты канала www.presstv.ir и www.presstv.com.

Новостной канал IRINN, или “Хабар”, по своему формату аналогичен BBC и CNN. Использование этим каналом нескольких спутников (1999) позволяет принимать его передачи на Ближнем Востоке, в Европе и Северной Америке. В ноябре в 2006 г. он выступил на платформе AsiaSat3S, что позволило вещать на Кавказ, Центральную Азию и Индийский субконтинент. Открытие телеканала на фарси стало центральным моментом визита главы ИРНА С. И. Заркоми (2009) в Таджикистан⁴⁹.

Примечательно, что из 30 провинциальных телеканалов половина является спутниковой, отдельные из них доступны в Интернете⁵⁰, который расширяет рамки пропагандистской деятельности Ирана, особенно на мультинациональных пограничных территориях. Большинство передач осуществляется на фарси, однако короткие выпуски новостей транслируются на русском, в провинциях также на азербайджанском, курдском и арабском языках.

Международное радио “Голос Исламской Республики Иран” осуществляет передачи на 30 языках, применяя спутники и подкасты – распространение аудио- и видеопередач во Всемирной Сети. Особое внимание уделяется странам Леванта (Ливан, Сирия, Израиль, Иордания). Радио на иврите “Голос Давида” (2002) и арабоязычный “Голос Палестины” сконцентрированы исключительно на палестинском вопросе⁵¹.

В Иране насчитывается пять информационных агентств, охватывающих полный спектр новостей и интервью, а ИРНА, “Фарс” и “Мехра” готовят комментарии и аналитические обзоры. С этими материалами, кроме архива ИРНА, можно ознакомиться в Интернете без регистрации и подписки. ИРНА (1979) является официальным информационным агентством, созданным на базе самого старого в регионе агентства Pars (1934). Основные цели ИРНА заключаются в защите национальных интересов Ирана, содействии исламской культуре и противодействии “культурному давлению врагов исламской революции”. ИРНА осуществляет сотрудничество с 70 информационными агентствами мира и предоставляет информацию на английском, арабском, русском, китайском, французском, турецком, сербо-хорватском языках. Англоязычный вариант “Иран дейли” работает на англоязычные страны. Под эгидой ИРНА на араб-

ском языке издается дайджест “Иран аль-Вефар”⁵², который считается очень эффективным пропагандистским изданием, созданным для “действенной связи между арабами и иранцами”, на данном этапе проходит лицензирование в Бахрейне и Омане⁵³. Особое место занимает газета для незрячих “Иран рафид” (“Белый Иран”), которая получила специальную премию ЮНЕСКО и является единственным изданием такого типа на Ближнем Востоке⁵⁴.

Первое частное информационное агентство “Фарс” (2002) создано с целью “поощрения принципов Исламской революции и защиты национальных интересов”. “Фарс” готовит материалы на английском и фарси, доступен сайт www.farsnews.com. Благодаря точности и оперативности информация широко используется в периодических изданиях. Информационное агентство “Мехр” (2003) является органом Организации распространения ислама (IPO), которая сотрудничает с Министерством культуры, редактор Первез Есмаали возглавляет Ассоциацию мусульманских журналистов Ирана. Целью деятельности агентства провозглашено “обеспечение правильной и оперативной информацией общественности, с акцентом на новости из Ирана и исламского мира”, информация продуцируется на фарси, английском, арабском, урду, немецком и турецком языках. Имеется доступный сайт www.mehrnews.com. В 2009 г. агентство открыло региональное представительство по Центральной Азии, Афганистану и Индийскому полуострову, которое “может стать мостом, соединяющим страны стратегического региона, имеющие общие культурные и цивилизационные корни”^{*}.

Информационное агентство иранских студентов ISNA (1999) лояльно к экс-президенту Хатами, его двуязычные материалы широко используются иранскими и зарубежными СМИ. Агентство предоставляет бесплатный доступ к фотоархиву на сайте www.isna.ir⁵⁵.

Более значительную роль в реализации заданий публичной дипломатии играют иранские интернет-ресурсы. При государственной поддержке создан англоязычный сайт lrpedia.com под лозунгом “Иран – земля цивилизации и дружбы”, рассчитанный на иностранную аудиторию. Аналогичные меры принимаются иранскими посольствами, в частности, одним из луч-

^{*} http://iran.ru/rus/news_iran.php?act=news_by_id&news_id=56786, 17.04.2009.

ших является англоязычный сайт иранского посольства в Канаде⁵⁶. В качестве примера удачного использования Интернет-ресурсов во внешнеполитических целях можно привести сбор англоязычных подписей на защиту населения сектора Газа (2009), организованный иранским сайтом www.reihane.ir⁵⁷.

Мозговой центр иранского Института политических и международных исследований (IPIS) при МИД Ирана представлен двуязычным сайтом, Международный институт по изучению Каспия (IICS) – сайтом с информационным бюллетнем, Центр доктринального анализа безопасности (ANDISHKADEH) – несколькими изданиями онлайн. Институт экономических и международных исследований (RIEIS), основанный дипломатом Х. Адели для стимулирования транснационального дискурса и международного сотрудничества в регионе, публикует аналитические обзоры и бюллетени⁵⁸.

Старейший информационный сайт Ирана, принадлежащий ИРНА, поддерживается на фарси, английском и арабском языках (<http://www.irna.com/welcom.html>). Новостные сайты, как правило, идентифицируются как “информационные агентства”, хотя официально не признаются правительством. Сайт www.aftabnews.ir финансируется научно-исследовательским центром Консультативного совета, который возглавляет экс-президент Рафсанджани, реформистский www.advarnews.com охватывает сторонников светских реформ в рамках религиозного общества, www.ansarnews.com является проправительственным, www.arefnews.com предоставляет эксклюзивные новости, что обусловлено контактами со Службой разведки Ирана⁵⁹.

Шиитские информационные ресурсы представлены порталом hawzah.net (фарси, арабский, английский) и международным порталом “Аль-Бейт” (на фарси, арабском, английском, французском, немецком, русском, индонезийском, таи и урду). В Сети действует около 50 шиитских сайтов религиозных заведений (основные языки – арабский, фарси, английский, французский, урду), 83 сайта религиозных центров (основной язык английский), 12 сайтов прессы (основной язык – английский, есть франко- и арабоязычные), 14 сайтов мечетей (основной язык английский, есть арабоязычные), 25 частных сайтов (преимущественно англоязычные).

Как следует из вышесказанного, Иран выступает доминирующим игроком публичной дипломатии ближневосточного региона. Страна осуществляет информационное противо-

стояние в двух форматах – с арабским миром и Западом, что требует применения различных технологий. В первом случае Иран осуществляет "дипломатию очарования", во втором – "наступательную дипломатию". Позитивным фактором является то, что в результате длительных напряженных отношений со значительной частью международного сообщества страна полагается на собственные технологии и специалистов. Иран использует многообразный информационный инструментарий, а также, в отличие от арабских стран, работает в широком языковом спектре. Принимая во внимание эти факторы, можно прогнозировать, что независимо от международной ситуации Иран будет удерживать многочисленную целевую аудиторию и в будущем, причем основное внимание сосредоточит на формировании выигрышного международного общественного мнения.

¹ Алиев А. Иран vs Ирак: история и современность. – М.: Изд-во МГУ, 2002, с. 463, 471.

² Королев В. Кровь на Святой Земле. – М.: АСТ; Астрель, 2007, с. 229–231, 244–247.

³ Parto-ye Sokhan (Iran), 11.10.2006.

⁴ ISNA (Iran), 06.09.2006.

⁵ Rooz, 16.10.2006.

⁶ Кепель Ж. Джихад. Экспансия и закат ислама. – М.: Ладомир, 2004, с. 368.

⁷ Тер-Оганов Н. Территориальный спор между ОАЭ и Ираном набирает силу. – М.: Институт Ближнего Востока, 10.04.2008.

<http://www.iimes.ru/rus/stat/2008/10-04-08a.htm>

⁸ Косач Г. Американский президент в регионе Персидского залива: некоторые размышления. – М.: Институт Ближнего Востока, 26.01.2008.

<http://www.iimes.ru/rus/stat/2008/26-01-08.htm>

⁹ Сурдель Д., Сурдель Ж. Цивилизация классического ислама. – Екатеринбург: У-Фактория, 2006, с. 322.

¹⁰ Al Lawati A. Al Khaleej newspaper website hacked // Gulf News, 22.05.2008.

¹¹ Там же.

¹² Кожанов Н. Торгово-экономические отношения Ирана со странами-членами ССАГПЗ. – М.: Институт Ближнего Востока, 03.08.2008.

<http://www.iimes.ru/rus/stat/2008/03-08-08a.htm>

¹³ В Иран прибывает бахрейнская делегация для переговоров о поставках иранского природного газа на Бахрейн // Iran News, 26.05.2008.

http://iran.ru/rus/news_iran.php?act=news_by_id&news_id=51785

¹⁴ Каспрук В. Иран-США: війна нервів. // Дзеркало тижня. – 2007. – 3 березня.

¹⁵ Мелкумян Е. Выступление Президента ИРИ М. Ахмадинежада на саммите ССАГЗ. – М.: Институт Ближнего Востока, 06.12.2007.

<http://www.iimes.ru/rus/stat/2007/06-12-07.htm>

¹⁶ El-Hokayem E., Legrenzi M. The Arab Gulf States in the Shadow of the Iranian Nuclear Challenge // The Henry L. Stimson Center in Washington, 26.05.2006, с. 8.

¹⁷ Харлинг П. Хамид Ясин – Можно ли считать иракских шиитов «одно-родной общностью»? // Свободная мысль. – 2006, № 6, с. 124.

¹⁸ Лига арабских государств призвала арабский мир к диалогу с Ираном // Жэньминь Жибао, 24.12.2008.

¹⁹ Между Ираном и Саудовской Аравией разгорается спор // Российское информационное агентство «Iran News», 06.03.2009.

²⁰ Алиев А. Иран vs Ирак: история и современность. – М.: Изд-во МГУ, 2002, с. 284.

²¹ Бартольд В. Работы по истории ислама и Арабского халифата. – М.: Восточная литература РАН, 2002, с. 250. – Сер.: Мусульманский мир.

²² Гусев М. Иран: поиски партнерства в Юго-Восточной Азии. – М.: Институт Ближнего Востока, 17.03.2007.

<http://www.iimes.ru/rus/stat/2007/17-03-07a.htm>

²³ Там же.

²⁴ Пакистан и Иран будут бороться с религиозным терроризмом сообща // Newsru, 23.07.2008.

http://www.iran.ru/rus/news_iran.php?act=news_by_id&n=1&news_id=52502

²⁵ ИРИ и ЮАР поднимают двухсторонние отношения на новый уровень // Iran news, 30.07.2008.

http://iran.ru/rus/news_iran.php?act=news_by_id&news_id=52603 (04.08.08)

²⁶ Akleh E. Arabic Media Internet Network: Obstructing the War on Iran // Arabic Media Internet Network, 13.08.2007.

²⁷ Месамед В. Иран – Венесуэла: совместный антиамериканизм. – М.: Институт Ближнего Востока, 09.07.2007.

<http://www.iimes.ru/rus/stat/2007/09-07-07.htm>

²⁸ Тройной кризис на Большом Ближнем Востоке. Материалы Круглого стола // Мировая экономика и международные отношения. – 2007, № 4, с. 92–95.

²⁹ Иран: Исламское государство должно стать постоянным членом СБ ООН // vz.ru, 16.06.2008.

http://iran.ru/rus/news_iran.php?act=news_by_id&news_id=51996

³⁰ Президент Ирана призвал к сотрудничеству между религиями во имя мира на Земле // NEWSru, 08.04.2008.

http://iran.ru/rus/news_iran.php?act=news_by_id&news_id=51179

³¹ Президент Ирана поздравит британцев с Рождеством по ТВ // REGNUM, 25.12.2008.

³² Ушаков В. Исламский фактор во внешней политике Ирана // Исламский фактор в международных отношениях в Азии (1970-е – первая половина 1980-х гг.). – М., 1987, с. 134–136.

³³ Алиев А. Иран vs Ирак: история и современность. – М.: Изд-во МГУ, 2002, с. 235.

³⁴ Захария Ф. Будущее свободы: нелиберальная демократия в США и за их пределами. – М.: Ладомир, 2004, с. 152.

³⁵ Алиев А. Иран vs Ирак: история и современность. – М.: Изд-во МГУ, 2002, с. 561, 592.

³⁶ Walters T., Masel L. Cyberspace and the United Arab Emirates: Searching for Tunes in the Air // Communication Technology and Policy Division: AEJM. – 2002. – August.

³⁷ Rahimi B. Internet and the State: The Rise of Cyberdemocracy in Revolutionary Iran. // ISA Conference. – 2003. – January.

³⁸ Ahmadinejad // Google Trends //

<http://www.google.com/trends?q=Ahmadinejad>

³⁹ Khatami // Google Trends //

<http://www.google.com/trends?q=Khatami&ctab=0>

⁴⁰ Иран намерен отправить на орбиту свой первый спутник связи // russian.xinhuanet, 25.08.2008.

http://iran.ru/rus/news_iran.php?act=news_by_id&news_id=52948

⁴¹ Некоторые подробности об иранских спутниках в интервью с руководителем Аэрокосмической организации Ирана // Iran News, 22.08.2008.

http://iran.ru/rus/news_iran.php?act=news_by_id&news_id=52940
(02.08.08)

⁴² Guide to Iranian Media and Broadcasts to Iran // BBC Monitoring. – 2007. – March, с. 11.

⁴³ Там же, с. 10.

⁴⁴ Dajani J. The Arab Media Revolution // Frontline World: News War, 27.03.2007.

⁴⁵ Египет // Ближний Восток // Novoteka //

<http://novoteka.ru/r/World/MidEast/Egypt>

⁴⁶ Press TV // Public Diplomacy // Wikia Politics //

http://publicdiplomacy.wikia.com/wiki/Press_TV

- ⁴⁷ ПК и электронная промышленность // Iran News // <http://www.iran.ru/rus/pkielektronnayapromishlennost.php>
- ⁴⁸ Kassima A. Iran: Commentary on Iranian Media // Global Press Watch. – 2007. – March.
- ⁴⁹ В Душанбе прибывает глава организации радио и телевидения Ирана. // Российское информационное агентство «Iran News». 16.02.2009.
- ⁵⁰ Guide to Iranian Media and Broadcasts to Iran // BBC Monitring. – 2007. – March, с. 5.
- ⁵¹ Там же, с. 16.
- ⁵² Там же, с. 25.
- ⁵³ Media and Advertising daily news // AME Info, 16.09.2007. http://www.ameinfo.com/news/Media_and_Advertising/16.09.07
- ⁵⁴ ПК и электронная промышленность // Iran News // <http://www.iran.ru/rus/pkielektronnayapromishlennost.php>
- ⁵⁵ List of Iranian news agencies // Wikipedia // en.wikipedia.org/wiki/List_of_Iranian_news_agencies
- ⁵⁶ Iran // Public Diplomacy // Wikia Politics // <http://publicdiplomacy.wikia.com/wiki/Iran>
- ⁵⁷ Иранский сайт проводит сбор подписей в защиту населения сектора Газа // Новости-Армения, 11.01.2009.
- ⁵⁸ Iran // Public Diplomacy // Wikia Politics // <http://publicdiplomacy.wikia.com/wiki/Iran>
- ⁵⁹ Guide to Iranian Media and Broadcasts to Iran // BBC Monitring. – 2007. – March, с. 27

ПАКИСТАН: РОЛЬ ИНОСТРАННОЙ ПОМОЩИ В РЕШЕНИИ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМ СТРАНЫ

Общеизвестно, что Пакистан столкнулся с целым рядом серьезных экономических проблем после выборов в 2007 г. тогдашнего президента страны Первеза Мушаррафа, в течение всего 2008 г. и в начале 2009 г. Об этом неоднократно упоминалось и на сайте Института Ближнего Востока (не будем цитировать опубликованные ранее статьи с целью экономии места и времени), в российских СМИ (как на радио, так и на телевидении), аналогично и на других сайтах в Интернете появлялась подобная информация. Мы уже не говорим о зарубежных СМИ, как пакистанских, так и индийских, западноевропейских и североамериканских. Среди недавних и современных экономических трудностей выделим лишь те, которые носят макроэкономический характер с целью лучшего понимания первостепенного значения иностранной экономической помощи.

Закончившийся в июне 2008 г. 2007/08 финансовый год был отмечен ухудшением как социально-экономической, так и политической ситуации в Пакистане. Об этом напрямую говорится в главном официальном экономическом документе пакистанского правительства «Обзоре экономики Пакистана», ежегодно выходящем в свет уже в течение почти 50 лет. В частности, представляя в июне 2008 г. пакистанским и иностранным экспертам этот документ, министр финансов и экономики страны Сайед Навид Камар отметил, что «2007–08 год был тяжелым годом для пакистанской экономики. Некоторые политические и экономические события как внутри страны, так и за рубежом произошли неожиданно. Среди них неблагоприятная политическая ситуация, нестабильность в сфере законодательства и порядка...»¹. Это несколько напоминает «неожиданность» прихода зимы в России, поскольку, например, что касается энергетического кризиса, то здесь вполне реально можно было ожидать в то время дальнейшего роста цен на

энергоносители, в первую очередь на нефть (что и происходило на определенном этапе). А учитывая то обстоятельство, что Пакистан удовлетворяет свои потребности в сырой нефти за счет собственной добычи лишь на 18%², то пакистанские эксперты в минфине страны должны были быть готовы к ухудшению энергетической ситуации, даже несмотря на происшедшее во второй половине 2008 г. – первой четверти 2009 г. постепенное падение цен на нефть всех сортов.

Рассматривая основные макроэкономические параметры, следует в первую очередь отметить замедление темпов экономического роста страны, в особенности по сравнению с предыдущими годами. В частности, реально прирост ВВП составил, по мнению министерства финансов страны, в 2007/08 финансовом году 5,8% (по сравнению с запланированным ростом в 7,2%)³. Мы вынуждены давать информацию по ведущим макроэкономическим параметрам на основе данных середины июня 2008 г., поскольку именно в это время публикуются данные по итогам завершившегося того или иного финансового года. Аналогично необходимая предварительная информация по итогам 2008/09 финансового года появится лишь в середине июня 2009 г.

Что касается состояния ведущих отраслей экономики в 2007/08 г. – сельского хозяйства и промышленности, – то здесь, естественно, также налицо падение производства, причем в агросфере оно носило просто катастрофический характер – до 1,5% по сравнению с планом в размере 4,8%. При этом главное снижение пришлось на основные сельскохозяйственные культуры, в то время как, например, животноводство, обеспечивающее 52% добавленной стоимости в этой отрасли, показало все же рост в размере 3,8%⁴. Заметим здесь же, что в текущем 2008/09 г., по предварительным данным, именно сельское хозяйство обеспечит пусть и небольшой, но экономический рост в этом году, в частности, за счет увеличения производства пшеницы до 25 млн. тонн (в предыдущем году сбор урожая этой культуры составил лишь 21,7 млн. тонн, на 2 млн. тонн меньше запланированного).

Рост промышленного производства составил лишь 5,4%, причем уровень возрастания крупной индустрии (всегда обгонявшее общее усредненное совместно с мелкой промышленностью увеличение общего объема промышленности) был на этот раз необычайно низок – всего лишь 4,8%⁵. Иными слова-

ми, здесь на первый план вышло мелкое промышленное производство, что в Пакистане случалось необычайно редко.

На ухудшение состояния экономики Пакистана оказал воздействие целый комплекс негативных факторов. Помимо уже упоминавшегося роста цен на энергоносители здесь свою отрицательную роль сыграли неблагоприятная конъюнктура на мировом рынке текстиля (являющегося основным экспортным товаром и, соответственно, главным источником валютных поступлений в страну), общий рост цен на многие продовольственные товары, приведший в итоге к заметному росту внутренних цен на них (и как результат – перераспределение структуры частного потребления низко- и даже среднедоходных слоев пакистанского общества в сторону увеличения расходов на продовольствие и сокращение затрат на иные товары и услуги), налоговые послабления в бюджете, обусловившие сокращение его доходной части, снижение притока прямых иностранных инвестиций (явившееся результатом в первую очередь нестабильности политической обстановки в Пакистане), ускоренный рост цен внутри страны на многие товары первой необходимости (не только продовольственные), значительный рост впервые за последние 10 лет государственного долга и некоторые другие причины.

Все вышесказанное, а также современное состояние национального хозяйства Пакистана свидетельствуют, что негативная макроэкономическая ситуация будет сохраняться и в предстоящие несколько лет. Прогнозирование экономического развития, даже располагая обширной информацией – вещь весьма неблагоприятная. Однако в данном случае уже можно определенно сказать, что, например, темпы экономического роста в 2008/09 г. будут явно ниже аналогичного параметра предыдущего года.

Сошлемся вначале на мнение экспертов Мирового банка и МВФ, которые полагают, что максимум, чего сможет достичь Пакистан в этом плане, так это увеличения ВВП лишь в размере 3,5%, склоняясь даже скорее к цифре в 3%; при этом эксперты МВФ полагают, что эта цифра будет скорее всего даже не выше 2,5%⁶. Нельзя не заметить, что Плановая комиссия Пакистана была уверена в 2008 г., что страна сможет достичь роста не менее чем в 6,5%. Выводы Мирового банка и МВФ основывались на заключении экспертов этих двух международных организаций, работавших в Пакистане в мае 2008 г.

с целью детального изучения ситуации в пакистанской экономике и прогноза ее развития в будущем⁷. Отметим здесь же, что пакистанский экономический официоз первоначально полагал даже уже в первой четверти 2008/09 г., что рост будет не ниже 5,5%⁸.

Однако в начале марта 2009 г. советник премьер-министра по экономике и финансам Шаукат Тарин был вынужден признать, что рост ВВП в 2008/09 г. составит лишь 2,5%, а в 2009/10 г. он в лучшем случае достигнет 4%. Причем это возможно, как он подчеркнул, лишь в случае выполнения взятых на себя обязательств американской стороной, рядом международных финансовых организаций, отдельными странами по оказанию экономической помощи Пакистану⁹.

И еще об одной весьма серьезной социально-экономической проблеме здесь следует сказать: высокой доле пакистанского населения, живущего ниже черты бедности. В подготовленном в марте 2009 г. экспертами Азиатского банка развития докладе отмечалось, что в 1999 г., например, таковых в процентном отношении насчитывалось 31,1% всего населения страны (137 млн. человек), в 2001 г. – 34,5% (143 млн. чел.), в 2005 г. – 29,3% (155 млн. чел.) и 40% в 2008 г. (163 млн. чел.)¹⁰. Более того, по мнению целого ряда независимых экспертов, «численность населения, проживающего ниже черты бедности, составляет в настоящее время около 50%, а разрыв между богатыми и бедными растет. Около 33% населения проживало ниже черты бедности в 1998–99 г. (где за критерий брался доход на душу населения ниже 1 доллара в день). Используя этот параметр, правительство Мушаррафа полагало, что в 2007 г. численность населения, проживающего ниже черты бедности, составила 24%, в то время как подавляющее большинство аналитиков считало, что таковых насчитывается 36%»¹¹.

Эта проблема существовала в Пакистане всегда, но особенно остро она проявила себя в условиях нынешнего финансово-экономического кризиса. Практически лишь с 90-х годов прошлого столетия решению этой сложнейшей проблемы стало уделяться едва ли не первостепенное внимание, в частности, с точки зрения выделения соответствующих внутренних бюджетных средств и продуктивной реализации поступающих извне финансовых ресурсов на выполнение целого ряда социальных программ по борьбе с бедностью¹². До этого же, несмотря на возрастающую неравномерность распределения до-

ходов, вопросы сглаживания такого рода неравномерности отходили на второй и даже третий план. Наиболее четко такая позиция была в свое время сформулирована в наметках четвертого пятилетнего плана экономического развития Пакистана (1970–1975 гг.): «Мы не можем распределять бедность. Прежде чем может быть улучшено распределение доходов, необходимо обеспечить экономический рост»¹³.

Вместе с тем пакистанское руководство в определенной степени с осторожностью подходит к вселенскому плачу о бедственном и критическом состоянии экономики страны (с целью получения максимальной помощи от доноров). Выступая в конце апреля на совместном заседании руководства Всемирного банка и МВФ (ежегодная весенняя сессия), упоминавшийся выше советник премьер-министра по экономике и финансам Шаукат Тарин подчеркнул, что «в настоящее время мы сосредоточиваем наше внимание на росте и увеличении уровня инвестиций в сельское хозяйство, социальную и производственную инфраструктуру – энергетику и водоснабжение, борьбу с бедностью и т.п., с тем, чтобы сократить нашу зависимость от иностранной помощи»¹⁴. Таким путем подчеркивалось то, что пакистанское правительство и само не дремлет, стараясь не только надеяться на внешнюю помощь, но и предпринимать определенные усилия по выходу из кризиса самостоятельно.

Параллельно пакистанские эксперты отмечают широкие возможности частного сектора страны, который, по их мнению, способен уже в самое ближайшее время вложить 208 млрд. рупий (примерно 260 млн. долл.) в проекты производственной инфраструктуры в рамках Программы поощрения инфраструктурных проектов, обозначенных правительством Пакистана¹⁵.

Однако нет сомнений в том, что экономика Пакистана явно не сможет преодолеть существующие в национальном хозяйстве страны трудности без помощи извне, о чем говорят и пишут как сами пакистанские эксперты, так и официальные лица. Тот же советник премьера Шаукат Тарин в интервью в конце марта с.г. агентству «Рейтер» подчеркнул, что «экономика Пакистана будет находиться в безопасности, поскольку ожидается существенный приток иностранной помощи»¹⁶. А за месяц до этого интервью группа зарубежных частных аналитиков пришла к однозначному выводу, что если Пакистан не получит необходимую ему иностранную помощь, в первую очередь от США, то «он просто скатится в пропасть»¹⁷. Председатель Се-

ната Пакистана Миан Раза Раббани был вынужден признать, что в январе этого года Шаукат Тарин направил руководству МВФ письмо с настоятельной просьбой оказать максимальную экономическую помощь Пакистану (до этого Раббани наотрез отказывался подтвердить отправку такого письма)¹⁸. А президент Пакистана Асиф Али Зардари в своем обширном интервью в конце января с.г. газете «Washington Post» подчеркнул, что «Пакистану требуется экономическая помощь, а не общие разговоры о снижении напряженности на афгано-пакистанской границе и в полосе племен и о настоятельной необходимости решения кашмирской проблемы»¹⁹.

Отметим, что потребности страны в иностранной помощи, которая реально может спасти Пакистан от экономического краха в условиях финансового кризиса, оцениваются в весьма крупную сумму в размере 13 млрд. долл. в 2008/09 г. и свыше 12 млрд. в 2009/10 г. Предварительная информация свидетельствует, что Пакистан получит необходимую ему сумму иностранной помощи и даже сможет несколько увеличить валютные резервы. Руководство МВФ одобрило предоставление кредита в размере 7,6 млрд. долл. в предстоящие 2 года, из которых Пакистан уже получил 3,1 млрд. В апреле этого года от МВФ поступило еще 840 млн. долл. в счет предоставления остальных 3,5 млрд. долл. помощи от этой организации.

Еще 500 млн. долл. Пакистан получил в начале апреля с.г. в качестве беспроцентного кредита от Всемирного банка своего рода «получелевым» назначением – как средство поощрения усилий правительства страны по стабилизации экономики, для борьбы с нищетой, а также для повышения уровня валютных резервов. Предполагается, что в течение 2009 г. Всемирный банк выделит на эти же цели еще 1 млрд. долл. Одновременно с траншем от МВФ Исламабад получил 200 млн. долл. от Азиатского банка развития. Наконец, Саудовская Аравия пообещала предоставить Пакистану помощь в размере 4 млрд. долл. целевым назначением для покрытия расходов по импорту нефти²⁰.

Естественно, что наибольшая помощь Пакистану оказывается со стороны США. Отметим, что в 2001–2007 гг., например, США предоставили финансовую помощь Пакистану по различным каналам в размере 9,6 млрд. долларов, включая 5,3 млрд. долл. военной помощи. Наиболее крупные суммы предоставлялись Исламабаду целевым назначением для борьбы с терроризмом. «Пакистан является нашим стратегическим партнером в борьбе

с исламским экстремизмом», подчеркивал Дж. Буш. Аналогичные высказывания не раз звучали и со стороны Барака Обамы.

Наиболее важным для Пакистана является очевидное намерение США заметно увеличить экономическую помощь стране, особенно с учетом крайне негативного влияния финансово-экономического кризиса. Вашингтон четко декларировал свое намерение оказать в ближайшие 10 лет помощь в размере 15 млрд. долл. Пока что вопрос находится на стадии обсуждения в Комитете по международным делам Сената, но поддерживается многими членами Комитета, а самое главное – его председателем Джоном Керри.

В ходе многократных контактов американских и пакистанских военных в последние месяцы главным предметом переговоров была, естественно, военная помощь Вашингтона Исламабаду. Визит начальника штаба Пакистана Ашфака Кияни в США и его интенсивные переговоры с министром обороны Робертом Гейтсом и Председателем Комитета начальников объединенных штабов адмиралом Майком Муленом в конце февраля 2009 г. показали, что американская сторона готова расширить военные поставки Исламабаду (правда, не расшифровывались детали такого рода поставок; возможно, что окончательно вопрос будет решен перед началом нового финансового года в США 1 октября 2009 г.). Отмечалось лишь, что нынешняя военная помощь в размере 300 млн. долл. ежегодно однозначно возрастет в несколько раз²¹.

Но уже сейчас Вашингтон принял решение в течение 5 лет ежегодно оказывать экономическую поддержку для стабилизации национального хозяйства страны в размере 1,5 млрд. долл. И тот же Джон Керри, председатель Комитета по международным делам Сената США представил доклад, где обосновал крайнюю необходимость немедленного предоставления этой помощи для предотвращения развала экономики Пакистана²².

Кроме того, Китай пообещал предоставить в течение 18 месяцев кредит на сумму 500 млн. долл. для повышения объема валютных запасов Пакистана²³.

И в заключение следует сказать о помощи еще одной международной организации, созданной совсем недавно – 26 сентября 2008 г. в рамках прохождения 63-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН, – «Друзья Пакистана», куда входят Австралия, Великобритания, Германия, Италия, Канада, Китай,

ОАЭ, Саудовская Аравия, США, Турция, Япония, а также представители ООН и ЕС.

На втором заседании этой организации 17 ноября 2008 г. пакистанская сторона, не мудрствуя лукаво представила на рассмотрение ее членов 71 проект на общую сумму в 60 млрд. долл., что, естественно, вызвало немалое удивление представителей всех стран размерами запрашиваемой суммы. Хотя было высказано однозначное мнение, что это – «список пожеланий, не более».

А 17 апреля 2009 г. в Токио состоялась очередная расширенная конференция членов организации «Друзья Пакистана», а также наблюдателей из более, чем 40 стран, включая Россию (так отмечалось в заключительном совместном заявлении по итогам работы конференции). На заседании Пакистан, в частности, умерил свои аппетиты, представив список уже из 61 проекта на общую сумму в 30 млрд. долл. в пяти согласованных с членами этой организации областях – общая стабилизация экономики страны, развитие приграничных с Афганистаном районов, энергетика, строительство плотин, дорожное строительство²⁴.

Однако главный итог конференции заключался в другом. Члены указанной международной организации пообещали Пакистану помощь в общей сложности в размере 5,28 млрд. долл. (Любопытно отметить, что Пакистан ожидал, что размер помощи составит не более 4 млрд. долл., а Япония и Всемирный банк предполагали, что эта сумма будет в пределах 6–7 млрд. долл.)²⁵.

¹ Pakistan Economic Survey 2007–08. Islamabad, 2008, с. i.

² Business Recorder, 11.06.2008. В связи с ухудшением положения на рынке энергоносителей правительство Саудовской Аравии приняло решение поставлять Пакистану нефть на весьма льготных условиях, т.е. по ценам ниже мирового рынка. Одновременно выросли размеры ежедневно поставляемой Пакистану нефти на такого рода условиях – с 80 тыс. баррелей в день до 110 тыс. А в марте 2008 г., учитывая серьезное ухудшение ситуации для Пакистана на рынке энергоносителей, эта страна предоставила Пакистану нецелевой грант на сумму в 300 млн. долл. (Business Recorder, 11.06.2008; The News, 12.03.2008).

³ Business Recorder, 10.06.2008.

Все экономические показатели рассчитываются по итогам того или иного финансового года не за 12, а лишь за 9 текущих месяцев (июль-март) с экстраполяцией на последующие 3 месяца (апрель-июнь, Provisional). Лишь через год публикуются данные непосредственно за весь финансовый год, да и то они носят в значительной степени пред-

варительный пересмотренный характер (Revised). Реальные (Actual) статистические данные появляются, как правило, по прошествии 2–4 лет после завершения того или иного финансового года.

⁴ Pakistan Economic Survey 2007–08. Islamabad, 2008. Economic and Social Indicators, с. 9.

⁵ Business Recorder, 10.06.2008.

⁶ Там же, 26.02.2009.

⁷ Там же, 11.06.2008.

⁸ Там же, 18.07.2008.

⁹ Там же, 03.03.2009.

¹⁰ Dawn, 24.03.2009; Pakistan Economic Survey 2007–08. Islamabad, 2008, Economic and Social Indicators, с. 7.

¹¹ Business & Finance Review, 16.03.2009.

¹² Подробнее по этим вопросам см. опубликованный на сайте Института Ближнего Востока материал: Жмуйда И.В., Морозова М.Ю. Бедность в Пакистане: причины роста и программы сдерживания. www.iimes.ru, 27.03.2009.

¹³ Socio-Economic Objectives of the Fourth Five Year Plan (1970–75). Islamabad, 1968, с. 17.

¹⁴ The Pakistan Times, 26.04.2009.

¹⁵ The News, 25.04.2009.

¹⁶ Dawn, 24.03.2009.

¹⁷ Daily Times, 26.02.2009.

¹⁸ Dawn, 27.01.2009.

¹⁹ Цит. по: The Nation, 29.01.2009.

²⁰ Business Recorder, 8.11.2008; 26.11.2008; Dawn, 24.03.2009; The Pakistan Times, 28.03.2009.

²¹ Dawn, 28.02.2009; 21.03.2009.

²² Там же, 03.03.2009.

²³ Там же, 25.01.2009.

²⁴ Mehmood-Ul-Hassan Khan. Friends of Pakistan donor conference: perceptions and realities // Business & Finance Review, 20.04.2009.

²⁵ Ibid.

**ИНВЕСТИЦИОННЫЙ РЕЖИМ
И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ИНОСТРАННЫХ КОМПАНИЙ
В ЭНЕРГЕТИЧЕСКОМ КОМПЛЕКСЕ КУВЕЙТА**

На сегодняшний день Кувейт занимает третье место среди производителей нефти в странах ОПЕК. Доказанные запасы сырой нефти в Кувейте оцениваются в 101,5 млрд. баррелей¹, что составляет 8% мировых запасов. По статистике, в стране функционирует порядка 1600 нефтяных скважин.

Стоит отметить, что помимо запасов, находящихся на территории Кувейта, существует еще так называемая нейтральная зона между Саудовской Аравией и Кувейтом, содержащая дополнительно 5 млрд. баррелей нефти, половина из которых принадлежит Кувейту. Наибольшая часть запасов нефти (70 млрд. баррелей²) сосредоточена в районе Большой Бурган, в который входят нефтяные структуры Бурган, Магва и Ахмади. Добыча нефти в этом районе превышает 1,6 млн. барр./сутки.

Месторождение Большой Бурган было открыто в 1938 г. и сегодня занимает второе место в мире по запасам нефти после месторождения Гавар в Саудовской Аравии. Запасы таких крупных месторождений Кувейта, как Раудхатейн, Сабриях и Минагиш оцениваются в 5,1; 4,3; 3,3 млрд. баррелей нефти соответственно. На этих месторождениях в основном добывается среднесернистая и легкая нефть. Запасы месторождения Южная Магва, разведанного в 1984 г., по оценкам экспертов, составляют около 25 млрд. баррелей легкой нефти. В 2003 г. в Кувейте объявили об открытии месторождения в районе Кара аль-Мару, которое содержит приблизительно 1 млрд. высококачественной низкосернистой нефти.

В 2006 г. Министерство нефти Кувейта заявило об открытии крупного месторождения на севере страны в районе Сабриях и Умм Ника, запасы которого, по предварительным данным, оцениваются от 10 до 13 млрд. баррелей низкосернистой нефти.

Добыча нефти

Текущая добыча нефти в Кувейте оценивается почти в 3 млн. барр./сутки. Большая часть кувейтской нефти добывается на месторождении Большой Бурган, из нефтяных структур которого (см. выше) добывают около 1,35 млн. баррелей в сутки³. На других крупных месторождениях (северные Радхатейн и Сабриях, южные Минагиш и Умм Гудаир, кувейтские месторождения в нейтральной зоне) добыча нефти составляет 475 тыс. барр./сутки, 190 тыс. барр./сутки и 270 тыс. барр./сутки соответственно⁴.

**Расположение основных
нефтяных месторождений Кувейта⁵**

Таким образом, около 2/3 добычи нефти Кувейта сосредоточено в юго-восточной части страны, 1/5 нефти добывается на севере и 1/10 на востоке. Что касается оффшорных месторождений в прибрежной зоне Кувейта, то до 2000 г. их разрабатывала компания «Arabian Oil Company» (АОС), 80% акций которой принадлежали японским инвесторам и по 10% – правительствам Саудовской Аравии и Кувейта. В 2000 г. закончилось время действия концессии Саудовской Аравии на добычу нефти в кувейтской зоне, а тремя годами позднее и всей АОС. После этого все оффшорные операции были переданы «Kuwait Gulf Oil Company» – государственной компании, являющейся подразделением «Kuwait Petroleum Company» (КПС)⁶.

Стоит заметить, что разведку, добычу и переработку нефти в государстве ведет КПС и ряд ее дочерних компаний. КПС является интегрированной международной компанией, в нее входят «Kuwait Gulf Oil Company», «Kuwait National Petroleum» (занимающаяся переработкой и продажей нефтепродуктов на внутреннем рынке), «Petrochemical Industries» (химпром), «Kuwait Foreign Petroleum Exploration» (добывает нефть в ряде развивающихся стран), «Kuwait Oil Tanker» (транспортная компания с флотом в 35 нефтяных танкеров, крупнейшая танкерная флотилия среди стран ОПЕК) и еще ряд компаний.

Примечательно, что правительство Кувейта ставит задачу по увеличению добычи нефти в ближайшее время. К 2010 г. планируется увеличение добычи до 4 млн. барр./сутки, а к 2020 г. до 5 млн. барр./сутки. Причем главной стратегической линией программы расширения производственных мощностей Кувейта является строительство новых товарных парков.

Стоит напомнить, что до иракской оккупации в 1990 г. у Кувейта было 26 товарных парков общей емкостью 4 млн. барр./сутки. Несмотря на то, что все они были либо повреждены, либо разрушены в течение войны, к 1993 г. 18 из них были восстановлены. Более того, в 1996 г. КПС подписала с китайской компанией «China Petroleum Engineering Construction Corporation» контракт общей стоимостью 390 млн. долл. на строительство двух новых товарных парков, что явилось важным шагом Кувейта по пути увеличения добычи нефти. В результате на месторождениях Умм Гудаир и Минагиш были построены товарные парки GC-27 и GC-28. Однако строительство было закончено на три года позже намеченного срока, только в 2001 г.

В соответствии с планом, известным как «Проект Кувейт» (см. ниже)⁷, Кувейт рассматривает вопрос о разрешении иностранным нефтяным компаниям вкладывать средства в нефтедобычу. Все месторождения, которые правительство намеревается открыть для иностранных инвестиций, в настоящее время разрабатываются либо на севере, либо на западе страны (Радхатейн, Сабриях, Ратка, Бахра, Минагиш и Умм Гудаир).

В соответствии с новым планом самое большое месторождение Кувейта Бурган должно остаться закрытым для иностранных инвестиций. Структура соглашений, называемых «договор на текущее обслуживание», которые правительство заключает с иностранными фирмами, в отличие от соглашений о разделе продукции позволяет правительству сохранять в полной собственности все нефтяные ресурсы, осуществлять стратегическое управление предприятиями и контролировать уровень добычи нефти. Иностранные компании должны платить пошлину «за добытый баррель», производить отчисления на воспроизводство минерально-сырьевой базы.

Переработка нефти

На сегодняшний день переработка нефти в Кувейте осуществляется на трех нефтеперерабатывающих заводах (НПЗ), общей производственной мощностью в 936 тыс. барр./сутки. Самый крупный НПЗ страны Мина аль-Ахмади способен перерабатывать 466 тыс. барр./сутки. Такие НПЗ как Мина Абдулах и аль-Шуайба-1, могут перерабатывать соответственно 270,5 тыс. барр./сутки и 200 тыс. барр./сутки.

До 2010 г. Кувейт планирует потратить около 8 млрд. долл. на развитие своего нефтеперерабатывающего сектора. С одной стороны, целью этого развития является создание условий для производства высококачественных низкосернистых видов топлива, с другой, – переработка высокосернистых сортов нефти по мере открытия новых месторождений. Также властями Кувейта планируется создание нового НПЗ в Аль-Зоуре взамен старого и технологически наименее совершенного НПЗ Шуайба. Предполагается, что к 2010 г. строительство нового НПЗ будет завершено, и он станет производить 615 тыс. барр./сутки нефтепродуктов.

В настоящее время нефтеперерабатывающие мощности КРС в Европе составляют около 300 тыс. барр./сутки. Также КРС принадлежат нефтеперерабатывающие мощности объе-

мом в 75,5 тыс. барр./сутки в Роттердаме. Эти два НПЗ обеспечивают КРС основную долю переработки в Европе. Кувейтская Международная Нефтяная Компания (филиал КРС) располагает приблизительно 5,5 тыс. заправочных станций под торговой маркой «Q8» в 10 странах Западной Европы и приблизительно двумя сотнями станций в Таиланде⁸.

Нефтехимия

Большое внимание в Кувейте уделяется развитию нефтехимии. Результатом развития этого сектора станет стабильность доходов страны в период низких цен на сырую нефть и увеличение доходов при соблюдении ограничений квоты ОПЕК на добычу сырой нефти. Исторически сложилось, что кувейтская «Petrochemical Industries Company» (PIC) производила главным образом дешевую продукцию типа мочевины, аммиака и других удобрений на экспорт. Теперь PIC начинает выпускать на рынок более ценную продукцию.

По сообщениям агентства новостей Кувейта, PIC может увеличить производство полипропилена на своем заводе на 20%, то есть до 120 тыс. тонн в год, если рыночная цена полипропилена будет продолжать расти. Основные рынки сбыта продукции PIC – Иордания, Сирия, Объединенные Арабские Эмираты, Марокко, Китай, далее следуют Индия, Пакистан и страны Восточной Африки.

Создание совместного предприятия «Equate» с участием PIC и «Union Carbide» по праву является крупнейшим нефтехимическим проектом страны. Индустриальный комплекс в Шуйба стоимостью 2 млрд. долл. был введен в эксплуатацию в 1997 г. В его состав входят: крекинг-установка по выпуску этилена производительностью 650 тыс. тонн в год, две установки по производству 450 тыс. тонн в год этилен гликоля. Продукция комплекса идет главным образом на рынки Европы и Азии. PIC и «Union Carbide» принадлежит по 45% акций в проекте, остальное принадлежит «Boubyan Petrochemical Company». В июне 2000 г. комплекс временно останавливался из-за отсутствия поставок этанового сырья с нефтеперерабатывающего завода Мина Аль-Ахмади. В апреле 2001 г. PIC одобрил план строительства комплекса «Equatell», который был бы вторым по величине нефтехимическим комплексом Кувейта и производил бы олефиновые продукты (этилен, полиэтилен, этиленгликоль).

Газ

В этой сфере ситуация для Кувейта совершенно иная. По запасам природного газа Кувейт находится на одном из последних мест в числе стран Персидского залива. Запасы газа составляют 1,5 млрд. куб. м.⁹ По оценке BP Statistical Review, газовые резервы страны составляли всего 1% от мирового запаса. Тем не менее Кувейт активизирует добычу природного газа, что объясняется тем, что природный газ в Кувейте попутный, поэтому при росте добычи нефти растет и его добыча.

Кувейт многократно уступает лидерам Персидского залива – Ирану, Саудовской Аравии и ОАЭ, где осуществляются самостоятельные широкомасштабные проекты по развитию газовой отрасли. Природный газ используется в основном в энергетике самого Кувейта, тогда как более 90% добываемой нефти идет на экспорт. Сейчас власти Кувейта озабочены проблемой замены нефти более дешевым газом как более экологически чистым источником энергии, в перспективе местная энергетика полностью перейдет на импортный природный газ.

В настоящее время у руководства Кувейта существуют планы по дальнейшему развитию газовой промышленности. С 2002 г. ведется разведочное бурение в районе месторождения Раудхатейн, где, судя по предварительной информации, могут находиться крупные запасы природного газа. Другим проектом должна стать разработка шельфового месторождения Дорра, которое находится на стыке морских границ Ирана, Кувейта и Саудовской Аравии. Кувейт уже заключил соглашение о разделе запасов месторождения с Саудовской Аравией, однако переговоры с Ираном по этому поводу еще не достигли положительного результата.

Все вышеизложенное позволяет сделать вполне взвешенный вывод о том, что наибольшую привлекательность для иностранных инвестиций имеет нефтеперерабатывающий сектор кувейтского ТЭК. Однако с 1961 г. иностранные компании не допускались к освоению нефтяных месторождений страны. Лишь в 1999 г. властями Кувейта был сделан крупный шаг вперед в этом направлении. Совет министров принял ряд законов об экономической либерализации, постановив:

- разрешить вкладывать 100% иностранных инвестиций в основные средства и технологии, а также освободить на 10 лет иностранные компании от налогов, что является главной ча-

стью правительственного приватизационного плана. Ранее иностранные инвесторы, которые платили 55% с прибыли, могли владеть только 49% зарегистрированных в Кувейте компаний. Совет министров принял решение:

- снизить налог для иностранных инвесторов;
- модернизировать действующий 30 лет закон о коммерческих компаниях для того, чтобы придать эффективность и гибкость торговому сектору;
- отказаться от двойного налогообложения с другими странами, включая США, с целью усиления двусторонних связей и защиты инвестиций;
- разрешить иностранцам играть на кувейтской фондовой бирже (КФБ) и владеть капиталом в кувейтских холдинговых компаниях (до этого участие в работе биржи ограничивалось лишь гражданами Кувейта и гражданами государств Персидского залива). Иностранцы могли владеть кувейтским капиталом только через совместные фонды при условии, что доля кувейтского партнера составляет не менее 51%. Некоторые из 75 компаний, имеющих рыночную капитализацию в размере около 20 млрд. долл., входят в состав КФБ;
- одобрить универсальный закон об авторских правах и торговой (фабричной) марке с одновременным внесением дополнений в Закон о торговле 1980 г. и Закон о патентах, тарифах и промышленных образцах.

В 2001 г. Национальная ассамблея Кувейта приняла закон о прямых иностранных инвестициях, который был нацелен на привлечение в промышленность иностранных капиталов. Среди прочего, закон снизил требования, предъявляемые к деятельности иностранных банков, гарантировал долгосрочную защиту собственности иностранных инвесторов от национализации или конфискации, и отменил требование к иностранным компаниям о необходимости иметь кувейтского спонсора или партнера.

Позднее в 2006 г. правительство Кувейта одобрило новый закон, предусматривающий 15%-ную единообразную ставку налога на доходы для всех компаний, работающих в Кувейте. До этого местные компании Кувейта были освобождены от налога по закону 1953 г., а иностранные компании должны были платить налог на доходы в размере 55%.

Фундаментальные принципы, которые должны быть учтены в отношениях государства с иностранными компаниями, проис-

текают из Конституции Кувейта: все запасы углеводородов остаются в собственности государства, вся добыча нефти и газа и доходы от их реализации принадлежат государству, иностранной компании не передаются права на нефть и газ, в добыче которых она принимала участие.

Эти принципы легли в основу модели операционного сервисного соглашения OSA (Operating Service Agreement). Предполагается, что иностранное участие должно ограничиваться только разработкой уже открытых запасов и не будет затрагивать сферу поисков и разведки. Исполняемая иностранными компаниями роль сводится к сервисным услугам, и титул «производителей нефти» они не получают. Суть проекта соглашения состоит в том, что Кувейт контролирует стратегическое направление работ, выполняемых в рамках OSA, и имеет суверенные права на добычу сырья. Транснациональная компания, со своей стороны, осуществляет управление операторскими работами, обеспечивает сервисные услуги и заключает контракты с подрядчиками. При этом ставится условие, что как минимум 60–70% персонала должно быть укомплектовано местными кадрами¹⁰.

На данный момент большой интерес к увеличению своей активности в Кувейте проявляют компании «BP» и «ExxonMobil», а также различные нефтегазовые компании стран ОПЕК. Кувейтская нефтяная компания продолжает деятельность по увеличению мощностей по добыче нефти. Частью этой деятельности является осуществление «Проекта Кувейт», предусматривающего разработку и обустройство месторождений нефти на севере страны с целью увеличения добычи нефти с 450 до 900 тыс. барр./сутки. «Проект Кувейт» стоимостью 7 млрд. долл., рассчитанный на 25 лет, впервые был сформулирован в 1997 г. Высшим Нефтяным Советом, а в 2003 г. были сформированы три консорциума по увеличению уровня добычи на месторождениях Кувейта.

1) «ChevronTexaco» (в сотрудничестве с «Total», «PetroCanada», «Сибнефть» и «Sinopec»);

2) «ExxonMobil» (совместно с «Shell», «ConocoPhillips» и «Maersk»);

3) «BP» (в сотрудничестве с «Occidental», ONGC/«Indian Oil Corp.»).

Руководство отрасли ожидает, что внедрение международными компаниями современных технологий, путей и способов их использования местным персоналом поднимет уровень нефтяной промышленности¹¹.

Примечательно, что Кувейт был первой страной Персидского залива, чьи нефтяные компании вышли в своей деятельности за пределы собственной территории. Две кувейтские компании – «Kuwait Foreign Petroleum Exploration Company» (KUFPEC) и KPC представляют свою страну за рубежом. Первая работает в сфере исследований и добычи нефти, вторая осуществляет производство и сбыт нефтепродуктов.

Сегодня KUFPEC действует в более чем 10 государствах, включая Данию, Тунис, Индонезию и Австралию. При этом компания, участвуя в основном в разработке небольших месторождений, все же планирует к 2010 г. довести добычу до 100 тыс. барр./сутки.

Тем не менее такое, если хотите, символическое присутствие кувейтских компаний в других регионах носит в большей мере пропагандистский характер и служит делу повышения престижа страны. Тем более, что нефтяные операции за рубежом ничтожны по сравнению с экономическим эффектом, который имеет место в результате деятельности кувейтских финансовых структур, созданных для управления нефтедолларами, полученными от внутренних операций.

Кувейт осуществляет огромные капиталовложения в экономику развитых стран через «Фонд будущих поколений». Через него кувейтское правительство владеет пакетами акций таких крупнейших промышленных предприятий, как «BP», «Metallgesellschaft AG» и «Daimler Benz AG». Еще одной финансовой организацией, инвестирующей свои средства в экономику арабских стран, является Кувейтский фонд арабского экономического развития, размеры которого приблизительно оцениваются в 6,6 млрд. долл.¹²

Таким образом, Кувейт является активным экспортером капитала. В настоящее время, по разным оценкам, госактивы страны за рубежом составляют от 60 до 70 млрд. долл., а объем частных вкладов – 40 млрд. долл. Кроме того, участие и востребованность Кувейта в послевоенной реконструкции Ирака приносит экономическую пользу и самому Кувейту, гарантируя уверенный экономический рост в ближайшие годы.

Помимо прочего, Кувейт является крупным экспортером нефти и нефтепродуктов. Основные партнеры по экспорту – Япония (20,5%), Южная Корея (13,7%), США (12,4%), Сингапур (11,3%), Тайвань (9,9%), а также Нидерланды, Индия, Пакистан и Великобритания. Кувейт импортирует продовольствие, строитель-

ные материалы, машины, запасные части, готовую одежду. Основные партнеры по импорту – США (12,9%), Германия (11,9%), Япония (7,9%), а также Великобритания, Саудовская Аравия, Франция, Италия и Индия.

Инвестиционный климат

В настоящее время кувейтская экономика продолжает зависеть от состояния мирового нефтяного рынка, поскольку главным источником доходов по-прежнему остается экспорт нефти и нефтепродуктов, на долю которого приходится 90% бюджетных поступлений. Добыча нефти и природного газа составляет 50% ВВП страны, что определяет ее заинтересованность в высоких ценах на эти ресурсы. Из-за благоприятных цен на нефть за последние 3 года прирост ВВП составлял в среднем 8%. Но внешняя политика Кувейта по-прежнему сфокусирована на проблемах региональной безопасности.

Фактор нестабильности мирового рынка негативно оценивается руководством Кувейта и играет значительную роль в процессе экономического планирования. Руководство страны отлично понимает необходимость развития других отраслей экономики, однако на практике диверсификация в условиях стабильного притока нефтедолларов представляется весьма дорогостоящей. Тем не менее процесс создания новых сегментов все же идет: растет сфера услуг, в том числе туризм, успешно развивается банковская система. Уровень социальной сферы в Кувейте (самый высокий среди стран Персидского залива) также обеспечивается за счет доходов нефтегазового комплекса, и поэтому их снижение воспринимается как угроза политической стабильности. Отчасти эти опасения оправданы, что подтверждается действиями исламистской и либеральной оппозиций, требующих изменения политической системы и расширения полномочий парламента страны. Однако правящая династия Кувейта твердо держит под контролем ситуацию в стране, поскольку ухудшение внутривнутриполитического климата может негативно сказаться на планах реструктуризации нефтяной промышленности.

Геополитические риски в отношении Кувейта исходят, главным образом, от Ирана, оказывающего влияние на обстановку через шиитский фактор, и Ирака, внутренний гражданский конфликт в котором раскалывает страну по этническому и конфессиональному признакам и угрожает опасными вспле-

сками на ближайших соседей. Однако представляется, что пока Кувейт будет оставаться одним из главных региональных оплотов США, эти внешние угрозы будут сдерживаться всем арсеналом внешней политики Вашингтона на Ближнем Востоке и военной мощью 5-го морского флота США, патрулирующего Персидский залив.

В целом, по прогнозам аналитиков, в краткосрочной перспективе экономическое и финансовое положение Кувейта будет оставаться устойчивым. Существенный приток поступлений от нефтяного экспорта будет позволять правительству решать актуальные текущие задачи и планировать хозяйственное развитие страны. Значительная неосвоенная часть средств будет направляться в пользу «Фонда будущих поколений», призванного обеспечить развитие страны в «постнефтяной» период. В то же время нынешняя тенденция свидетельствует о том, что рост ВВП будет замедляться, даже несмотря на запуск крупных инвестиционных проектов, рассчитанных на ближайшие 10 лет. Это объясняется относительно небольшими аккумулятивными возможностями кувейтской экономики.

Еще не так давно Кувейт в числе немногих государств был бесспорным лидером в арабском регионе по основным социально-экономическим показателям и имел радужные перспективы дальнейшего процветания. Активным и твердым «плюсом» Кувейта, с инвестиционной точки зрения, и поныне является практически весь пакет макроэкономических и микроэкономических критериев, особенно с позиции высокого развития экономической инфраструктуры. Страна до сих пор является одним из «островков благополучия и процветания» на Среднем Востоке.

Однако нынешние контуры экономического роста Кувейта не столь выразительно очерчены, а потенциал его экономических достижений и социальных завоеваний в определенной мере нивелировался. Сейчас, как представляется, Кувейт вступил в некую полосу политических неурядиц, вызванную внешними и отчасти внутренними обстоятельствами. Такой поворот во многом продиктован объективной данностью в виде отмечавшихся выше факторов. В то же время очевидным на фоне нарабатанного Кувейтом экономического потенциала и обретенных в мире позиций представляется то, что трудности, переживаемые страной, все-таки могут в значительной части рассматриваться как относительные, не обретшие черт необратимости.

Главное состоит в том, что в Кувейте осознают масштабы проблем и ищут пути их преодоления. Возможно, избранный национальный курс не будет прямолинейным, наверняка он будет осуществляться методом проб и ошибок в силу неординарности ситуации и сложности поставленных целей.

¹ По данным World Oil and Gas Review.

² <http://www.eia.doe.gov/emeu/cabs/Kuwait/Oil.html>

³ <http://www.petros.ru/nik/country7.asp>

⁴ <http://www.eia.doe.gov/emeu/cabs/Kuwait/Oil.html>

⁵ http://www.gulflink.osd.mil/owf_ii/fig30.htm

⁶ <http://bunich.ru/encyclopedia/content.php?id=9&gid=51>

⁷ См. об этом подробнее: *Касаев Э.О.* Кувейт: правовые основания и перспективы иностранных инвестиций в ТЭК. Доступно на: <http://www.iimes.ru/rus/stat/2008/20-04-08.htm>

⁸ <http://www.petros.ru/nik/country7.asp>

⁹ По данным World Oil and Gas Review.

¹⁰ <http://www.ngv.ru/magazin/view.hsrl?id=194&mid=15#b1>

¹¹ <http://www.polpred.com/country/kw/free.html?book=554&country=83&id=977&act=text>

¹² <http://www.ngv.ru/magazin/view.hsrl?id=1009&mid=48>

**ИРАН – РЕСПУБЛИКА УЗБЕКИСТАН:
ТРУДНЫЙ ДИАЛОГ**

Ирано-центральноазитские отношения приближаются к своему двадцатилетию. Тегеран обратил пристальное внимание на республики исламского (отметим, что определение исламский не несет идеологической или политической коннотации, а означает лишь регион проживания населения, традиционно исповедующего ислам) ареала СССР на рубеже 80–90-х годов, когда в них, как и повсюду в тогдашнем Советском Союзе, стали нарастать и отчетливо проявляться тенденции децентрализации и зазвучали первые призывы к отделению от союзного государства. Однако, признавая совершенно законными требования республик относительно расширения своих прав и полномочий, Тегеран декларировал необходимость стабильно прочных отношений с центральным правительством, справедливо выражая тревогу, что дезинтеграция СССР чревата появлением обширной зоны нестабильности к северу от иранских границ¹. В начале 1991 г., когда появились зримые признаки скорого развала СССР, иранское руководство инициировало первые прямые контакты с республиками мусульманского ареала.

Именно в это время произошли встречи на высоком уровне между высокопоставленными представителями иранского руководства и лидерами Узбекистана. В марте 1991 г. в Узбекистан прибыла правительственная иранская делегация, во главе которой находился один из идеологов исламской революции, ближайший сподвижник покойного аятоллы Рухоллы Хомейни, аятолла Абдол-Карим Мусави-Ардебили. Ее главной целью было выяснение возможности налаживания непосредственных, в обход Москвы, связей между ИРИ и Узбекистаном. Результаты визита были весьма скромными: удалось договориться о предоставлении помощи в возведении зданий шиитских мечетей в Самарканде и Бухаре, где жили шииты,

не имевшие в советское время своих мечетей. Кроме того, было принято решение об учреждении общества ирано-узбекской дружбы. Гости положительно оценили начавшееся с приходом эпохи перестройки оживление религиозной жизни². Реисламизация стала фактом, который нельзя было уже оспаривать. Это выражалось, в частности, в увеличении числа мечетей, издании различной исламской литературы. Действительно, если в начале 1989 г. в Узбекистане функционировало примерно 80 мечетей, то к концу того же года их число удвоилось, а к марту 1991 г. достигло 250³.

По данным ташкентского политолога Е.Абдуллаева, которые мы считаем несколько завышенными, в 1993 г. в Узбекистане насчитывалось уже 6000 мечетей⁴.

Иранским религиозным деятелям, несомненно, импонировало то, что в Узбекистане стало широко практиковаться легальное распространение информации, пропагандирующей ценности и нормы ислама, и начали устанавливаться прямые контакты с мусульманскими странами. В программах государственного телевидения и национального радио Узбекистана появились специальные передачи на мусульманскую тематику. На рубеже 80–90-х годов огромной популярностью у зрителей пользовалась телепрограмма «Маърифатнома», которую вел избранный весной 1989 г. главой мусульман Узбекистана известный богослов шейх Мухаммад-Содик Мухаммад-Юсуф, с именем которого связаны многие радикальные изменения в положении ислама в Узбекистане. С течением времени в стране даже начали создаваться кинофильмы религиозно-просветительского направления. На студии «Узбектелефильм» был подготовлен пользовавшийся большим зрительским интересом телесериал «Лафз» (Слово). Его сюжет основывался на хадисах известного средневекового богослова имама аль-Бухари, жившего и творившего на территории современного Узбекистана. Фильм впервые ввел в практику национального узбекского кино, а затем и других видов искусства синтез религиозных догм и отражения реалий повседневной жизни.

При поддержке Ирана Узбекистан стал полноправным членом мирового исламского сообщества, вступив в такие авторитетные международные организации, как Организация Исламская конференции (ОИК), Организация экономического сотрудничества (ЭКО). Несомненно, это способствовало под-

нению престижа в современном исламском сообществе страны, давшей миру в средние века много широко известных религиозных деятелей, имеющей издавна славу одного из центров исламской науки.

Религиозному руководству Ирана несомненно импонировало то, что в начале 90-х годов в Узбекистане как следствие политики либерализации общественной жизни всячески поощрялось религиозное возрождение. Президент И. Каримов активно использовал этот фактор в откровенно популистских целях, желая обеспечить себе победу на первых после провозглашения независимости 1 сентября 1991 г. президентских выборах, состоявшихся тремя месяцами позже⁵. Эту же цель преследовали клятва на Коране при проведении процесса инаугурации избранного президента, совершение вскоре после этого хаджа в Мекку, принятие решения об официальном праздновании исламских праздников «Ид аль-Адха» и «Ид аль-Фитр», оформленного специальным президентским указом⁶.

Но уже тогда, с самого начала своеобразного исламского бума, узбекские власти почувствовали и опасность роста в стране проявлений мусульманского фундаментализма, который они прямо увязывали с иранским влиянием⁷. Однако угрозы, которые узбекские власти связывали с исламом, в решающей степени были обусловлены внутренними, а не внешними причинами. Их следует объяснять не привнесением извне радикального ислама, а его вызреванием внутри страны как продукта внутривластных противоречий, социально-экономической политики, имевшей своим следствием резкое падение жизненного уровня населения. На таком фоне выдвигаемые исламскими фундаменталистами идеи социальной справедливости и гармонии встречали поддержку населения. Не зря наиболее зримо очаги роста исламского фундаментализма проявились именно в Ферганской долине Узбекистана, где социально-экономические проблемы породили обнищание большинства населения. Власти приняли решительные меры лишь по обузданию проявлений фундаментализма, а не искоренению его причин. Директивы президента И.Каримова в этой связи, кроме всего прочего, регламентировали как обучение в исламских учебных заведениях всех ступеней, так и ношение исламской одежды, мужских причесок и др. Начатые узбекскими властями репрессии

против исламских деятелей, рядовых священнослужителей и простых верующих, массовое закрытие мечетей⁸ привели к неожиданным для руководства страны результатам – возникло мощное исламское подполье, создавшее структурированные организации, выступавшие с политическими лозунгами. При отсутствии в Узбекистане реальной политической оппозиции исламисты пытались заполнить возникший вакуум. В середине 90-х годов узбекская пропаганда стала использовать термин «ваххабиты» для обозначения исламских активистов. Тогда же, летом 1996 г., появилась первая формально организованная радикальная группировка – Исламское движение Узбекистана (ИДУ), руководители которого – Джума Намангани и Тахир Юлдашев – заявили, что его цель – джихад против режима президента И. Каримова.

Все это в совокупности с событиями в граничащем с Узбекистаном Таджикистане, где происламские элементы стали одной из главных сил, ввергнувших страну в кровопролитную гражданскую войну, явилось тем импульсом, который подвиг руководство Узбекистана не только на свертывание политики поощрения ислама, но и проведение разнообразных мер по жесткому противодействию распространению исламского фундаментализма. В мае 1998 г. была утверждена новая редакция Закона о свободе совести и религиозных организациях, выдержанная в запретительном духе. Он предписывал обязательную регистрацию мечетей в органах государственной власти, устанавливал нижний предел количества прихожан для открытия новых мечетей. Налицо было ужесточение законодательства о религии. Все это президент И. Каримов аргументировал тем, что «...его страна не вписывается в мусульманский стандарт и имеет чисто светский характер»⁹. Разумеется, на таком политическом фоне развитие двустороннего взаимодействия между Республикой Узбекистан и Исламской Республикой Иран было обречено если и не на жесткую регламентацию со стороны узбекского руководства, то уж никак не на режим наибольшего благоприятствования. Кроме опасности использования связей с Ираном как канала для проникновения в Узбекистан массированного исламского влияния, Ташкент беспокоила и вероятность оживления и роста проиранских и сепаратистских настроений среди таджикского населения Самарканда, Бухары и ряда других регионов Узбекистана, где оно составляло значительный про-

цент в структуре населения. По сути, исламизация Центральной Азии по иранскому образцу и поддержка родственных этносов этого региона, живущих в плотном окружении тюркоязычных народов, действительно входили и входят в число несомненных приоритетов внешней политики исламского Ирана именно в Узбекистане, где по сравнению с другими республиками этого региона, например, Казахстаном и Киргизией, уровень исламизации демонстрировал стремление к дальнейшему качественному и количественному росту.

Эти реалии определяют развитие отношений между Ираном и Республикой Узбекистан, причем использование исламского фактора приобретает все большую остроту. В силу гипертрофированного внимания президента И.Каримова к проблеме роста происламских настроений в его стране, он панически боится политизации ислама. Еще в первые годы после обретения Узбекистаном независимости, когда режим его личной власти и репрессивный аппарат были несравненно слабее, нежели сейчас, он начал выражать тревогу по поводу опасности исламского фундаментализма. На встрече с тогдашним американским министром обороны Уильямом Перри в апреле 1995 г. президент сказал: «...Узбекской независимости угрожает опасность с юга – фундаментализм»¹⁰. Растущее внимание к этой проблеме породило особое отношение узбекского руководства к реализации двухсторонних связей с Ираном, приведшее в конечном счете к планомерному противодействию реализации достигаемых договоренностей.

С самого начала 90-х годов Иран стал для Узбекистана реальным вектором тяготения. Основой этого явились традиции многовекового конфессионального и этнического единства, культурная и цивилизационная близость. Сотрудничество с Ираном призвано было в определенной мере нейтрализовать тот существенный ущерб, который был вызван разрывом устоявшихся экономических связей в рамках единого СССР. И хотя в долгосрочной перспективе основой стратегии Ирана по отношению к государствам с доминирующим мусульманским населением является реализация политики экспорта исламской революции, что, несомненно, вызывает неприятие глав секулярных режимов стран Центральной Азии, тактические задачи, концентрирующиеся в весьма диверсифицированном сотрудничестве в сфере экономики, торговли, науки, образования, медицины и т.д., вызывают к себе доверие.

В Иране понимают, что на нынешнем этапе такие тактические приоритеты сулят стране большой стратегический капитал, дают возможность сформировать прочную и устойчивую базу для дальнейшего продвижения своих интересов.

В структуре внешнеполитических приоритетов Узбекистана Иран все эти годы занимает одно из ведущих мест. Так было и в начале складывания отношений Узбекистана с государствами соседних регионов азиатского континента, так же обстоит дело и в нынешней первой декаде XXI века. Так, выстраивая иерархию внешнеполитических связей на ближайшую перспективу (начиная с 2007 г.), руководство Узбекистана поместило Иран на первое место среди стран Ближнего и Среднего Востока и региона Персидского залива¹¹. После установления равноправных дипломатических отношений 10 мая 1992 г. и обмена государственными визитами глав двух стран – И. Каримова в Иран в ноябре 1992 г. и иранского президента А.-А. Хашеми-Рафсанджани в Узбекистан в октябре 1993 г. – определились основные сферы сотрудничества и политического взаимодействия. Базовыми документами являются соглашения о сотрудничестве в области торговли и экономики, связи, телекоммуникаций, воздушного транспорта, культуры и туризма, коммюнике о развитии взаимоотношений, которые были согласованы и подписаны во время первого визита И.Каримова в Тегеран. Тогда же учредили совместную двустороннюю комиссию по сотрудничеству в торгово-экономической, промышленной и научно-технической областях. Ее заседания проходят регулярно, поочередно в столицах этих стран. Работа комиссии опирается на солидную договорную базу. За прошедшие годы подписаны и реализуются такие документы, как, например:

- Коммюнике об основах межгосударственных отношений между Республикой Узбекистан и Исламской Республикой Иран (от 25 ноября 1992 г.),
- Соглашение о международном автомобильном сообщении между РУ и ИРИ (18 октября 1993 г.),
- Соглашение о сотрудничестве таможенных органов РУ и ИРИ (12 июня 1999 г.),
- Узбекско-иранское Соглашение о поощрении и защите инвестиций (11 июня 2000 г.),
- Меморандум о сотрудничестве между правительством Республики Узбекистан и правительством Исламской Респуб-

лики Иран в борьбе с организованной преступностью и терроризмом (11 июня 2000 г.),

- Соглашение о сотрудничестве между Палатой производителей и предпринимателей Узбекистана и иранской Палатой торговли, промышленности и горнодобывающей промышленности (26 апреля 2002 г.),

- Меморандум о торговых льготах между правительством РУ и правительством ИРИ (17 июня 2003 г.),

- Соглашение между правительством РУ и правительством ИРИ о торгово-экономическом сотрудничестве (27 января 2005 г.) и др.

К настоящему времени подписано свыше 50 межправительственных и межведомственных документов, определяющих основные принципы и направления развития взаимовыгодных торгово-экономических и других связей. Подписание в 1992 г. первых базовых документов, однако, не привело к серьезным подвижкам в сотрудничестве. Ни одно из принятых решений не воплощалось в жизнь. Именно поэтому в Иране придавали большое значение ответному визиту в Ташкент президента Хашеми-Рафсанджани. Он, будучи лидером набиравшего силу прагматического крыла иранского руководства, придавал большое значение продвижению иранских интересов на постсоветском пространстве. Осенью 1993 г. президент Ирана совершил большую поездку по всем бывшим советским союзным республикам с доминирующим мусульманским населением, кроме Таджикистана, где тогда шла гражданская война.

Хотя официальная иранская пропаганда расценила первый официальный визит иранского лидера в Узбекистан как «...новую страницу в отношениях с мусульманскими государствами»¹², его результаты были более чем скромными: если во всех пяти государствах, где побывал Хашеми-Рафсанджани, было подписано более 60 документов двухстороннего сотрудничества, то в Узбекистане он поставил свою подпись лишь под двумя документами¹³. Не реализовалось даже намеченное на дни пребывания иранского президента в Ташкенте открытие прямого воздушного сообщения между Ташкентом и Тегераном, о котором заранее сообщили многочисленные иранские и узбекские СМИ. По официальной версии, акция была сорвана «по техническим причинам»¹⁴. Вместе с тем первые узбекско-иранские визиты на

высшем уровне заложили базу для реализации имевшихся договоренностей.

Особенно динамично поначалу стали развиваться культурные контакты: были организованы первые выставки в Ташкенте на иранскую тематику, началось взаимодействие деятелей кино, театра, телевидения. Однако даже начатые контакты в сфере культуры постоянно торпедировались властями из-за боязни проникновения по этим каналам идей исламского фундаментализма. Так, ученым-иранистам «не рекомендовалось» пользоваться присылаемыми им иранским посольством в Ташкенте приглашениями для участия в проводимых в Иране научных конгрессах и симпозиумах по своей специальности. По этой же причине не выполнялись в полном объеме договоренности об учебе или стажировке в иранских вузах узбекских студентов и преподавателей фарси. Иногда санкционированное властями противодействие культурному сотрудничеству принимало курьезные формы: распространение сувенирных экземпляров Корана среди посетителей первой выставки иранской культуры в Ташкенте в апреле 1993 г. чуть было не привело к ее закрытию и повлекло за собой запрет на публикацию в СМИ Узбекистана какой-либо информации о проведении этой выставки.

Культурное сотрудничество не стало за эти годы сферой планомерного взаимодействия двух стран. Многочисленные предложения иранской стороны о сотрудничестве в самых различных областях культурной жизни не принимаются вовсе или формально принимаются, но их реализация торпедировается. Причиной является боязнь духовно-религиозной экспансии со стороны Ирана под прикрытием культурного сотрудничества. Однако некоторые проекты культурного сотрудничества все же осуществляются и позволяют жителям Узбекистана знакомиться с жизнью Ирана. Иран помог создать многотысячные книжные фонды в библиотеках при созданных в Узбекистане кабинетах иранистики. Ныне в Узбекистане функционируют 17 кабинетов иранистики. Они действуют при Институте востоковедения, Исламском университете, Университете мировых языков, Национальном университете, Самаркандском институте иностранных языков, ряде других университетов Узбекистана. В республике регулярно проводятся выставки, знакомящие с культурной жизнью Ирана, организуются фестивали иранского кино.

Итоги более чем пятнадцатилетия двусторонних отношений показывают, что торгово-экономическая сфера стала основой узбекско-иранского сотрудничества. Показательны в этом отношении слова тогдашнего иранского посла в Узбекистане Мохаммада Фатхали: «Вместе мы 100-миллионный рынок»¹⁵. Иран уже вошел в первую десятку внешнеэкономических партнеров Узбекистана. Определенные колебания в объемах товарооборота за эти годы объясняются кризисными периодами в развитии взаимодействия двух стран в политической области, о чем ниже будет рассказано подробнее. Так, в 1374 иранском году (март 1995 – март 1996) взаимный товарооборот достиг 150 млн. долл. Затем наступил период снижения активности в этой сфере. К концу 90-х годов вновь определился подъем: в 1999 г. объем товарооборота достиг отметки в 70 млн. долл.¹⁶ В последние годы происходит последовательное наращивание товарооборота. Динамика выглядит следующим образом: 2000 г. – 117 млн. долл., 2001 г. – 150 млн., 2002 г. – 210 млн., 2003 г. – 310 млн. долл. В 2004 г. он достиг отметки в 374 млн. долл., а лишь за первое полугодие 2005 г. составил более 230 млн. долл. По данным иранской стороны, в 2008 г. объем ирано-узбекского товарооборота превысил 600 млн. долл.¹⁷ Как заявил в феврале 2009 г. посол Ирана в Ташкенте Мухаммад Кешаварзаде, объем товарооборота между Узбекистаном и Ираном в ближайшее время достигнет 1 млрд. долларов. «Имеющийся потенциал двух стран еще не полностью реализован», – сказал посол на пресс-конференции в Ташкенте¹⁸.

Основу номенклатуры иранского экспорта в эту страну составляют поставки нефти, стройматериалов, автомашин с запчастями, медицинское оборудование, медикаменты, сухофрукты, соки. В узбекском экспорте в Иран преобладают хлопок-сырец, продукция текстильной промышленности, газ и пластмассовые изделия.

В конце июля 2008 г. в Ташкенте состоялось девятое заседание совместной комиссии. В 2009 г. намечено проведение ее десятого заседания в Тегеране. Определены шесть сфер сотрудничества в таких областях, как торговля и экономика, банковская сфера, финансы и страхование, транспорт, промышленность, сельское хозяйство, культура и наука.

Большую деловую активность инициируют проводимые в Узбекистане иранские промышленные выставки. Уже первая

из них, состоявшаяся в августе 1993 г., привлекла в столицу Узбекистана почти полсотни иранских фирм, многие из которых изъявили желание к сотрудничеству на достаточно выгодных для узбекских партнеров условиях. В дни работы в Ташкенте осенью 1996 г. выставки импортного потенциала северных провинций Ирана было подписано контрактов на поставку иранских товаров в Узбекистан на сумму в 50 млн. долл.

Однако весьма небольшое число иранских фирм сумело удачно освоиться на узбекском рынке. Так, компания «Сепанд груп» одной из первых открыла свое представительство в Ташкенте осенью 1992 г. Начало ее работы в Узбекистане было приурочено к визиту президента И.Каримова в Иран и преследовало сугубо пропагандистские цели. Через непродолжительное время компания открыла в Ташкенте фирменный магазин и приступила к созданию совместных предприятий в областях Узбекистана, в частности, трикотажной фабрики и фабрики по выделке кожи в одном из сельских районов Кашкадарьинской области. В 1994 г. она заявила и о готовности предоставления инвестиций в развитие традиционного узбекского ковроткачества в Хиве и Бухаре. Удачным примером сотрудничества можно назвать работу фабрики по производству медицинских препаратов в Самарканде с долей иранского капитала в 97%. При участии иранских специалистов завершается строительство ирригационной плотины на р. Аму-Дарья в г. Турткуле в южной части Каракалпакии (входит в состав Узбекистана в качестве субъекта). Однако в силу различных, в основном – политических причин число иранских совместных предприятий и фирм в Узбекистане росло чрезвычайно медленно. Так, в 1996 г. из примерно 2000 зарегистрированных Министерством внешнеэкономических связей Узбекистана совместных предприятий и иностранных фирм лишь 6 имело отношение к Ирану. При этом количество совместных предприятий, фирм и компаний с участием турецкого капитала приближалось к 200¹⁹. К 2005 г. в Узбекистане действовало уже 65 совместных узбекско-иранских предприятий и было зарегистрировано 40 иранских компаний²⁰. К 2009 г. в Узбекистане функционировало более 117 совместных предприятий с участием иранского капитала в различных областях производства: потребительских товаров, строительных материалов, бытовых изделий, в сфере совершенствования транспортно-экспедиторских и инженерно-технических услуг,

в сельском хозяйстве. В Ташкенте функционирует филиал иранского банка "Садерат", оказывающий банковские услуги предпринимателям, тем самым внося ощутимый вклад в развитие торгово-экономических связей между двумя странами²¹.

Скромные темпы развития экономического сотрудничества много лет сдерживались проблемами в правовой базе, невозможностью конвертировать узбекскую валюту, высоким уровнем коррумпированности чиновников. Узбекистан последним из стран Центральной Азии подписал инициированный Ираном в рамках ЭКО договор, предусматривавший освобождение от двойного налогообложения, льготный таможенный режим и благоприятный торговый транзит. Тем не менее Ташкент своевременно получил возможность использовать иранскую территорию для транзита своего главного экспортного товара – хлопка на мировые рынки. Лишь после семи лет проволочек и бюрократических препон в узбекских инстанциях был подписан и начал действовать договор о прямом воздушном сообщении между Ташкентом и Тегераном.

Существенным обстоятельством, затрудняющим создание в Узбекистане совместных предприятий с иранским участием, является также трудность оформления необходимых документов, сложившаяся практика дачи взяток практически на всех уровнях. В конце декабря 2006 г. в прессу просочились сведения о том, что узбекско-иранское совместное предприятие по выпуску бытовой техники, расположенное в Самаркандской области, выпускает не соответствующие необходимым стандартам газовые печи. Их эксплуатация привела к смерти нескольких человек. Выяснилось, что это совместное предприятие было создано при поддержке высокопоставленных чиновников, получивших взятки. Они же помогли широкой рекламе этой продукции по различным телеканалам. Но за некачественную продукцию и сиюминутную выгоду чиновников расплатились своими жизнями не только простые люди, но и глава одного из районов Самаркандской области. Эта история получила в Узбекистане широкий общественный резонанс²². Однако есть и положительные примеры работы совместных предприятий. Так, эффективно функционирует малое совместное предприятие "Камангаран" в районе города Ургут той же Самаркандской области. Этот завод ежегодно производит 384 тонны различных видов автомобильного моторного масла, что обеспечивает стабильную прибыль и за-

нятость для местных жителей, работающих на заводе. При этом доля иранских предпринимателей в этом проекте составила всего 100 тыс. долл., а узбекских – 50 тыс. долл.²³

Кроме торгово-экономической, важное значение приобрело за эти годы сотрудничество в транспортной сфере, которое квалифицируют сейчас как один из приоритетов узбекско-иранского сотрудничества. Оно началось после пуска в эксплуатацию в мае 1996 г. железной дороги Мешхед-Серахс-Теджен, которая связывала с сетью иранских железных дорог магистрали Центральной Азии. Таким образом, открывался кратчайший путь из стран центральноазиатского региона в направлении Ближнего Востока и Европы. Однако почти сразу после открытия этой магистрали выявились существенные расхождения в точках зрения иранского и узбекистанского руководства по поводу ее значения. Иранские руководители квалифицировали магистраль как имеющую громадный потенциал международную артерию. Однако в речи президента Узбекистана И.Каримова, произнесенной на встрече государств-членов ЭКО, приуроченной к пуску в эксплуатацию этой магистрали, была сделана попытка существенно принизить ее значение, обосновать необходимость прокладки новых дорог в обход иранской территории²⁴. При этом сам Узбекистан начал эпизодически пользоваться этой магистралью лишь с августа 1996 г. для экспорта производимого в стране хлопка в направлении Юго-Восточной Азии²⁵. Хотя Узбекистан не использует даже свою квоту провоза экспортной продукции по магистрали, его представители не раз заявляли о том, что эта транспортная артерия «...не способна в полной мере обеспечить потребности Узбекистана и других среднеазиатских государств»²⁶.

Вместе с тем, несмотря на не совсем позитивный опыт сотрудничества в использовании дороги Мешхед-Серахс-Теджен для экспортно-импортных операций, Иран и Узбекистан намерены широко взаимодействовать в ряде других транспортных проектов, в том числе – трехсторонних. Так, во время визита в Ташкент первого вице-президента ИРИ Мохаммад-Резы Арефа в январе 2005 г. был подписан протокол о начале реализации трехстороннего узбекско-ирано-афганского соглашения о строительстве автомагистрали, соединяющей все три государства. Само соглашение было подписано 19 июня 2003 г. президентами И. Каримовым, С.М. Хатами и

Х. Карзаем. Тем самым обе – Иран и Узбекистан – страны окажут существенную помощь Афганистану в освоении его пустынных северо-западных районов, почти лишенных линий коммуникаций. Эта дорога напрямую свяжет центр северного Афганистана Мазари-Шариф и крупнейший город северо-запада страны Герат как с Узбекистаном, так и с Ираном, выйдет к иранским портам Бендер-Аббас и Чахбахар, что позволит использовать проложенную транспортную коммуникацию для торговли между всеми тремя участниками строительства. Кроме того, будет обеспечено круглогодичное транспортное сообщение. Для Афганистана значение этого проекта состоит еще и в том, что он приблизит север страны к ее центру и создаст новые импульсы для экономического подъема этого региона. Строительство дороги, учитывая отсутствие стабильности и безопасности в Афганистане, пока идет крайне медленно. Прокладывая эту дорогу, Иран и Узбекистан как страны, принимающие активное участие в восстановлении послевоенного Афганистана, отрабатывают и реализацию первого совместного проекта в третьей стране, что выводит их двустороннее сотрудничество на качественно новый уровень. На первом этапе строительства, до лета 2005 г., ввиду существовавших тогда достаточно тесных отношений между Узбекистаном и США Ташкент опасался слишком явно показывать свое сотрудничество с Ираном на афганской территории. После начала летом 2005 г. процесса дистанцирования от США сняты условные препоны для реализации этого проекта.

Значение этой артерии для самого Узбекистана заключается в том, что создается еще один экономичный путь для экспортных операций в южном направлении, в частности, для вывоза таких важных статей узбекского экспорта, как хлопок и стройматериалы. Иран рассчитывает, что эта магистраль создаст более широкие возможности для выхода иранских товаров на рынки государств Центральной Азии. Такой оптимизм, однако, не принимает во внимание того факта, что политические реалии и экономическая политика в нынешнем Узбекистане не способствуют открытию границ страны для свободного рынка. Вместе с тем заинтересованность Узбекистана в строительстве этой шоссейной магистрали и проработка вопроса о возможности строительства параллельной железной дороги позволяют говорить о перспективности этого

инфраструктурного проекта. Для Ташкента этот проект важен еще и как реальное взаимодействие с Ираном в плане поддержки правительства Х.Карзая, демонстрация решимости на деле способствовать нормализации общественно-политической жизни в Афганистане, поднять его разрушенную экономику. Обе страны сотрудничают в противодействии наркотической угрозе, исходящей из этого государства. Каждая из стран реализует собственные проекты в сфере сельскохозяйственного производства, которые оздоровят его и позволят отказаться от односторонней ориентации на выращивание наркосодержащих культур.

Есть еще одна потенциальная сфера сотрудничества, не получившая пока стимулов для развития, но, судя по публикациям в иранской прессе²⁷, интересующая Иран. Речь идет о сотрудничестве в урановой сфере. Узбекистан имеет большие запасы этого ценного сырья, ставящие его на седьмое место в мире. По данным Международного агентства по атомной энергии (МАГАТЭ), прогнозные ресурсы Узбекистана по урану составляют 230 тыс. тонн. Уже сейчас Узбекистан дает 6% мирового производства урана. В 2005 г. урана было произведено в объеме 2,3 тысячи тонн, причем весь он пошел на экспорт. Когда в 2005 г. Россия предложила создать совместное предприятие по обогащению урана, МАГАТЭ посчитало, что такой проект поможет снять напряженность вокруг иранской ядерной программы. Однако Иран полагает, что к этому проекту следует привлечь третьи страны, в качестве которых он предлагал Узбекистан или Казахстан. Учитывая, что Узбекистан в последнее время последовательно дистанцируется от США, узбекский вариант выглядит более приемлемым для иранской стороны. Возможно, что претворение в жизнь резолюции Совбеза ООН от 23 декабря 2006 г. по иранской ядерной программе реанимирует проект создания совместного предприятия и положит начало узбекско-иранскому сотрудничеству в сфере обогащения урана.

Что касается политического диалога двух стран, то он носит довольно ограниченный характер. В Иране достаточно открыто, не боясь реакции официального Ташкента, вплоть до 2005 г. говорили о том, что Узбекистан является основным каналом реализации политики США в центральноазиатском регионе. Действительно, базовой опорой Запада в регионе Центральной Азии являлся Узбекистан, постепенно входив-

ший в зону западного влияния с середины 90-х годов и выпавший из нее после событий мая 2005 г. в Андижане. Все эти годы в Тегеране внимательно отслеживали изменения векторов политической ориентации Узбекистана. Меняющиеся каждые два-три года политические приоритеты узбекского руководства, подверженные достаточно резким колебаниям, заставляют и Тегеран вносить свои коррективы в отношения с Ташкентом. Действительно, вслед за недолгим по времени периодом ориентации на турецкую модель политического и социально-экономического развития, оказавшуюся для Узбекистана «...более мифом, чем реальностью»²⁸, пришло время следования «китайскому экономическому чуду», опыт которого президент И.Каримов считал важным перенять. Но и этот период сменился радикальным поворотом политики с Востока на Запад, демонстрируя на деле курс на сближение с США. По сути, такой поворот логически вытекал из первоначальной ориентации на Турцию. Запад, в свою очередь, видел в Узбекистане некий противовес иранскому влиянию в регионе. Такие зигзаги во внешнеполитических пристрастиях Узбекистана вызывают повышенное внимание Ирана, ибо всякий раз сигнализируют о новом изменении политической реальности в регионе. Еще в 1996 г. иранская праворадикальная газета «Ресалат» отмечала, что Узбекистан превратился в проводника американского влияния в регионе²⁹. Разумеется, для Ирана была важна не сама по себе смена приоритетов президента И.Каримова, а ставшее реальным сближение Узбекистана со страной, до сих пор числивой Тегераном своим врагом номер один.

Иранское руководство не раз настораживали случаи безусловной поддержки Узбекистаном внешнеполитических шагов США, даже в тех случаях, когда в них не было насущной необходимости. Узбекистан был единственной центральноазиатской страной, решительно одобрявшей введенные в мае 1995 г. антииранские санкции США, а президент И.Каримов однозначно заявил по этому поводу: «Мы знаем цели этого эмбарго и поддерживаем его». Ни одно из центральноазиатских государств не стало на сторону США. Видимо, и сам президент Узбекистана И.Каримов спустя некоторое время решил пересмотреть этот, видимо, не до конца обдуманый шаг. Уже в июле того же года глава МИДа Узбекистана А.Камилов на встрече с послом Ирана в Ташкенте С.М.Хашеми-Гольпаегани

заявил, что это решение дезавуировано³⁰. А.Камилов подтвердил это же и на встрече в Тегеране с тогдашним президентом Ирана А.А.Хашеми-Рафсанджани на церемонии открытия посольства Узбекистана в Иране³¹. Однако поддержка Узбекистаном антииранского экономического эмбарго США не была случайным эпизодом. Спустя полтора года последовало проамериканское голосование в ООН в поддержку санкций против Кубы, также негативно оцененное Ираном³². Еще большее недовольство Тегерана вызвало принятое в марте 1998 г. решение американо-узбекской комиссии по сотрудничеству, обязывающее Узбекистан согласовывать с Госдепартаментом США все свои шаги, касающиеся Ирана. Как писала иранская газета «Салам», «...власти Узбекистана реализуют разработанный США стратегический курс на ослабление иранских позиций в Центральной Азии»³³. В свете никак не уменьшающейся политической конфронтации между США и Ираном иранское руководство отнюдь не радовало желание Вашингтона видеть в Узбекистане своего стратегического партнера в центральноазиатском регионе. Достаточно негативно оценивают в Тегеране и участие Узбекистана в программе НАТО «Партнерство ради развития», в рамках которой республика в течение ряда лет получала военную помощь, что выражается в поставках экипировки, проведении совместных учений, консультировании, подготовке военных кадров.

С начала 2008 г. появились признаки того, что неизбежно новое сближение с США, которое согласуется с обоюдными интересами сторон. Для Узбекистана это стремление выйти из политической изоляции и перестать быть изгоем в мировом сообществе. Для США главным фактором, инициирующим реставрацию активного диалога с Ташкентом является затянувшееся и не показывающее реальных успехов продолжение антитеррористической операции в Афганистане. Это вынуждает Вашингтон вновь выстраивать конструктивные связи с Узбекистаном, аргументируя это тем, что эта страна имеет для него ключевое геостратегическое значение. Такая оценка отодвигает на задний план критикуемый им ранее авторитарный характер узбекского режима. Видно, что США готовы удовлетвориться лишь косметическими изменениями и показательными жестами милосердия. Для снижения критики Каримова Вашингтону оказалось достаточно того, что с начала

2008 г. Ташкент освободил нескольких местных правозащитников. Американцы надеются, что благодаря открывающемуся диалогу с узбекскими властями они смогут влиять на положение с правами человека в Узбекистане. Наметившееся потепление в американо-узбекских отношениях может в первую очередь иметь отношение к военному аспекту. Ташкент постепенно открывает для США возможность использования эксплуатируемой германскими ВВС узбекской базы в Термезе для переброски своих военнослужащих в Афганистан. Возвращение возможности пользования базой в Ханабаде, которую американцы в свое время восстановили и оснастили современным навигационным оборудованием, имеет большое значение для тыловой поддержки военной операции в Афганистане. Кроме этого, использование базы можно рассматривать как реализацию желания США присутствовать, причем на долгосрочной основе в регионе Центральной Азии, в частности, в стране, откуда регион можно без особого труда контролировать. С другой стороны, это потенциальная компенсация тех потерь, которые понесут США в результате закрытия в 2009 г. своей военной базы в аэропорту "Манас" в Бишкеке. И именно это обстоятельство, по-видимому, влияло на желание Вашингтона, попавшего при удачном стечении внешнеполитической ситуации в регион, закрепиться там прочно и надолго. Американцам есть резон присутствовать в центральноазиатском регионе и по той причине, что это ослабляет там двух других важнейших политических игроков – Россию и Китай. С приходом к власти в США президента Б.Обамы, декларировавшего перенос центра действия антитеррористической операции из Ирака в Афганистан, значение взаимодействия с Узбекистаном, к явному неудовольствию Ирана, многократно возрастает.

Иногда недостаточное взаимопонимание между Ташкентом и Вашингтоном принимает довольно жесткие формы. Так, президент Узбекистана И.Каримов не раз прибегал к прямой конфронтации с иранским руководством. Вряд ли способствовали укреплению доверия между двумя странами острые споры И.Каримова на двух саммитах ЭКО с иранским президентом А.А.Хашеми-Рафсанджани, о которых тегеранская «Эттелаат» писала: «Для отношений двух стран характерно продолжение острой словесной перепалки их лидеров»³⁴. После серии взрывов в центре Ташкента 16 января 1999 г., привед-

ших к многочисленным жертвам, И.Каримов официально заявил о том, что теракты были организованы движением «Хизбалла». Такое утверждение, не адресованное прямо Ирану, но обвиняющее во вмешательстве во внутренние дела своей страны организацию, которая пользуется открытой поддержкой иранских властей и не предпринимает каких-либо серьезных действий без их одобрения, следует, очевидно, понимать как прямой укор иранским властям. Аналитики расценили высказывания И.Каримова как «серьезный симптом нового геополитического противостояния в регионе»³⁵. Для многих политологов осталось непонятным, зачем в столь непростой ситуации, когда вслед за терактами Узбекистан вышел из Договора о коллективной безопасности в СНГ, тем самым заявив о дистанцировании от России, Ташкент идет на осложнение отношений и с Ираном, который является де-факто его сильным стратегическим партнером на юге. По всей видимости, объяснение следует искать в том, что в тот период И. Каримову было тактически предпочтительней решить собственные проблемы своими силами, памятуя о том, что Иран вряд ли отбросит идею сближения с самой густонаселенной страной центральноазиатского региона.

Серьезной болевой точкой в узбекско-иранских отношениях является таджикская проблема. Вначале, на заре таджикской независимости в 1992 г. Иран негативно оценивал поддержку Узбекистаном таджикских правительственных войск в вооруженном противостоянии с оппозицией. Затем ситуация радикально изменилась. С середины 90-х годов Ташкент оказывал знаки внимания оппозиции, «...заняв довольно жесткую позицию по отношению к нынешнему душанбинскому руководству»³⁶. По оценкам иранской прессы, узбекские власти использовали методы силового давления, пытаясь заставить президента Э.Рахмонова пойти на максимально быстрые договоренности с исламской оппозицией³⁷. Иран при этом пытается играть роль посредника, несмотря на то, что на его территории получил политическое убежище ряд представителей исламской оппозиции Таджикистана. Напряженность между двумя странами не уменьшается еще из-за того, что, по заявлениям Ташкента, на таджикской территории, в горных районах, имелись базы боевиков Исламского движения Узбекистана (ИДУ). Во время их рейдов на территорию Узбекистана летом 1999 и 2000 гг. узбекско-таджикские

отношения принимали предельно конфронтационный характер, хотя таджикские власти давали понять, что районы, где имелись базы ИДУ, не контролировались в то время правительственными войсками. Чтобы не допустить перехода боевиков через узбекско-таджикскую границу, вдоль границы со стороны Узбекистана были созданы многочисленные минные поля. Это приводило к жертвам среди мирного населения. В период между августом 2000 и февралем 2001 г., подорвавшись на противопехотных минах, там погибло более 20 граждан Таджикистана. Иран как один из гарантов межтаджикского урегулирования весьма обеспокоен неурегулированностью отношений между Узбекистаном и Таджикистаном, и в конфликте между двумя странами традиционно, в силу паниранской солидарности принимает сторону Таджикистана. Разумеется, такие коллизии создают негативный фон узбекско-иранским отношениям.

Иран достаточно нервозно воспринимает тот факт, что Узбекистан предпочитает занимать самостоятельную, отличную от соседних стран позицию по афганской проблеме. Серьезным обстоятельством, осложнившим в 2000 г. политический диалог между Узбекистаном и Ираном, стали попытки руководства Узбекистана пойти на позитивный контакт с фундаменталистским движением «Талибан» в Афганистане. С самого начала возникновения этого фундаменталистского движения в 1994 г. Иран занял по отношению к нему позицию крайнего неприятия. В Иране не раз заявляли, что введенные талибами жесткие исламские нормы дискредитируют вполне цивилизованную версию исламского правления, утвердившуюся в Иране после победы революции 1979 г. Режим талибов, как писала иранская пресса, «...порочит ислам, создает его крайне непривлекательный имидж в глазах мирового сообщества»³⁸. Кроме того, инициированная президентом Ирана Сейедом Мохаммадом Хатами в 1999 г. идея диалога цивилизаций подразумевает взаимодействие сторон, представляющих примерно равный культурный уровень. Талибы, погрузившие свою страну в тьму средневековья, рассматривались Ираном как сила, порочащая просвещенный ислам. Талибы не признавали даже принятых в мировом сообществе норм цивилизованного общения: захватив крупнейший в Северном Афганистане город Мазари-Шариф, они ворвались в здание Генерального консульства Ирана и расстреляли более десят-

ка находившихся там дипломатов и корреспондента агентства ИРНА Мохаммада Сареми.

Власти Узбекистана, страшая угрозы распространения исламского фундаментализма на север, заняли поначалу, после захвата власти талибами в Афганистане осенью 1996 г., позицию дистанцирования от новых кабульских властей. Одновременно они не хотели присоединяться к совместным планам других государств Центральной Азии и Ирана по противодействию возможной экспансии талибов, решив усилить противостоящие им военные формирования севера Афганистана, состоящие в основном из местных узбеков и таджиков. В этом Иран видел стимулирование Ташкентом афганского сепаратизма, выражавшегося в «...односторонней мощной поддержке»³⁹ Северного альянса по главе с этническим узбеком генералом Абдурашидом Дустумом. Крайнее неудовольствие иранского руководства вызвало нежелание Узбекистана участвовать в срочно созванной в октябре 1997 г. в Тегеране Международной конференции, призванной выработать общую линию противодействия движению «Талибан». Однако успехи талибов в установлении контроля и над районами традиционной антиталибской коалиции обусловили поворот в позиции Узбекистана по отношению к ситуации в Афганистане. Это подкреплялось конкретными шагами. В ноябре 2000 г. обе стороны решили открыть границы. И хотя по итогам переговоров в Исламабаде представителя талибов Абдул Салама Заифа и спецпосланника президента Узбекистана Шухрата Кабилова было опубликовано коммюнике, где констатировалось, что открытие границы сделано с целью содействия развитию торговли, значение этого шага было гораздо объемней. Тем самым Узбекистан продемонстрировал свою полную самостоятельность в афганском вопросе, не оглядываясь на реакцию Тегерана и Москвы, которая продолжала поддерживать силы антиталибской коалиции. В ответ Иран вновь заявил, что не готов идти на какие-либо уступки режиму талибов, который порочит ислам. Такие подходы омрачали узбекско-иранские отношения вплоть до 2001 г., и лишь непосредственно перед событиями 11 сентября 2001 г. позиции сторон значительно сблизились. Об этом заявил в ходе своего визита в Ташкент в сентябре 2001 г. глава МИДа ИРИ Камал Харрази. На его встрече с узбекским коллегой Абдулазизом Камиловым было заявлено, что в мире должным образом не оценивается

значение Афганистана под властью талибов как одного из важнейших центров международного терроризма и незаконного оборота наркотиков. В ходе реализации антитеррористической операции в Афганистане режим талибов был лишен власти в стране. Участие в восстановлении Афганистана после поражения талибов еще более сблизило позиции Ирана и Узбекистана. Ныне обе страны реализуют на территории Афганистана совместные проекты.

Негативный фон узбекско-иранским отношениям придает внутренняя политика Узбекистана по отношению к религии. Иранские СМИ довольно остро реагируют на участвовавшие в последние годы в Узбекистане репрессии против исламских священнослужителей. В сентябре 2001 г. официальное информационное агентство ИРНА опубликовало сообщение о том, что в 2000–2001 гг., по данным Human Rights Watch, зафиксировано 800 случаев преследования мусульман на религиозной почве⁴⁰.

Одна из центральных газет страны – «Хамшахри» – опубликовала статью «Репрессии против ислама в Центральной Азии породят там новых талибов», в которой, в частности, говорилось: «Борьба с исламом в Узбекистане привела к тому, что в сельской местности, где велик процент верующих, целые деревни превратились в очаги сопротивления, а религиозная деятельность уходит в подполье»⁴¹.

Двусторонние узбекско-иранские отношения осложняются и неодинаковой оценкой общего исторического наследия народов этих стран. В Иране, где отношение к общим с народами Центральной Азии периодам исторического прошлого имеет устоявшуюся традицию, довольно критически подходят к новациям официальной узбекской идеологии постсоветского периода. В частности, в Иране не одобряют попытки Ташкента пересмотреть многовековое историческое наследие и создать в нем новые приоритеты, призванные поднять роль и значимость тюркского элемента в центральноазиатской истории⁴².

Так, откровенное неприятие Тегерана вызывает гипертрофированное внимание к наследию Амира Тимура, возведенного в Узбекистане в ранг национального символа. Когда на Международном конгрессе по исследованию литературы и искусства эпохи Тимуридов в иранском городе Мешхеде летом 1996 г. посол Узбекистана Э.Ходжаев выступил с докла-

дом, целиком восхваляющим Амира Тимура, и заявил, что 1996 г. в его стране официально провозглашен годом Тимура, председатель иранской Организации исламской культуры и связей счел необходимым сделать специальное разъяснение, в котором указал на абсурдность пересмотра общей с Ираном истории и научную некорректность чрезмерного выпячивания значимости этой исторической личности⁴³.

¹ The Tehran Times, 19.08.1991.

² Кейхан, 24.03.1991.

³ Fierman W. Policy Toward Islam in Uzbekistan in the Gorbachev Era // Nationalities Papers, 1994, vol. 22, № 1, с. 234.

⁴ Абдуллаев Е. Ислам и «исламский фактор» в современном Узбекистане // Центральная Азия, 1997, № 6, с. 87.

⁵ Об этом подробнее см.: Yalchin R. The Rebirth of Uzbekistan: Politics, Economy, and Society in the Post-Soviet Era. –London, 2002, с. 133–145.

⁶ Правда Востока, 16.07.1992.

⁷ Reuters, 17.09.1992.

⁸ Во второй половине 1990-х гг. власти Узбекистана пошли на закрытие почти 80% действовавших в стране мечетей // Новости недели, приложение «За рубежом», 02.08.2000, с. 6.

⁹ Народное слово, 18.01.1997.

¹⁰ Central Asia Monitor, 1995, № 3, с. 2.

¹¹ <http://www.uzmetronom.com/index.php?newsid=1009>

¹² Эттэлаат, 19.10.1993.

¹³ Халк сузи, 20.10.1993.

¹⁴ Iran News, 29.10.1993.

¹⁵ Новости Узбекистана. Вып. 6 (236), 11.02.2005.

¹⁶ <http://www.iran.polpred.ru/tom1/19.htm>

¹⁷ Iran.ru, 26.02.2009.

¹⁸ ВЕСТИ.UZ, 09.02.2009.

¹⁹ Правда Востока, 23.05.1996.

²⁰ УзА, 11.01.2006.

²¹ Regnium.ru, 26.02.2009.

²² Фергана.ру, 26.12.2006.

²³ Iran News, 20.08.2008.

²⁴ Правда Востока, 16.05.1995.

²⁵ Эттэлаат, 28.08.1996.

²⁶ <http://farsiiran.narod.ru/news/afghanroad.htm>

²⁷ Кар ва каргар, 17.03.2001.

- ²⁸ Etat moderne natiolismes et islamismes // Revue du monde musulman et Mediterranee, 68–69, Paris, 1993, № 2/3, 9, с. 168.
- ²⁹ Ресалат, 14.07.1996.
- ³⁰ Салам, 17.07.1995.
- ³¹ Абрар, 24.07.1995.
- ³² Кейхан, 12.11.1996.
- ³³ Салам, 03.03.1999.
- ³⁴ Эттэлаат, 16.05.1996.
- ³⁵ Независимая газета, 13.03.1999.
- ³⁶ Новая газета, 21–27.03.1996.
- ³⁷ Салам, 27.09.1996.
- ³⁸ Кар ва каргар, 17.03.2001.
- ³⁹ Джамээ, 08.02.1999.
- ⁴⁰ ИРНА, 12.09.2001.
- ⁴¹ Хамшахри, 18.08.2001.
- ⁴² Подробнее об этом см.: Central Asia Monitor, 1995, № 1, с. 28–35.
- ⁴³ Салам, 25.07.1996.

**ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КУРДОЯЗЫЧНЫЙ ТЕЛЕКАНАЛ
В ТУРЦИИ: МЕДИЙНЫЕ, ПОЛИТИЧЕСКИЕ
И ЭТНИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ**

25 декабря 2008 г. в 18 часов по анкарскому времени начал тестовое вещание на курдском языке новый телеканал турецкой государственной телерадиокорпорации (TRT) – TRT-6 (курд. TRT Şeş). Регулярное вещание началось 1 января 2009 года. После гимна Турции (марша независимости) телеканал TRT-6, действующий с начала тестового вещания круглосуточно, стал транслировать песни популярных курдских исполнителей Рожин, Айше Шан, Дживана Хаджо, Мухаммада Ариффа.

В первый день вещания программы вели известные курдские артистки Рожин и Нулифер Акбал. Было показано приветственное выступление премьер-министра Турции Р.-Т. Эрдогана, в котором он произнес фразу по-курдски, благословляющую начало вещания: “*TRT şeş bi xêr be*”. На следующий день эта фраза стала главной в публикациях турецких газет, напечатавших ее на курдском языке, однако почти везде, перепутав либо неправильно написав буквы, не имеющиеся в турецком языке. Это показывает весьма тяжелую ситуацию с курдским языком, когда ведущие турецкие СМИ не смогли без ошибок воспроизвести одну-единственную курдскую фразу.

На церемонии открытия песню спела и депутат Партии справедливости и развития (ПСР) от Вана Гюлшен Орхан, приведя в восторг известного турецкого политика курдского происхождения бывшего заместителя Р.-Т. Эрдогана в ПСР Денгир Мир Мехмета Фырата. Недавно он был заменен на более протурецкого Абдулкадыра Аксу, тоже курда по происхождению (хотя ПРК считает, что родившийся в Диярбакире Абдулкадыр Аксу не курдского, а албанского происхождения).

Предполагается, что курдоязычный TRT будет показывать те же программы, что и TRT-1 – новости, художественные,

мультипликационные и документальные фильмы, «мыльные оперы», фольклорные передачи, ток-шоу, развлекательные и музыкальные программы и т.д., т.е. будет семейным телеканалом. Однако создатели канала говорят о том, что у TRT-6 будут и свои особенности¹, для чего телеканал проводил в Курдистане широкомасштабные опросы общественного мнения, консультировался с курдскими интеллектуалами.

В настоящее время канал вещает лишь на курманджи, однако предполагается, что в ближайшем будущем он начнет работу и на диалекте заза (по различным оценкам, численность говорящих на заза составляет 2–5 млн. человек), а также и на сорани (для курдов Ирака и Ирана)². Тем не менее большая часть программ будет все же на курманджи, являющемся наиболее распространенным курдским диалектом. Таким образом, это означает косвенное признание со стороны турецких властей единства курдов, хотя и имеющих различные диалекты курдского языка.

Отказ от отрицания курдов

Создание курдского круглосуточного государственного телеканала в Турции является своеобразной революцией не только в медийном, но и в политическом отношении. Фактически это означает признание турецкими властями провала антикурдской государственной стратегии, проводимой с начала 20-х годов XX века, и является предвестником серьезных событий.

Как известно, современная Турция многие годы осуществляла жесточайшую политику угнетения и насильственной ассимиляции нетурецких народов. В связи с тем, что единственным реальным препятствием на пути создания турецкого моноэтнического государства являлись курды, именно они подвергались сильнейшему давлению со стороны властей. После образования Турецкой Республики курдский язык и курдская идентичность были запрещены, сотни тысяч курдов уничтожены, миллионы курдов насильственно были переселены из родных мест. До 1991 г. за общение на курдском языке даже в быту курды подвергались тюремному заключению.

Турецкие власти откровенно признают, что именно их политика в отношении курдов привела к вооруженной борьбе и

соответственно многотысячным жертвам. Как заявил турецкой газете *Star* депутат парламента от правящей ПСР (от курдского региона) Ихсан Арслан, если бы решение о создании TRT-6 было принято 20 лет назад, «мы бы не потеряли от 30 до 40 тысяч наших людей», имея в виду жертвы вооруженного конфликта в Северном Курдистане.

Турецкие власти в современных условиях уже не могли игнорировать основополагающие демократические нормы. Более того, долгое отрицание национальных прав курдов лишь обострило ситуацию с ними. Ранее курды, например, могли бы согласиться на федеративную модель устройства российского типа. Так, нередко представители Партии рабочих Курдистана (ПРК), не разбираясь глубоко в сути российского федеративного устройства в части прав национальных республик, делали заявления о приверженности курдов российской модели федерализма и обеспечения прав народов Российской Федерации. Однако сегодня уже никакую политическую силу в Турецком Курдистане не удовлетворит объем полномочий, имеющийся, например, у Республики Татарстан, не говоря уже о Мордовии или Удмуртии. И главное касается не столько прав в экономическом и политическом отношении курдского региона, который все курдские политические силы требуют создать в качестве единой административно-территориальной единицы, но в этнонациональном и языковом отношении. Примером для северокурдистанских политических сил являются не Татарстан, Башкортостан и Чечня (субъекты Российской Федерации с их объемом полномочий, в которых проживают народы с наибольшим уровнем национального самосознания). Тем более такими примерами не могут быть Адыгея, Карелия, Марий Эл или Мордовия, хотя ранее курды Турции мечтали о правах, которые имели, например, курды Армении и Грузии (культурная автономия). Примером для северокурдистанских политических сил и интеллектуалов в части национального развития (не в смысле экономического и политического, а этнокультурного) является Южный Курдистан, власти которого полностью перевели систему народного образования и делопроизводство на курдский язык, создав курдское квазигосударство. Сегодня Южный Курдистан фактически уже не представляет собой единого с остальной частью Ирака информационного пространства, поскольку большинство населения (и чиновников)

владеет лишь курдским языком (либо еще и английским), не владея государственным языком Ирака – арабским, а делопроизводство ведется на курдском языке, т.е. фактически выведено из Ирака.

Сразу же после создания TRT-6 было объявлено о создании кафедр курдоведения в университетах Турции. Примечательно, что турецкие власти заявляют пока о создании кафедр курдского языка и литературы³ лишь в Анкарском (на факультете географии, истории и языка) и Стамбульском (на факультете литературы) университетах, хотя, безусловно, это должно быть сделано именно в Тигрисском университете Диярбакыра и в университетах других городов Турецкого Курдистана. Планируется, что студенты смогут изучать курдский язык и литературу.

Однако курдские политические силы требуют не организации кафедр (отделений и т.п.) курдоведения при университетах или академических учреждениях, что было сделано, например, в Ленинграде в 1959 году⁴. Курдские политические силы настаивают на создании системы народного образования на курдском языке – от детских садов и начальной школы до университетов. Таким образом, в целом все курдские политические силы в Турции требуют не просто учреждения федеративного устройства, а фактически именно создания двунационального – турко(тюрко)-курдского государства.

Так, даже близкая к ПРК Партия демократического общества (ПДО), заявляющая о том, что не выступает за создание курдского государства либо федерации в Турции, и считающая, что решением курдской проблемы стало бы «региональное самоуправление», фактически вкладывает в этот термин [кон]федеративное устройство в Турции. По мнению ПДО, должен быть создан единый регион «Курдистан», который получит самоуправление. Последнее подразумевает, что такие полномочия региона позволят ему без вмешательства со стороны центральных властей осуществлять свою власть исходя из интересов населения с учетом местных особенностей. Одним из основных требований ПДО является создание системы народного образования на курдском языке и перевод всей документации (делопроизводства от больниц до муниципалитетов) на «родной язык жителей региона». Таким образом, предполагается, что власти в Курдистане должны будут предоставлять все услуги только на курдском

языке. Естественно, такого нет ни в одном субъекте Российской Федерации⁵.

Поэтому даже в средствах массовой информации ПРК, хотя эта партия официально выступает против федерации и конфедерации в Турции, речь идет о том, что в скором времени «турецкие власти признают термин Курдистан»⁶, в парламенте Турции депутаты будут выступать на двух языках – турецком и курдском (приводится пример Бельгии с двумя официальными языками), на смену «тоталитарной республике» придет федерация», после чего курды могли бы «на референдуме принять решение о независимости»⁷.

Другие политические партии курдов – Хак-Пар и KADEP выступают за федеративное устройство Турции, которая состояла бы из двух равноправных субъектов – турецкого и курдского. Фактически речь идет о двунациональном государстве.

Примечательно, что национальное законодательство, содержащее нормы об образовании на турецком языке (за исключением армян и греков), было направлено именно против других народов, населяющих страну, поскольку турецкие власти не противились обучению в школах и вузах вообще на иностранных языках. Так, в частной школе «Галатасарай» преподавание проходит на французском языке, а в Средне-восточном техническом университете и университете Богазичи – на английском языке. Поэтому понятно желание курдов создать школы и вузы с курдским языком обучения.

Вещание на «неизвестном языке» с использованием «запрещенных букв»

Примечательно, что до последнего времени в турецком законодательстве (в конституции и в законе «О публикациях не на турецком языке») применялся термин «запрещенный язык», под которым понимался именно курдский язык. Ряд законов перестал действовать в 1991 г., некоторые правовые акты и законы, на основании которых за использование курдского языка преследуют правоохранительные органы Турции, действуют до сих пор. В 2001–2003 гг. в законодательство Турции были внесены некоторые изменения, отменившие наиболее одиозные нормы. С 7 июня 2004 г. на государственном канале TRT-3 было начато 30-минутное вещание в день

на курдском языке – на диалектах курманджи и заза (а также на арабском, черкесском и боснийском⁸ языках). Другим телекомпаниям было разрешено вещать не более 45 минут в день и не более 4 часов в неделю. Эти программы должны были иметь субтитры на турецком языке.

Однако подобные действия турецких властей курдами рассматривались в качестве «подачек» и получасовые передачи TRT не имели никакой популярности среди курдского населения. У него особый интерес вызывали курдские спутниковые телеканалы, вещающие из-за рубежа.

Обращает на себя внимание, что до сих пор турецкие власти (парламент, правительство) избегают использования термина «курдский язык», а в официальной документации, подразумевая именно его, говорится о «неизвестном языке» (в начале 90-х годов турецкие власти употребляли термин «локальный диалект»). До настоящего времени в Турции запрещен курдский алфавит, курды не могут давать своим детям имена, содержащие буквы “Q”, “W”, “X”, которые отсутствуют в турецком алфавите⁹, а муниципальные власти не допускают возможности называть парки и другие общественные места курдскими наименованиями.

За использование курдского алфавита, созданного в 1932 г. Мир Джеладетом Бадерханом, и курдского языка турецкие правоохранительные органы регулярно возбуждают уголовные дела против курдских политиков, журналистов, издательств и т.д. Так, в конце 2007 г. республиканская прокуратура возбудила уголовное дело в отношении мэра Диярбакыра Османа Байдемира за нарушение Закона № 1353 «О буквах турецкого алфавита и правилах их применения». Этот закон, принятый еще в 1928 г. в рамках реформы турецкого алфавита, предписывает использовать в деловой переписке и агитации только турецкую графику. По распоряжению Байдемира были напечатаны пригласительные билеты на Фестиваль курдской культуры, организованный мэрией Диярбакыра, на турецком и курдском языках. Прокуратура ссылалась на то, что в тексте пригласительного билета применены буквы, не существующие в турецком алфавите – Q, X, W, и шапочные буквы Ê, Î, Û, что является прямым нарушением упомянутого закона. Примечательно, что за использование европейских языков, например немецкого или английского, санкции не применяются, хотя и в них используются буквы, отсутствую-

щие в турецком алфавите (те же “Q”, “X” и “W”). Этот закон, как и все другие законы Турецкой Республики, имеет лишь антикурдскую направленность. На это турецкие прокуроры заявляют, что курдский язык в отличие от других языков, например английского и немецкого, имеет одну важную особенность – он может быть использован в «сепаратистских целях». Против Османа Байдемира было возбуждено пять подобных уголовных дел.

Глава муниципалитета Сур (входит в Большой Диярбакыр) Абдулла Демирбаш был уволен с должности за то, что в муниципальной администрации, помимо турецкого языка, применялся и курдский язык. В отношении руководства администрации были возбуждены уголовные дела. Любопытно, что во время пребывания в Диярбакире в августе 2008 г. автор видел, как перед зданием администрации Сур был вывешен плакат на курдском языке, в котором говорилось о конкурсе детских сказок (с использованием «запрещенных букв»), однако это не вызвало никакого интереса правоохранительных органов.

Махмут Алынак, будучи руководителем считающейся прокурдской Партии демократического общества (ПДО) в Карсе, в 2006 г. направил официальное письмо премьер-министру Тайипу Эрдогану, рассказав о трудностях курдов, желающих пользоваться родным языком. Не получив ответа, Алынак перевел письмо на курдский язык и повторно направил его Эрдогану. Однако письмо попало не к Эрдогану, а в турецкую прокуратуру, возбудившую уголовное дело против Алынака. Он обвинялся в том, что написал письмо на языке «несуществующего народа» и за нарушение Закона № 1353 Алынак был приговорен к полугодовому заключению.

Тот же Махмут Алынак на днях получил еще 6 месяцев наказания за выступления на митингах на курдском языке и за использование буквы “W”.

Проблемы с буквой “W” привели турецкие власти к изменению названия крупнейшего праздника иранских народов Науроза (по-курдски *Newroz*) на «Невроз» (*Nevroz*). Как известно, турецкие власти, до начала 90-х годов запрещавшие этот праздник, с 1994 г. разрешив его, стали утверждать, что это древнейший праздник тюркских народов. Однако, несмотря на все усилия властей, Науроз так и не прижился среди этнических турок, являясь в стране символом курдского сопротивления. (Среди тюркских народов Науроз распространен

лишь на территории стран, исторически находившихся под влиянием иранской культуры). Прощения, которые подаются курдскими организациями турецким властям с использованием курдского написания этого праздника (для организации различных мероприятий), не рассматриваются ими.

Невозможность продолжения преследования курдов за использование «нетурецких букв» прекрасно понимают турецкие власти, хотя и предпочитают не высказываться по этому вопросу. Однако, как заявил недавно в интервью газете *Akşam* депутат парламента от ПСР Абдурахман Курт, являющийся одним из организаторов TRT-6, используемые в курдском алфавите буквы, но отсутствующие в турецком языке, должны применяться без всяких ограничений. Руководитель TRT-6 Синан Ильхан также заявлял, что не видит никаких причин, которые бы препятствовали применению этих букв.

Регулярно турецкими правоохранительными органами возбуждались уголовные дела и за осуществление агитации на курдском языке (нарушение Закона «О политических партиях»), когда курдские политики проводят митинги на родном языке. Некоторые курдские политики считают, что теперь через TRT-6 ПСР проводит пропаганду на курдском языке.

Уголовные дела по таким поводам возбуждались в отношении руководителей многих муниципалитетов в Курдистане, руководимых ПДО.

В Диярбакыре к 5-летнему тюремному заключению был приговорен учредитель регионального телеканала ART Навзат Дагтекин за то, что на телеканале прозвучала известная песня курдского артиста Шывана Первера «*Mihemedo*». Хотя в первый же день вещания TRT-6 эту песню исполнила артистка Рожин.

Несмотря на начало работы TRT-6 в Агри (курдский город на границе с Арменией), суд запретил распространение листовок прокурдской партии *Xak-Par* (Партия прав и свобод) из-за того, что они были написаны на курдском языке (это стало основной новостью газеты *Taraf* от 2 января).

Исходя из этого, некоторые курдские политики заявляют, что национальный язык остается запрещенным для курдов, а турецкие власти хотят создать монополию на использование курдского языка.

Ежедневно против курдов за общение на курдском языке возбуждаются уголовные дела (например, в январе 2009 г.

такие случаи произошли в Адане, Османие и других районах страны). Заключенные не имеют права общаться по-курдски, хотя число коммуникаций по-курдски в Турции ежеминутно исчисляется миллионами, и турецкие власти не могут преследовать в уголовном порядке всех курдов. Так, находясь в Турецком Курдистане, автор общался исключительно по-курдски, не вызывая, как и другие носители курдского языка, никакого интереса правоохранительных органов Турции. Преследование за использование курдского языка стало удобным рычагом политического преследования.

Поэтому в ситуации с созданием и существованием государственного курдоязычного телеканала с использованием нормативного (стандартного) курманджи на основе запрещенного в стране алфавита, за использование которого до сих пор возбуждаются уголовные дела (хотя и избирательно и не повсеместно), наличие запретов на курдский язык выглядит неким фарсом. Однако такой цинизм в отношении курдов и курдской проблемы в Турции уже долгое время является реальностью Турецкой Республики.

Тем не менее курдоязычные вещание уже положило начало процессу изменений в Турции. В январе 2009 г. министерство юстиции приняло решение об отмене запрета на использование курдского языка в тюрьмах. Хотя внесение изменений в многочисленные нормативные акты антикурдской направленности в Турецкой Республике займет немало времени, совершенно очевидно, что положение здесь уже не может не меняться.

История курманджидиалектного телевидения

Возможность создания государственных курдоязычных СМИ обсуждалась в Турции уже долгое время – с начала 90-х годов, когда власти не смогли не признать наличие «курдской реальности». Впервые официально о ее признании, как известно, заявил в 1991 г. премьер-министр Сулейман Демирель. В марте 1994 г. он же утверждал, что «человека нельзя насильно называть турком, если он курд. Человек, считающий себя курдом, является им. Он имеет такие же права, как и те, кто называет себя турком». Однако, заявляя об этом, Сулейман Демирель выступал категорически против начала веща-

ния и обучения на курдском языке. Знаменательно, что хотя турецкие власти уже более 15 лет признают существование в стране курдов, и премьер-министр Эрдоган в своем приветствии телеканалу заявлял о том, что этническое разнообразие – это богатство Турции, все символы Турции проникнуты моноэтничностью. Хотя существование курдов уже де-факто не отрицается и для них создается отдельный государственный телеканал, курдские дети обязаны (как и другие школьники) ежедневно начинать учебный день со слов «я турок» (первые слова гимна школьника в Турции). При этом турок рассматривается в Турции не в смысле гражданина Турции, а именно этнического турка. Подобные присяги приносят курды, призываемые в армию, избираемые в парламент и т.д. Таким образом, признание курдов со стороны властей ограничивается лишь словами и иногда предвыборной пропагандой.

Турецкие власти, правящая ПСР и лично премьер-министр страны Р.-Т. Эрдоган, понимая, что проект создания моноэтнического государства турок, отрицавшего наличие других народов в Турции, кроме этнических турок (90 тысяч армян, греков и евреев на более чем 70-миллионную страну не в счет), провалился, теперь уже упор делают на «общем гражданстве». Однако тема «общего гражданства» была введена не ПСР. В начале 90-х годов в турецком обществе обсуждалась идея «конституционного гражданства», рассматриваемая в качестве шага к обеспечению единства страны. С 2005–2006 гг. проект «конституционного гражданства» продвигает ПСР, надеясь включить его в проектируемую новую гражданскую конституцию.

Возможность начала курдоязычного теле вещания серьезно обсуждалась в 1994 г. в рамках дискуссии о «баскской модели». Однако в стране, где с начала 20-х годов XX столетия курдский язык и курдская идентичность находились под запретом, и власти лишь за три года до этого сняли запрет на использование курдского языка в быту, это было невозможно.

Актуализация этого вопроса произошла после создания Партией рабочих Курдистана в 1995 г. первого курдского спутникового телеканала MED-TV. Значение MED-TV для курдов трудно переоценить.

Заметим, что если в других видах СМИ курды в связи с отсутствием собственного государства существенно отставали от стран региона, то в деле развития спутникового теле-

видения это отставание было значительно меньшим. Так, первый арабский спутниковый телеканал появился в 1992 г., а турецкий – в 1993 году.

Фактически MED-TV совершил революцию в истории курдских СМИ, ознаменовав рождение электронных курдских медиа. Впервые в истории был создан курдский телеканал, преодолевший своим вещанием государственные границы. Турция, как известно, заявляла, что MED-TV является глашатеем террористов, и призывала Великобританию, откуда вещал канал, закрыть его. Следует отметить, что MED-TV стал не только первым курдским глобальным телеканалом. Впервые на этом телеканале началось и ассироязычное профессиональное вещание. MED-TV действовал до 1999 г. (23 апреля 1999 г. британский телевизионный регулятор Независимая телевизионная комиссия отозвал лицензию у MED-TV), с конца июля 1999 г. по 2004 гг. действовало Medya-TV, которое выходило в эфир из студии в Бельгии через французский спутник. 13 февраля 2004 г. французские власти также отменили лицензию Medya-TV под предлогом того, что телеканал связан с ПРК. В связи с этим в Дании был создан Roj-TV, начавший работу 1 марта 2004 г.

О серьезном успехе ПРК в деле создания курдского спутникового вещания говорит то обстоятельство, что Южный (Иракский) Курдистан, имея легитимность, власти, бюджет и т.п., на несколько лет отстал от этой партии. Первым южнокурдистанским телеканалом, начавшим спутниковое вещание, стал Kurdistan TV, созданный Демократической партией Курдистана в 1999 г. Он начал работу при помощи известного турецкого журналиста Ильнура Чевика, оказавшего содействие ДПК, по его признанию, с одобрения генерального штаба Турции. Турецкие власти планировали, создав конкуренцию в спутниковом курдоязычном вещании, попытаться уменьшить популярность MED-TV. Однако Kurdistan TV, как и все другие южнокурдистанские СМИ, так и не смогли стать соперником телевещания ПРК среди турецких курдов, поскольку соранидиалектные СМИ не вызывают никакого интереса среди курманджи- и зазаядиалектных курдов Турции и Европы. Во время нахождения автора в Диярбакыре курдские интеллектуалы, являющиеся противниками ПРК и в пике ПРК считающие себя сторонниками ДПК, признавали, что желающие смотреть курдское телевидение являются зрителями именно Roj-TV,

поскольку он является единственным курманджидиалектным телеканалом. Следует, правда, отметить, что в последнее время популярность среди курдов Турции набирает спутниковый телеканал Патриотического союза Курдистана Geli Kurdistan, уделяющий время курманджидиалектному вещанию, однако его аудитория в настоящее время все же мизерная и не идет ни в какое сравнение с аудиторией Roj-TV.

Никакие запреты и санкции турецких властей не привели к отказу курдской аудитории от просмотров телеканалов ПРК – Roj-TV (общественно-политический), «Месопотамия» (посвящен культуре) и ММС (музыкальный телеканал)¹⁰. Турецкий Курдистан, наверное, является регионом с наибольшим количеством спутниковых антенн на душу населения; спутниковые антенны стали одной из наиболее заметных примет курдских городов и сел. Поэтому в турецком обществе и среди руководства Турции стала широко обсуждаться идея создания альтернативного ПРК телевидения. Затяжная дискуссия о возможности открытия была обусловлена тем, что требовалось время для того, чтобы турецкое общество, находящееся на протяжении десятилетий под сильнейшим прессом антикурдской пропаганды и истерии, свыкнулось с мыслью о необходимости курдских СМИ.

Цели и деятельность TRT-6

Создание TRT-6 преследует следующие цели:

- пустить в эфир «курдский голос» Турции, страны с наибольшим курдским населением; в условиях, когда существует почти два десятка курдоязычных каналов¹¹, зрителями которых являются курды Турции, турецкие власти не могли не пожелать попытаться восполнить спрос своего населения на курдоязычное вещание;
- через «курдский голос» Турции распространить свое влияние во внешнем мире, на Ближнем и Среднем Востоке, особенно в Южном Курдистане;
- вести работу по интеграции курдов в турецкое общество («направлять курдам объединительный мессидж»), препятствуя распространению среди них «радикального национализма»;
- создать альтернативу телевидению ПРК, являющейся фактически монополистом курманджи- и зазadiaлектного вещания;

– показать Европейскому Союзу, что в Турции не только не запрещается курдский язык и курдские СМИ, но и создаются государственные курдоязычные телеканалы.

Безусловно, TRT-6 создан для того, чтобы транслировать точку зрения турецких властей, которая по своей сути является антикурдской, на курдоязычную аудиторию. Телеканал замышляется как один из новых рычагов антикурдской пропаганды турецких властей.

Однако для того, чтобы TRT-6 имел влияние среди курдов, он должен завоевать популярность. Поэтому на телеканал приглашаются известные курдские исполнители, ставшие символами курдского национально-освободительного движения и курдского национализма. Одной из крупных проблем нового канала является необходимость привлечения на телеканал именно курдов, поскольку в рамках Турции начисто отсутствовала возможность подготовки национальных курдоязычных специалистов (журналистов, переводчиков, политологов, музыкантов и т.п.). Кроме того, люди, имеющие опыт работы в курдских СМИ, являются, как правило, противниками турецких властей, поскольку их любая деятельность на курдском направлении на протяжении всей истории Турецкой Республики являлась вызовом этому государству. Более того, многие из этих людей прошли «школу ПРК». Так, мегазвезда курдов Шыван Первер на протяжении долгих лет был одним из наиболее активных сторонников ПРК, несколько лет назад он стал поддерживать Демократическую партию Курдистана (ДПК), что привело к его бойкоту со стороны ПРК.

Турецкие власти вели активную работу по привлечению Шывана Первера, которого ранее называли сепаратистом и террористом. В начале декабря 2008 г. в Германии с ним встречались глава TRT-6 Синан Ильхан¹² и депутат Великого национального собрания Турции от Партии справедливости и развития от Диярбакыра (считающегося неофициально столицей Курдистана) Абдурахман Курт. К Перверу с просьбой вернуться и начать работать на телеканале обратились 50 депутатов парламента Турции от ПСР. Власти страны при этом не настаивали на его немедленном возвращении на родину, предлагая записать выступление и песни для TRT-6 в Европе. Шыван Первер, находящийся на протяжении последних 33 лет в изгнании (эмиграции) и не имеющий возможности вернуться в Турцию из-за опасения быть арестованным за использова-

ние в своих песнях слова «Курдистан», слывет одним из известнейших национальных певцов за всю историю курдского народа. Своими песнями, которые он считает «восстанием против угнетения [курдов]», Шыван произвел революцию в сознании курдов, по праву считаясь глашатаем панкурдского национализма и независимого Большого Курдистана. Однако турецкие власти очень хотели привезти Шывана (именно так, без фамилии, называют его в курдской среде) на церемонию открытия.

Взяв долгую паузу, что сделало тему его приглашения одной из наиболее обсуждаемых в курдских СМИ, Шыван Первер 29 декабря на пресс-конференции в Кёльне отказался от этого приглашения, хотя было очевидно, что артист колебался и окончательно не исключил возможность своей деятельности на TRT-6.

Высоко оценив создание TRT-6, он заявил, что готов служить братству и миру. Отметив, что создание TRT-6 является очень важным шагом, Ш.Первер сказал, что надеется, что это лишь начало и за этим последуют другие шаги со стороны турецких властей. Комментируя свой отказ от работы на новом телеканале, Шыван Первер сказал, что будет выступать на курдских телеканалах. Как отметил Первер, «многие проблемы все еще не решены. Открытием телеканала TRT-6 [курдская] проблема не решена». А слова Эрдогана, которые тот произнес во время своей недавней поездки по Турецкому Курдистану, «или любви (такую Турцию), или убирайся», он назвал фашистскими.

Шыван отказался прибыть на церемонию открытия TRT-6, сказав: «Я не соглашусь выступать на телеканале, на котором я не смогу спеть песню «*Kîne Em?*» (курд. «Кто мы?»). Он добавил, что не сможет работать на телеканале, который создан в стране, отрицающей курдов, и где многое для них все еще запрещено. Однако певец не исключил такого сотрудничества в будущем.

По-видимому, турецкие власти обещали решить проблемы артиста с турецким правосудием по поводу его песен с использованием слова «Курдистан», что рассматривалось турецкими властями в качестве «поддержки терроризма». На телеканале вместо слова «Курдистан» используются термины «Юго-Восток» (Юго-Восточная Анатолия) и «Восток» (Восточная Анатолия)¹³.

Кроме объявленных Шываном Первером мотивов отказа, очевидно, что одной из важнейших причин была кампания, развернутая Партией рабочих Курдистана и принадлежащими ей средствами массовой информации.

Другой известный курдский артист Дживан Хаджо, также ранее регулярно выступавший на мероприятиях, организуемых ПКК, тоже отказался от сотрудничества с телеканалом, по утверждениям курдских СМИ, из-за боязни ПКК. Однако и Шыван Первер, и Дживан Хаджо дали согласие на показ их клипов и, по некоторым данным, возможно, вскоре все же будут делать на нем и свои программы. Депутат Абдурахман Курт также пообещал, что Шыван обязательно появится на канале, а 8 января 2009 Шыван, выступая в программе Митхата Бараката на TRT-1, фактически подтвердил возможность возвращения в Турцию.

Для того, чтобы не отторгнуть от себя зрителей и завоевать популярность, TRT-6 полностью избегает политики. Предвыборная пропаганда ПСР на TRT-6 включает в себя трансляцию культурных программ, музыкальных фильмов и т.п., которые в принципе не могут вызвать никакого раскола среди курдов. Телеканал показывает лишь небольшой выпуск международных новостей, не имеющих никакого отношения к курдским проблемам. Отсутствие внутренних новостей Турции на TRT-6 обусловлено тем, что турецкие власти прекрасно понимают, на государственном телеканале должна отражаться позиция властей, однако это на курдском телеканале вызовет сильное отчуждение населения от TRT-6 и фактически будет означать провал проекта. Кроме того, турецкие власти понимают, что ПКК является реальной силой в Курдистане и показ сюжетов, в которых будут осуждаться «террористы ПКК», приведет к потере значительной части зрительской аудитории. Поэтому власти избегают на TRT-6 всякой политики, концентрируясь на культуре.

Одной из важнейших функций телеканала рассматривается усиление влияния Турции в южнокурдистанском регионе, который является «задним двором» этой страны.

Так, известный турецкий журналист Ченгиз Чандар, являвшийся в конце 80-х – начале 90-х годов советником президента Турции Тургута Озала и пользующийся признанным уважением у южнокурдистанской политической элиты, считает наличие в составе Турции курдского региона большим пре-

имуществом для экономической экспансии в направлении богатого углеводородными ресурсами Южного Курдистана. Он считает, что разделяющая курдов турецко-иракская граница должна стать полностью прозрачной, а Турция с Южным Курдистаном заключить соглашение, наподобие существующего между странами Бенилюкса (подписано в 1948 г. между Бельгией, Нидерландами и Люксембургом). Утверждение турецкого экономического влияния в Южном Курдистане будет способствовать его распространению на весь прилегающий регион. Именно для реализации этой «империалистической» по отношению к ресурсам Южного Курдистана политики, как считают некоторые курдские интеллектуалы, Турция готова к осуществлению ряда реформ по курдской проблеме, желая сильнее интегрировать курдов в рамках Турецкой Республики¹⁴, а Южный Курдистан сблизить с Турцией экономически.

Подобный проект турецких властей представляет нечто наподобие «либеральной империи», основанной на полномасштабном турецком экономическом доминировании в регионе. При этом имеется в виду именно полномасштабное доминирование, а не просто получение крупных подрядов. Для этого турецкие власти осуществляют активное использование «мягкой силы», создают влиятельные медиаструктуры на языках народов региона, образовательные учреждения.

Отношение к TRT-6 ПРК и близких к ней организаций

ПРК, альтернативой теле вещанию которой турецкими властями считается TRT-6, называет его «Джаш-TV» («Cenş TV»¹⁵) – «Предательское телевидение», другие аналогичные названия, применяемые ПРК в отношении TRT-6: «Cerdevan TV» («Предательское TV», «TRT şaş»¹⁶, «ŞEŞ TIRT»¹⁷), а курдов, сотрудничающих с TRT-6, предателями. Еще перед открытием TRT-6 ПРК и Партия демократического общества (ПДО)¹⁸ развернули (хотя, как будет показано далее, позиция ПДО в этом вопросе иногда несколько отличается от позиции ПРК) мощную кампанию против нового канала, утверждая, что турецкие власти таким образом желают обмануть курдов, не предоставляя им реальных прав, и ведут предвыборную агитацию¹⁹. ПРК сравнивает TRT-6 с курдоязычными СМИ, от-

крытыми в свое время в Ираке Саддамом Хусейном и в ИРИ иранскими властями²⁰.

ПРК считает, что создание TRT-6 отражает лицемерие турецких властей. В то время, когда, по мнению ПРК, государство не признает основных прав курдов и курдский язык по-прежнему запрещен, власти создают государственный курдоязычный телеканал. Представители ПРК утверждают, что турецкие власти, создав TRT-6, пытаются обмануть курдов, не удовлетворив их основные требования, поскольку курдская проблема не может быть решена открытием курдоязычного телеканала. ПРК считает, что курды должны быть упомянуты в качестве нации в конституции страны, а курдский язык – стать официальным языком Турции.

ПРК и близкая к ней ПДО с удовлетворением восприняли отказ Шывана от сотрудничества с каналом, утверждая до этого, что если курдский артист примет приглашение турецких властей, он из символа курдского патриотизма превратится в обычного предателя. Кроме влияния, которое ПРК имеет среди значительного количества курдов Турции, многие курдские деятели культуры опасаются мести (убийств).

Известные курдские деятели, сотрудничающие с TRT-6 и обвиняемые Партией рабочих Курдистана в предательстве, категорически отвергают обвинения ПРК, считая, что они работают не на турецкое государство, а действуют из курдских патриотических устремлений, в рамках развития курдского языка и культуры. Так, обвиненная в предательстве Рожин заявила, что никогда не пошла бы работать в организацию, которая была бы против ценностей курдского народа, отметив, что служит курдской культуре и языку.

Один из руководителей ПДО Махмут Алинак, который, как отмечалось, был приговорен к полугодовому заключению за написание письма на курдском языке, назвал TRT-6, который открылся речью Эрдогана, закончившейся пожеланием на курдском языке (титры, указывающие должность Эрдогана, также включали «запрещенную букву» “W” – *serokwezîr*), «комедией» и «византийской игрой»²¹.

Глава Диярбакырского отделения Ассоциации по правам человека Мухаррем Эрбей (эта организация близка к ПДО и ПРК) также отмечал, что создание TRT-6 является важным шагом, однако вряд ли решит курдскую проблему. По его словам, это абсурд, когда ведется круглосуточное вещание на курд-

ском языке, однако в тюрьмах заключенным запрещено общаться с родственниками на родном языке, нельзя печатать и рассылать открытки и пригласительные билеты на курдском языке и т.д.

Руководитель близкой к ПРК диярбакырской частной региональной телекомпании Gün TV, вещание которой было приостановлено на год из-за выпуска в эфир курдских и армянских песен, также заявил, что ожидает снятия временных и других ограничений на вещание на курдском языке, удивляясь, как может TRT-6 приглашать Шывана Первера, когда другие телеканалы не могут показывать его песни, опасаясь уголовного преследования.

Примечательно, что ПРК по вопросу создания нового телеканала не критикует турецкое государство либо военных, а обрушивает шквал своей критики именно на ПСР, считая, что TRT-6 является рычагом ПСР против ПРК и Roj-TV. ПРК и ПДО считают, что этот проект ПСР имеет предвыборный характер (на 29 марта 2009 г. в Турции были назначены выборы в местные органы власти, которые рассматривались в качестве важнейшего теста для оценки популярности ПСР и ПДО в Курдистане, своеобразного политического референдума в Курдистане). Конкурентом ПДО в Курдистане является именно ПСР, получившая на парламентских выборах 2007 г. половину голосов. ПРК и ПДО считают, что ПСР, популярность которой за последний год в Курдистане сильно уменьшилась, создав курдоязычный телеканал для ведения антикурдской пропаганды на курдском языке, желает подменить суть курдской проблемы, не предпринимая никаких реальных шагов для ее решения. ПСР в свою очередь категорически отрицает предвыборный и пропагандистский характер TRT-6, утверждая, что это – лишь шаг в направлении демократизации страны.

Лидер ПРК Абдулла Оджалан 4 января 2009 г. во время встречи со своими адвокатами, выступив против создания TRT-6, заявил, что эта мера является рычагом культурного влияния на курдов, попыткой создания турецкими властями «своих курдов». Все это, по мнению А.Оджалана, направлено на экономический контроль Курдистана со стороны крупнейших холдингов.

Члены ПДО, считающейся политическим крылом ПРК, в целом выступили против создания TRT-6. Однако некоторые

члены руководства партии позитивно восприняли действия турецких властей, хотя и считая это вынужденным шагом в связи с борьбой курдов и в ожидании дальнейших действий. Так, сопредседатель ПДО Эмине Айна в интервью газете *Taraf* отметила, что создание TRT-6 – результат борьбы курдского народа и имеет важное значение²². Мэр Большого Диярбакыра считает, что открытие TRT-6, знаменующее признание курдского языка и культуры, – итог 20-летней борьбы, а ее продолжение приведет «в скором времени к признанию земли курдов». Примечательно, что в связи с этими заявлениями О. Байдемира, прокуратура Диярбакыра начала следствие в отношении мэра, заявив, что против него будет открыто уголовное дело, поскольку его слова направлены на разрушение единства государства и пропаганду «языка террористической организации ПРК»²³.

Резко отрицательная позиция ПРК по отношению к TRT-6, несмотря на то, что часть курдов поддержала создание государственного курдоязычного телеканала, все же оказала воздействие на некоторые аспекты деятельности TRT-6. Так, у телеканала есть большие трудности по приглашению на свои передачи курдов, поскольку многие отказываются. В связи с этим руководство телеканала за вознаграждение привлекает к участию в программах лиц, не владеющих курдским языком, что создает ведущим и режиссерам телеканала дополнительные трудности.

ПРК до создания TRT-6 являлась монополистом на рынке курманджидиалектных СМИ с большой аудиторией. Кроме двух телеканалов ПРК уже три года впервые в истории курдов издает ежедневную газету на курманджи. Телеканалы ПРК, в том числе музыкальный телеканал, являются важнейшей «мягкой силой» этой партии. Хотя следует отметить, что ПРК широко представлена и в соранидиалектном формате. Ряд телепередач на Roj-TV идет на сорани, кроме того, в 2008 г. ПРК создала новый телеканал, ориентированный на Иранский Курдистан – Newroz TV (не путать с телеканалом Newroz в Южном Курдистане). Newroz TV осуществляет вещание на сорани, а также на авромани, на котором говорит население в районе, протянувшемся от Халабджи на восток в Иранском Курдистане (примечательно, что авромани близок зазаки, распространенном на другом конце Курдистана – на северо-западе).

Большинство курдских артистов было вынуждено выступать на телеканалах ПРК, поскольку не имело другой возможности делать это в Турции. ПРК использовала отсутствие возможности вести нормальную культурную деятельность на турецких телеканалах для того, чтобы привлечь известных деятелей курдской культуры на свою сторону. Для курдских артистов деятельность в рамках организаций в свою очередь предоставляла возможность сильной раскрутки, поскольку ПРК имеет многомиллионный актив и регулярно организует крупномасштабные культурные проекты (фестивали культуры, концерты и т.п.). Создание нового телеканала предоставляет возможность курдским артистам право выбора, а не только быть вынужденными действовать в рамках организаций ПРК. Хотя курдская музыка с начала 90-х годов заметно развивалась, существенно профессионализовавшись, она все еще не стала сферой бизнеса. Курдская музыка в значительной степени имеет политическую окраску и неэкономический аспект. Профессиональные курдские артисты (естественно, сейчас речь не идет о таких крупных величинах, как, например, Шыван Первер) в большой мере зависят от экономической и организационной поддержки крупных политических сил. Основными продюсерами на курдском музыкальном рынке являются политические партии, в первую очередь ПРК (речь идет о курдах Турции).

Монополия ПРК, безусловно, являющейся крупнейшей силой в Турецком Курдистане, в курманджидиалектных (и в меньшей степени заадиалектных) СМИ, как ни парадоксально, имеется лишь в капиталоемких проектах. В проектах, не нуждающихся в больших инвестициях, ПРК почти не имеет никакого влияния. Она почти не обладает популярными курдоязычными сайтами (наиболее популярные сайты ПРК действуют на турецком языке) и общественно-политическими и литературными изданиями (традиционно все идеологические издания ПРК выходят на турецком языке), которые созданы как раз группами интеллектуалов, являющихся противниками ПРК. Большая часть информационной деятельности ПРК осуществляется на турецком языке, курдский язык пока так и не стал основным языком этой партии.

ПРК весьма ревниво относится к любой попытке нарушения ее монопольного положения. А в качестве конкурентов рассматриваются именно курманджидиалектные СМИ –

Kurd1, против которого ПРК ранее развернула мощную кампанию, и TRT-6.

Хотя ПРК и претендует на общенациональный размах, пытаясь создать в каждой из частей Курдистана аффилированные структуры, в реальности влияние ПРК ограничивается Северным Курдистаном. Поэтому наиболее болезненно ПРК относится к попытке уменьшения ее влияния именно на турецких курдов. Как раз этим обусловлено, что ПРК не ведет никакой кампании, например, против KurdSat или Kurdistan TV, которые почти не имеют зрительской аудитории в Северном Курдистане, а выступает против Kurd1, не говоря уже о TRT-6.

По организационной и финансовой устойчивости ПРК, по сути, представляет феномен. Она создала спутниковое телевидение, которое до сих пор не могут позволить себе даже многие государства. Будучи нелегальной партией, ПРК представляет собой крупный транснациональный военный, политический, экономический и медийный холдинг, действующий на территории Турции, Европы, стран Ближнего и Среднего Востока и СНГ. Он включает в себя политические партии (легальные и нелегальные), вооруженные силы, некоммерческие и культурные организации, различных агентов, занимающихся экономической деятельностью, СМИ и т.п. ПРК понимает, что, действуя в Европе, она может делать телевидение более высокого качества, чем структуры в Южном Курдистане (хотя в последнее время в этом направлении сильно продвигается ПСК), однако противостоять турецкому государству будет крайне сложно.

Поскольку в настоящее время курманджидиалектные каналы сконцентрированы в руках ПРК, ее противники лишены доступа к телемедиа, и именно создание TRT-6 предоставляет им эту возможность. Все СМИ ПРК, хотя и претендуют на общенациональный масштаб, представляют собой сугубо партийные структуры. Лица, не являющиеся сторонниками партии, не имеют никакого допуска к этим медиа, более того, СМИ ПРК осуществляют бойкот, в том числе курдских деятелей культуры, не согласных с политикой ПРК.

Конкуренция курманджидиалектных TV

При отсутствии какой бы то ни было конкуренции телеканалы ПРК в последние годы практически не развивались, поч-

ти не предлагая зрителям новых телепроектов. Так, например, за более чем 13 лет существования собственного телеканала ПРК не смогла полностью перевести его на курдский язык: до сих пор значительный объем вещания осуществляется на турецком языке. (Однако существует мнение, что ПРК не желает перевести Roj-TV полностью на курдский язык, поскольку основная часть ее политической пропаганды ведется все же на турецком языке).

Создание реальной конкуренции на рынке курманджи- и заадиалектных TV должно привести к улучшению качества этого телевещания.

Турецкие власти выделили TRT-6 весьма крупный, по турецким меркам, бюджет. Сотрудники телеканала получают зарплату, которую они никогда не получали бы на каком-то другом курдоязычном телеканале. Так, по некоторым данным, артистке Рожин было предложено 60 тыс. новых лир (почти 40 тыс. долл. США) в месяц, а Джывану Хаджо – намного больше. Финансовые условия, предложенные Шывану Перверу, по-видимому, заоблачны даже для европейских СМИ.

TRT-6 отличается весьма высоким техническим уровнем программ. Зрители отмечают хорошее качество дубляжа. Телеканал способен производить и переводить значительное количество фильмов. На телеканале была анонсирована «первая экономическая передача на курдском языке» (курманджи). Высокое качество TRT-6 подметил и президент Ирака Джалал Талабани, заявивший, что это обеспечит телеканалу широкую аудиторию не только в Турции, но и в Ираке, будет способствовать завоеванию симпатий аудитории двух крупнейших южнокурдистанских телеканалов – Kurdistan TV и KurdSat²⁴.

Примечательно, что наряду с ПДО против телеканала выступают Народно-Республиканская партия, о которой курды говорят, что это не социал-демократическая, а фашистская партия, и правонационалистическая Партия националистического действия (ПНД). Они считают, что TRT-6 подрывает национальный (моноэтнический) характер Турции.

Хотя наиболее активно против TRT-6 выступают организации и лица, близкие к ПРК, подобной же позиции придерживается и ряд курдских интеллектуалов, являющихся противниками ПРК и считающих, что ПРК ведет антикурдскую политику, отказавшись от национальных требований курдов и выдвигая невятные цели о создании «демократической республики».

TRT-6 стал не только конкурентом Roj-TV, но и телеканала Kurd1, который был создан в начале 2008 г. Курдским институтом в Париже (КИП), начав в мае тестовое вещание. В создании этого телеканала, который предполагает работать в том же формате, что и TRT-6, президенту КИП (создан в 1983 г. группой курдских интеллектуалов при помощи супруги тогдашнего президента Франции Франсуа Миттерана Даниэль Миттеран) Кендалу Незану финансовую поддержку оказал Южный Курдистан. Руководство Kurd1 активно ищет спонсоров среди европейских организаций. Курдские интеллектуалы, являющиеся противниками ПРК, надеялись, что именно этот телеканал создаст реальную конкуренцию Roj-TV. Kurd1 планируется как телеканал, который будет распространять среди курдов «европейские ценности». Kurd1 анонсирует себя как телеканал вне политики, который будет предоставлять эфир всем курдским общественным силам. Примечательно, что ПРК ранее развернула кампанию и против телеканала Kurd1.

Однако Kurd1 долгое время не мог начать обычное вещание, работая в тестовом режиме (для сравнения: TRT-6 действовал в тестовом режиме лишь неделю). В первое время значительная часть курманджидиалектной аудитории с нетерпением ожидала начала работы Kurd1, но впоследствии интерес к нему упал.

Однако, похоже, на новый уровень конкуренцию за курдоязычную аудиторию поднимет не Kurd1, а другой новый телеканал, созданный в Южном Курдистане. За час до наступления 2009 г. по эрбильскому времени тестовое вещание (4 часа в сутки) начал телеканал KNN (Kurdish News Network Channel), входящий в медиагруппу бывшего заместителя генерального секретаря ПСК Наушчервана Мустафы – «Вуша». KNN является первым независимым телеканалом в истории Южного Курдистана. Он вещает одновременно на двух диалектах – на курманджи и сорани (зритель может выбрать диалект; одни и те же программы одновременно передаются на двух диалектах), претендуя на глобальную курдскую аудиторию. KNN является своеобразным «курдским CNN», предлагая зрителю лишь новостные программы, а также комментарии на политические и экономические темы. Можно предположить, что это вызовет очередной виток конкуренции в новостном формате высококачественных курдских электронных медиа.

Отношение к TRT-6 вне ПРК

Курдские интеллектуалы и политические партии, являющиеся противниками ПРК, по-разному восприняли создание TRT-6. Так, некоторые из них считают, что создание курдоязычного государственного телеканала является реальностью и курды должны найти в этом положительные моменты. Учреждение TRT-6 они расценивают не как проект правительства Партии справедливости и развития, рассчитанный на эффект при местных выборах, а как решение всего турецкого государства (включая могущественный генералитет). Они рассчитывают, что создание TRT-6 поможет институционализации курдского языка в Турции, и он сможет окончательно выйти из маргинального состояния, поскольку является в Турции языком быта, а большая часть курдоязычных СМИ либо нелегальна, либо малопопулярна. Эти интеллектуалы надеются, что создание TRT-6 станет первым шагом для расширения пространства использования курдского языка. Они полагают, TRT-6 является очень важным, но пока лишь очень маленьким шагом на пути появления решения курдской проблемы.

Одной из острых проблем курдского общества в Турции является то, что его язык пока не стал языком экономики, бизнеса, управления и политики в Турции. Так, несмотря на популярность Roj-TV, канал является лишь сугубо политическим проектом, почти не имея никакой коммерческой составляющей. Реклама, служащая одним из важнейших источников доходов телевидения, так и не заняла какого-либо ощутимого места в Roj-TV. Некоторые курдские интеллектуалы считают, что создание TRT-6 создаст курдоязычный рекламный рынок.

С интересом и некоторым опасением наблюдая за становлением государственного курдоязычного телеканала, часть курдской интеллигенции считает необходимым воспользоваться и этой возможностью расширения курдоязычного пространства и развития курдской культуры, не видя ничего негативного, например, в подготовке программ о курдской литературе на государственном телеканале Турции. Так, в первые дни вещания уже начали появляться программы о курдской литературе, о средневековой курдской поэзии, представляющие большой интерес для курдского населения.

Кроме того, курдские националисты-интеллектуалы, поддерживающие создание курдского телеканала, обращали внимание, что в одном из недавних интервью Масуда Барзани он вспомнил, что когда Мустафа Барзани был в Советском Союзе, то слушал по багдадскому радио на курдском языке песни курдских исполнителей. Багдадское радио на курдском языке оставило значительный архив курдской музыки, сохранив голоса известнейших в курдском мире артистов Айше Шан, Мухаммеда Ариффа Джезири, Тахсина Таха и других, которых вряд ли курдам придет в голову называть предателями.

Бытует мнение, что хотя TRT является турецким государственным каналом, тот факт, что он вещает на курдском языке, способен будить в курдах патриотические чувства. Кроме того, эти интеллектуалы считают, что курды должны попытаться осуществить полную курдизацию телеканала (не в смысле языка, а в плане курдского национализма), поскольку TRT-6 не только не может отрицать курдскую идентичность, но, напротив, будет способствовать ее утверждению.

Кроме того, внимательные наблюдатели считают, что сравнение TRT-6 с ранее созданными другими государствами курдоязычными СМИ (ереванское радио во времена СССР, багдадское радио в саддамовском Ираке, тегеранское радио в ИРИ на курдском языке) некорректно, поскольку нынешняя Турция (особенно в связи с происходящими в последние годы демократическими реформами в стране на основе переговорного процесса с Евросоюзом), все же более демократична, чем названные страны. По их мнению, TRT (в целом) можно сравнить скорее с британским BBC или шведским SVT (хотя они и оговариваются, что, безусловно, TRT-6 пока все же далеко до них). Турецкая телерадиокорпорация имеет значительный объем автономии, что опровергает мнение ПРК о TRT-6 как обычном пропагандистском средстве турецких властей²⁵.

Примечательно, что создание TRT-6 поддержали люди, близкие к известному курдскому журналу *Nûbuhar*. Издающийся с 1992 г. группой происламских, но национально ориентированных курдских интеллектуалов (новый феномен среди курдов – попытка создания «патриотического курдского ислама», которая, скорее всего, как и все предыдущие, будет неудачной, поскольку «курдский национальный ислам» в отличие от арабского, турецкого и др., наверное,

все-таки невозможен) и являющийся одним из наиболее долго издаваемых и высококачественных курдских журналов, *Nûbuhar* считается образцовым журналом на курдском языке.

Работающие на TRT-6 курдские интеллектуалы, специалисты и артисты делают акцент не на том, что работают на государственном телеканале Турции, а более важным считают, что служат развитию курдского языка, литературы и культуры²⁶.

Еще одним аргументом в защиту TRT-6 курдские интеллектуалы считают следующее обстоятельство. В то время когда власти Южного Курдистана осуществляют давление на курманджи, пытаясь даже запретить его, создание TRT-6 может дать толчок к развитию этого курдского диалекта, на котором говорит три четверти курдского этноса, не только в Турции, но и в Южном Курдистане. А это является весьма важным процессом, поскольку лишь курманджи может претендовать на роль языка общенационального масштаба среди курдов. Основанный на арабской графике и насильственно утверждаемый среди курманджидиалектных курдов Ирака сорани не имеет никаких шансов на широкое распространение, вызывая лишь отторжение среди подавляющего большинства курдского этноса.

В основном курдская общественность, приветствуя создание TRT-6, ожидает от правительства Турции дальнейших действий.

Частные курдские телеканалы сразу же после начала вещания TRT-6 стали настаивать на изменении временного формата своего вещания, поскольку работа государственного курдоязычного телеканала сделала имеющиеся запреты бессмысленными. Gün TV направило в телерадиорегулятор Турции (RTÜK, Высший комитет радио и телевидения) просьбу разрешить каналу увеличить время вещания, поскольку, несмотря на существующие в законодательстве Турции ограничения по времени вещания на «региональных языках», TRT-6 начал круглосуточную работу.

Ряд курдских интеллектуалов расценивает учреждение TRT-6 как итог многолетней борьбы курдов, в первую очередь ПРК, легальных прокурдских партий в Турции, а также телеканалов, созданных ПРК. По их мнению, если бы отсутствовал телеканал Roj-TV, вряд ли турецкие власти создали бы TRT-6. Кроме борьбы курдов, на решение турецких властей

повлиял ряд международно-политических факторов, а именно: свержение американцами баасистского режима в Ираке, проведение демократических выборов, институционализация статуса Южного Курдистана²⁷.

Таким образом, открытие курдоязычного государственного телеканала рассматривается в качестве важного фактора развития курдской идентичности и усиления курдского национализма.

Отношение к TRT-6 в Южном Курдистане

В культурно-идеологическом плане Турция имеет значительное влияние в Южном Курдистане. Турция воспринимается там в качестве полуевропейской страны, которая, безусловно, в политическом и экономическом плане более модернизирована, чем Южный Курдистан.

Поэтому создание турецкого государственного курдоязычного телеканала было воспринято в Южном Курдистане с огромным интересом.

Начало теле вещания TRT-6 рассматривается здесь как мера расширения курдского этнокультурного пространства. Вместе с планируемым открытием кафедр курдоведения в двух крупнейших (Анкарском и Стамбульском) университетах Турции²⁸ это знаки, символизирующие изменение философии турецкого государства, которое на протяжении более 80 лет отрицало существование курдского языка и курдской культуры.

По мнению властей Южного Курдистана, за этими шагами турецких властей должны последовать и другие действия, направленные на решение курдской проблемы.

Однако деятельность TRT-6 несет Южному Курдистану ряд угроз. Будучи государственным телеканалом Турции, он, естественно, транслирует точку зрения турецких властей. На TRT-6 Южный Курдистан называют «севером Ирака», хотя даже иракские власти употребляют согласно национальному законодательству название «Курдистан». Кроме того, позиции турецких властей порой диаметрально противоположны взглядам южнокурдистанских властей. TRT-6 искусно ведет кампанию по дискредитации «южнокурдистанского эксперимента», время от времени «напоминая» зрителям, что до последнего времени в Южном Курдистане был чуть ли не хаос,

а «курдские политические группировки вели войну против друг друга».

Курдоязычное вещание всегда являлось монополией курдских политических сил и властей Южного Курдистана. Теперь же они впервые столкнулись с ситуацией, когда телеканал высокого в техническом и информационном отношении качества может стать привлекательным среди курдского населения, поскольку вещает на родном языке, однако транслирует другую точку зрения, рассматриваемую властями Южного Курдистана порой в качестве «вражеской».

Отношение к TRT-6 Европейского союза

В контексте международных аспектов, повлиявших на решение турецких властей создать курдоязычный телеканал, немаловажна и роль Евросоюза.

Европейский союз, традиционно настаивающий на проведении демократических реформ в Турции и на предоставлении культурных прав курдам, осторожно приветствовал создание TRT-6. Политики Евросоюза отметили, что это действие турецких властей является огромным шагом вперед, и призвали турецкое правительство продолжить процесс реформ. По мнению европейских политиков, учреждение TRT-6 является сигналом о желании ПСР возобновить осуществление реформ (поскольку многие в ЕС считали, что ПСР свернула с этого пути), необходимых для отношений между Турцией и ЕС. При этом депутаты Европарламента предупреждали турецкие власти, что TRT-6 не должен быть рупором государственной пропаганды.

Европейские политики выражали недовольство реакцией ПДО на открытие TRT-6, а позицию ПРК называли «нелепой»²⁹.

Таким образом, Европейский союз рассматривает открытие TRT-6 в качестве важного, но недостаточного шага, считая, что курды имеют право не только на культурно-музыкальный телеканал, а TRT-6 должен, как и другие турецкие телеканалы, предоставлять свой эфир и политическим партиям. Таким образом, курдский язык сможет войти в политическую жизнь Турции не только через митинги и демонстрации, а через государственные СМИ.

Вынужденное изменение государственной идеологии

Несмотря на жесточайшую цензуру, в эфире TRT-6 с первых минут проходили кадры, доселе невиданные для турецких государственных СМИ. В первые дни значительная часть времени была уделена опросу курдов, как они оценивают открытие курдоязычного телеканала. Естественно, все из опрошенных весьма положительно оценивали создание TRT-6 (сторонникам ПРК, выступающей против, слово не предоставлялось). Однако один из опрошенных, например, заявил, что высоко оценивает открытие курдоязычного телеканала, поскольку «мы другая нация, и у нас должно быть свое телевидение». Многие интервьюируемые говорили о том, что создание TRT-6 будет служить «дружбе и братству между турками и курдами», утверждая таким образом, что курды представляют именно отдельную нацию. Примечательно, что турецкие власти до сих пор считают, что за исключением 90 тысяч (0,12%) представителей национальных меньшинств (греки, армяне и евреи), все остальное население страны составляют турки.

Создание телеканала является своеобразной революцией в турецкой государственной идеологии по отношению к курдской проблеме. Депутат ПСР от Диярбакыра Абдурахман Курт в декабре 2008 г. в интервью *Taraf* заявил, что ПСР прекрасно понимает, что курдская проблема имеет комплексный характер, включая общественный, экономический, политический и культурный аспекты. Как заявлял А.Курт, уже и военные признают, что решение курдской проблемы вооруженным путем невозможно.

Министр культуры и туризма Эртугрул Гюнай, выступая на церемонии открытия телеканала, подчеркнул свое уважение к памяти известных курдских общественных и политических деятелей, в свое время сильно пострадавших от турецких властей, – артиста Ахмета Кайя (изгнанного из Турции за желание снять клип на курдском языке) и журналиста Мусы Антера³⁰.

Несмотря на то, что решение о создании TRT-6 было принято турецкими властями в целом, а не только ПСР, роль

этой партии в этом деле весьма велика. ПСР, по признанию А.Курта, за несколько лет сделала в деле решения курдской проблемы больше, чем все предыдущие правительства и партии, вместе взятые.

Тем не менее для ПСР курдский вопрос представляет большую проблему. В 2002 г., когда ПСР пришла к власти, курдское население Турции связывало с этой партией большие надежды. Поездка Эрдогана в Диярбакыр в 2005 г., когда он сделал ряд заявлений в отношении курдской проблемы, очень вдохновила курдов. ПСР среди курдов становилась самой популярной партией. В июле 2007 г. на парламентских выборах за ПСР отдали свои голоса около половины населения Турецкого Курдистана. Однако надежды не сбылись. Поддержка Партией справедливости и развития вторжения турецкой армии в Южный Курдистан осенью 2007 г. сильно поубавили популярность ПСР в Турецком Курдистане. Последующие действия партии также не способствовали популярности. Курды надеялись, что ПСР будет добиваться разрешения курдской проблемы. Однако ПСР, избегая этого, пыталась вместо решения курдской проблемы ограничиваться политической мелкими уступок. А заявления Эрдогана в Курдистане, что Турция – это одна нация и один язык, а кто не согласен с этим, «может убираться из Турции», фактически полностью обвалили популярность ПСР в Курдистане. Поэтому некоторые курдские аналитики считали, что в преддверии местных выборов ПСР желала создать сильную поддержку в среде курдов и достичь успеха на выборах.

TRT-6 и проблема языкового и культурного возрождения других нетурецких народов в Турецкой Республике

Политика турецких властей по отуречиванию всех нетурецких народов (евреи, армяне и греки признавались турецкими властями в качестве национальных меньшинств), проводимая с самого начала создания Турецкой Республики, в первую очередь была направлена на курдов, являвшихся крупнейшим нетурецким этносом Турции, представляющим, по сути, единственную преграду на пути ассимиляционной политики. Другие народы, подвергаясь такому

ассимиляционному давлению, не могли оказать никакого сопротивления турецким властям. Если бы турецким властям удалось «решить» курдскую проблему, ассимилировав и/или уничтожив курдов, то в Турции никогда бы не стоял национальный вопрос.

Провал проекта ассимиляции курдов, являвшегося, по сути, одним из важнейших в политике турецкого государства, основанного на идеологии кемализма, положил начало процессу изменений государственной идеологии турецких властей по отношению к курдам, фактически обрушив всю систему Турции, направленную на отрицание идентичности других нетурецких мусульманских народов.

Поэтому идейные кемалисты считают, что открытие TRT-6 де-факто признает курдов отдельной нацией, и требуют возбуждения уголовного дела против премьер-министра Эрдогана³¹.

Ряд аналитиков уже стал говорить о постепенном открытии в Турции «ящика Пандоры»³², имея в виду начало периода этнизации в стране и возникновение национальных проблем.

Сразу же после начала работы TRT-6 лидеры черкесской общины Турции начали просить турецкие власти о преподавании в университетах страны черкесских языков и литературы (турецкие власти объединяют под понятием «черкесы» всех представителей черкесской группы языков – черкесов, абхазов, адыгов), а также начать радио- и телевидение на черкесских языках. В настоящее время TRT осуществляет телевидение на черкесском языке в полчасовом объеме один раз в неделю. Однако эти передачи, как и существовавшее до создания TRT-6 30-минутное курдоязычное вещание, не пользуются никакой популярностью, поскольку транслируют уже устаревшие события и идут в неудобное для телезрителей время.

Черкесские организации, понимая, что Турция вряд ли в ближайшем будущем пожелает и сможет создать отдельный телеканал на черкесском языке, просят начать черкесоязычное вещание на TRT-6, который действует лишь на курдском языке. Они считают, что, поскольку телеканал TRT-6 называется «Языки» (турецкие власти, несмотря на 24-часовое курдоязычное вещание на канале, избегают слова «курд» в его названии), то на этом телеканале должны транслироваться не только курдоязычные программы.

Черкесы, в отличие от курдов, никогда не требовали от турецкого государства получения каких-либо национальных прав, считаясь одной из наиболее лояльных групп населения. Многие представители черкесской диаспоры традиционно занимают высокие посты в армии, других силовых структурах и на гражданской службе. Политика отуречивания привела к тому, что подавляющее большинство черкесской молодежи не владеет черкесским или абхазским языком, будучи в значительной степени ассимилированным. Однако, несмотря на то, что турецкие власти не сомневаются в лояльности черкесской диаспоры, в Турции все же существует опасение, что культурное возрождение турецких черкесов может быть использовано внешними силами против Турецкой Республики. Особенно опасаются турецкие власти в этом вопросе действий Евросоюза, зная его умелую работу с меньшинствами.

Кроме того, черкесы априори не могут представлять, в отличие от, например, курдов, никакой угрозы турецкому государству, поскольку не сконцентрированы на территории Турции, не имеют там исторической родины и могут претендовать лишь на роль влиятельной диаспоры. Основной упор черкесских организаций направлен на оказание поддержки адыгам, абхазам и черкесам на Северном и Западном Кавказе. Турецкие власти потенциально могут использовать черкесскую диаспору в Турции для усиления своего влияния в этом регионе.

Для Турции более опасным было бы возникновение в связи с начавшимися изменениями в этнокультурной политике страны национализма лазов. Этот южночерноморский народ, в этническом отношении близкий к грузинам (особенно близки лазы к субэтнической группе грузин – мегрелам), сильно тюркизирован и ассимилирован. В связи с этим лазы ранее не выдвигали ни политических требований, ни заявлений о культурной автономии.

Однако сразу же после начала вещания на курдском языке и обращения черкесских организаций к турецким властям об организации черкесоязычного вещания подобные призывы появились от лазов.

Примечательно, что в 2004 г., начав 30-минутное вещание на курдском (курманджи и заза), арабском, боснийском и черкесском языках, турецкие власти почему-то не создали

вещания на лазском языке. Тогда заместитель председателя происламской Партии счастья (Saadet Partisi) д-р Мехмет Бекароглу направил в телерадиокорпорацию Турции письмо, в котором утверждал, что его родным языком является лазский, и в связи с этим он требовал организации вещания и на лазском языке. Его поддержала и лазская общественность, однако TRT проигнорировал просьбы. Изучение лазского языка на частных курсах (наряду с курдским, черкесским и абхазским языками) также не было разрешено властями.

В начале 90-х годов различные курдские культурные организации, близкие к ПРК, пытались создать очаги лазского национализма. Курдские ассоциации оказали лазам помощь в создании ряда журналов (лазский язык фактически бесписьменный, хотя с использованием преимущественно латинской и грузинской графики существует ряд изданий) и организации культурных мероприятий, однако так и не смогли разбудить лазский национализм. Примечательно, что основатель наиболее известного грузинского журнала Турции *Çveneburi* («Чвенебури», печатается в основном на турецком языке, основан в 1979 г.) замечательный грузинский интеллектуал и культурный деятель в Турции Ахмет Озкан (Мелашвили) был убит в 1980 г. членами турецкой террористической правонационалистической организации «Серые волки».

В настоящее время существует ряд лазских организаций, которые поддерживают Грузию, в том числе по проблеме Абхазии, противостоя черкесским организациям.

* * *

Создание государственного курдоязычного телеканала является одним из знаменательных событий в истории Турецкой Республики. Подчеркнув крах одной из фундаментальных основ государственной идеологии турецкого государства – кемализма (полная ассимиляция нетурецких народов), создание TRT-6 имеет важное значение с точки зрения развития медийных, политических и этнических процессов.

Его медийный вес заключается в еще большей актуализации проблемы курдоязычного (особенно курманджидиалектного) телевидения. Создание TRT-6 направлено на разрушение монополии телеканалов ПРК, подогревает конкуренцию между курдскими телеканалами, дав толчок новому витку качественного развития курдского телевидения.

Однако медийные аспекты деятельности TRT-6 тесно переплетены с политическими и этническими.

Актуализировав разлом в курдской среде по линии ПРК – не ПРК, TRT-6 стал не только свидетельством краха государственной турецкой идеологии по отношению к курдам, но также рассматривается в качестве залога дальнейших изменений, которые, по мнению курдов, должны привести к трансформации унитарной Турецкой Республики в фактически двунациональное государство. Безусловно, этот процесс займет долгое время. Однако его осуществление будет двигаться по линии утверждения курдского языка. Вслед за созданием TRT-6 было объявлено об открытии кафедр курдского языка и литературы в Анкаре и Стамбуле. Вскоре должны последовать подобные действия в университетах на территории Турецкого Курдистана. Именно этого более всего опасаются турецкие власти, заявляя о создании кафедр не в Диярбакыре, а в Анкаре. После подготовки специалистов по курдскому языку и литературе станет возможным создание специализированных институтов курдоведения, а также изучение курдского языка в школах и университетах. А завершить процесс лингвистических преобразований курды планируют переводом образования и делопроизводства в Курдистане на курдский язык, что будет означать формирование двунационального государства.

При этом создание двунационального государства совершенно необязательно должно привести в будущем к созданию отдельного независимого государства. Большая часть курдов понимает пагубность отделения Северного Курдистана от Турции, поскольку это приведет к деевропеизации северокурдистанского пространства, полностью отбросит курдский регион на Ближний Восток (в Южном Курдистане ситуация несколько иная).

Вместе с тем действия турецких властей могут привести и к «пробуждению» других этносов в стране.

Сегодня борьба за Курдистан, являющийся одной из важнейших проблем в регионе Большого Ближнего Востока, включающий в себя комплекс различных вопросов международно-политического, экономического, геостратегического, культурно-исторического и межэтнического характера, в значительной мере ведется «на небесах» – посредством электронных СМИ, в первую очередь телевидения.

Наряду с изменениями на курдском направлении Турция начинает сталкиваться с процессом возрождения в стране других этносов, что ставит власти в сложное положение. Открыв TRT-6 в результате многолетней борьбы (в том числе вооруженной) курдов, турецкие власти оказываются вынужденными реагировать на призывы других народов о необходимости распространения и на них плодов «демократизации».

¹ Следует отметить, что вряд ли по TRT-6 будут показывать турецкие фильмы и сериалы, которые пропитаны антикурдскими настроениями. (О таких фильмах см.: *Lokman Polat: Di rêzefilmên tirkan de dijaminahiya kurdan*. // <http://www.rizgari.com/modules.php?name=Content&pa=showpage&pid=1201>, 25.07.2008 (курд. яз.).

² Следует отметить, что некоторые курдские интеллектуалы выступают категорически против соранидиалектного вещания на TRT-6, считая, что это вызовет лишь путаницу и отток зрительской аудитории среди курдов Турции, поскольку среди них сорани не распространён. Так, известный курдский писатель Рохат Алаком считает, что курды должны отказаться от романтической мечты создания единого языка (особенно в условиях, как нередко говорят курманджидиалектные курды, «соранского шовинизма» в Южном Курдистане), а курманджидиалектным курдам следует развивать именно свой диалект.

³ Руководитель YOK (Управление высшего образования Турции) профессор Юсуф Зия Озджан, объявляя о планировании создания отделений курдской филологии и литературы, не смог удержаться от традиционного турецкого антикурдизма, заявив: «Однако мы не знаем, существует курдская литература или нет?». Как известно, турецкие «учёные» на протяжении нескольких десятилетий утверждали, что курды являются «горными турками», позабывшими свой родной язык, что курдского языка не существует и т.п.

⁴ Как отмечал член YOK и руководитель комиссии по образованию YOK профессор д-р Халис Айхан, это решение турецких властей является запоздалым и, естественно, оно должно было предшествовать открытию TRT-6. «В XXI веке, чтобы в стране на улицах звучала курдская речь, а в университетах не изучался курдский язык – это большой позор». (*Kî bixwaze dikare li Üniversîteyan Kurdî fêr bibe*. // www.netkurd.com, 05.01.2009 (курд. яз.).)

⁵ О проблемах изучения национальных языков в Российской Федерации см., например: Бегимбетова И., Хамраев В. У Минтимера Шаймиева меняется тон. // *Коммерсантъ*, № 210, 19.11.2008

Руководство Татарстана выступило резко против подписанного в декабре 2007 г. президентом В.В. Путиным закона, устанавливающего новые федеральные стандарты. Стандарты, введенные в 1992 году, состояли из трёх компонентов: федерального (устанавливаемого федеральными органами власти), национально-регионального (в рамках которого изучаются национальный язык и литература, история и культура своего народа; устанавливался органами власти региона) и местного (определяли конкретные школы). Закон, вступающий в действие с 1 сентября 2009 года, предусматривает лишь один компонент: федеральный.

Федеральные власти считали, что «компонентный принцип использовался для достижения самостоятельных политических целей», а школы иногда «используются как институт этнической мобилизации молодежи». (См. также: Амладов И., Хамраев В. Татары и башкиры нашли общий язык. // *Коммерсантъ*, № 233, 22.12.2008.)

⁶ Об этом см. также далее.

⁷ См. статью *Kakşar Oremar'a*. //

<http://www.rojaciwan.com/koseyazisi-1771.html>, 05.01.2009 (курд. яз.).

⁸ Турецкие власти отделяют боснийский язык от сербохорватского.

⁹ Так, спустя две недели после начала вещания TRT-6 Управление населения Диярбакыра отказало курдам, желавшим назвать своего ребёнка именем “*Welat*”, поскольку это имя содержит букву “*W*” (“*W*” *hîn jî li Tirkîyê qedexe ye lê di TRT-6 de serbest e!* [Буква “*W*” в Турции всё ещё запрещена, хотя на TRT-6 разрешена.] //

http://www.avestakurd.net/news_detail.php?id=3688,

14.01.2009 (курд. яз.)).

¹⁰ Следует отметить, что «Месопотамию» и ММС, которые вещают на одной и той же частоте, практически можно считать одним телеканалом. В своё время создание двух этих телеканалов диктовалось необходимостью наличия у ПРК «запасных телеканалов» на случай закрытия.

¹¹ По состоянию на начало 2009 года насчитывалось 16 спутниковых курдских телеканалов: Roj TV, Kurdistan TV, Kurdsat TV, Zagros TV, Gelî Kurdistan, Mezopotamya TV, Tîşk TV, ASOsat (Kurd TV), Kurd 1 TV, Newroz TV, Newroz, KNN TV, Peyam TV, Rojhilat TV, Komela TV, KOREK TV.

Первым курдским спутниковым телеканалом был начавший вещание из Европы MED TV, а первым курдским спутниковым телеканалом, действующим на территории Курдистана, стал Kurdistan TV (май 1999 года).

Кроме того, действуют другие (не спутниковые) курдоязычные телеканалы: Seher TV (Иран, 2 часа в день), Vîn TV, Spêde TV, а также TRT-6.

¹² Синан Ильхан, уроженец провинции Урфа, получил высшее образование по специальности «арабский язык и литература», около 20 лет проработал на дипломатической службе (в Саудовской Аравии, Израиле, ОАЭ), в разведке. Владеет 5 языками. Кроме родного курдского (он сам называет курдский язык родным), владеет турецким (не зная его до 7 лет, до поступления в школу), арабским, персидским, английским и ивритом. Как отмечает в одном из интервью С. Ильхан, запрет на курдский язык он прочувствовал на себе еще в 60-х годах, вспоминая унижения курдов со стороны турецкой полиции и жандармерии и слушая, как и многие другие курды, нелегально курдскую музыку.

Примечательно, что, отвечая на вопрос, «разрешено ли Вам называть своих детей курдскими именами», С.Ильхан отвечал: «Нет, это не разрешено. Даже сегодня мы [курды] не имеем права называть своих детей курдскими именами... Турция всегда калечилась бессмысленными и бесполезными запретами». (См. обширное интервью с Синаном Ильханом: *Nuriye Akman. TRT Şeş, bir hatadan geri dönüşün ve devletin özgüveninin göstergesidir. // Zaman, 05.01.2009.*)

¹³ Примечательно, что в связи с запретом на использование слова «Курдистан», песни, содержащие это слово, при использовании на TRT-6 коверкаются, и «Курдистан» изменяется на более нейтральные термины. Так, в известной песне “Sebra Malan” в исполнении Шывана Первера используется слово «Курдистан», однако Рожин вместо него использовала слово “*Welat*” (курд. «Родина»). (См.: *Kakşar Oremar’a. //*

<http://www.rojaciwan.com/koseyazisi-1771.html> (курд. яз.).)

¹⁴ См.: *Salih İnce. Reformên Kurdî li Bakur.*

Proje ya burjuva liberal Tûrkîye – Kurdistan (Başûr) “Benelux” a Rojhilata Navîn. (Салих Индже. Курдские реформы на Севере [Курдистана]. Буржуазно-либеральный проект Турция – [Южный] Курдистан – «Бенилюкс» Среднего Востока.) // www.netkurd.com, 09.01.2009 (курд. яз.).

¹⁵ См., например, заметку одного из лидеров т.н. Национального конгресса Курдистана, созданного Партией рабочих Курдистана: *Ahmet Dere*. TRT Cehş. (Ахмет Дере. Предательское TV.) // *Azadiya Welat*, 05.01.2009. (курд. яз.)

¹⁶ Игра слов: если в названии “TRT şeş” (TRT-шесть) изменить букву “е” на “а”, то получится «Неправильное TV» (TRT şaş).

См., например, статью в газете ПРК: *Xebat Şakir*. Zenûbiya TV û TRT 6. // *Azadiya Welat*, 03.01.2009. (курд. яз.)

¹⁷ *ŞEŞ Tirt*. // http://www.welat.com/nivis.aspx?n_id=1372 (*Azadiya Welat*).

См. также, например: *Cilo Oremar*. TRT 6 belgeya fermî ya Îxanetê ye. (Джило Орамар. TRT-6 – официальная предательская структура.) // <http://www.rojaciwan.com/koseyazisi-1778.html>, 10.01.2009 (курд. яз.).

¹⁸ И многие другие организации. Вокруг ПРК созданы без преувеличения тысячи организаций. См., например, отношение к TRT-6 одной из многочисленных организаций, близких к ПРК – «Инициатива «мирные матери»: *Jî bo ziman çalakiya dayikan*. // http://www.welat.com/nuce.aspx?n_id=6345&cure=jîn (*Azadiya Welat*) (курд. яз.).

¹⁹ См., например, заявления сопредседателя ПДО Эмине Айна: *Kenan Kirkaya*. “Kanala Kurdî razemeniya hilbijartinê ye”. // *Azadiya Welat*, 05.01.2009 (курд. яз.).

Подобной же позиции придерживался и один из лидеров ПДО, мэр Большого Диярбакыра Осман Байдемир, заявивший, что те, кто обманывал курдов, используя религию (ислам), сегодня делают это посредством TRT-6. (*Osman Baydemirî got Tirkîye dê navê Kurdistanê jî qebûl bike*. // www.nefel.com, 07.01.2009 (курд. яз.).

В газете, издаваемой ПРК, целью TRT-6 объявлялось «белое (изошрённое), культурное убийство» курдов. (*ŞEŞ Tirt*. // http://www.welat.com/nivis.aspx?n_id=1372).

²⁰ Имеется в виду созданный в 1975 г. иракскими властями телеканал «Таамим» (арабское название Киркука). На этом телеканале, в частности, в день применения химического оружия в Халабдже шли передачи курдской музыки. Кроме того, ПРК обращает внимание на открытие в Иране «предательского телеканала», который в 80-х годах во время войны с Ираком вещал ежедневно 4 часа, а впоследствии его время было уменьшено до 2 часов. (*Ahmet Dere*. TRT Cehş. // *Azadiya Welat*, 05.01.2009 (курд. яз.).)

²¹ «Игрой» властей называло TRT-6 и руководство ПКК. См., например, заявление Мурата Карайылана: *"TRT" a Kurdî projeyek sexte ye*. // *Azadiya Welat*, 26.12.2008 (курд. яз.).

²² *Taraf*, 04.01.2009.

²³ *Axavtina Baydemîrî bû sebebê lêpîrsînê*. // www.netkurd.com, 08.01.2009 (курд. яз.).

²⁴ Цит. по статье известного турецкого журналиста Ченгиза Чандара, озаглавленной в связи с началом вещания TRT-6 по-курдски: *Cengiz Çandar. TRT-Şeş Tu Bi Xîr Hatî. Kurmancî Tu Bi Xîr Hatî*. (курд. TRT-шесть, добро пожаловать. Курманджи, добро пожаловать. (Текст по-курдски, как и в других турецких газетах, написан с грамматическими ошибками. – Н.М.)). // *Radikal*, 02.01.2009.

²⁵ *Mûrad Ciwan. TRT Şeş çi ye, ne çi ye? (2)*. // www.netkurd.com, 14.01.2009 (курд. яз.).

²⁶ Как заявлял ведущий программы *"Weşanxane"* (курд. «Издательство») на TRT-6, посвященной выходящим курдским книгам, проблемам издательств, специализирующихся на выпуске курдской литературы (первая на курдоязычном телевидении подобная передача), Айхан Так, если TRT-6 изменит свою редакционную политику (будет цензура), он уйдёт с телеканала (*Ger TRT6 jî çarçoveya heyî dîrbikeve em ê dev jê berdin*. // www.pukmedia.com, 14.01.2009 (курд. яз.)).

²⁷ *Salih Bozan. TRT-6 serkeftina Kurdan e (TRT-6 является победой курдов)* //

http://www.avestakurd.net/author_article_detail.php?article_id=432, 07.01.2009 (курд. яз.).

Îbrahîm Guçlu. TRT 6: Îflasa îdeolojiya dewletê. (Ибрагим Гючлю. TRT-6: Крах государственной идеологии [Турции]. //

www.netlurd.com, 05.01.2009 (курд. яз.).

²⁸ См., например, заявление представителя ДПК по внешним сношениям Сафина Дизейи: *Sefîn Dizeyî: TRT-Şeş gaveka pozîtîv e û li Tîrkiyeyê guhortinên baş çêdibin*. (Сафин Дизейи: TRT-6 является позитивным шагом и в Турции происходят благоприятные изменения). // www.nefel.com, 17.01.2009 (курд. яз.).

²⁹ *Selçuk Gültaşlı. European Union welcomes Kurdish channel cautiously*. // *Today's Zaman*, 07.01.2009.

³⁰ ПКК утверждала, что Муса Антер был убит турецкими спецслужбами. Считается, что убийства Мусы Антера (16 сентября 1992 г.) и другого известного курдского общественного деятеля Ведата Айдына (тогда глава Дыярбакырского отделения прокурдской партии

НЕР, 5 июля 1991 г.) в начале 90-х годов сильно увеличили поддержку ПРК курдами. Примечательно, что в последнее время появились сообщения, в которых утверждается, за их убийством стоит ПРК, связанная с турецкими спецслужбами в рамках организации «Эргенекон». Имеется в виду спецслужба JITEM (Jandarma İstihbarat ve Terörle Mücadele, Разведка и контртерроризм Жандармерии), осуществлявшая в 90-х годах террор в Курдистане. Официально JITEM в рамках Жандармерии Турции не существует, хотя её существование подтверждали самые высокопоставленные лица, вплоть до бывших премьер-министров Бюлента Эджевита и Месута Йылмаза. Считается основной структурой т.н. «глубокого государства». В 2008–2009 гг. появились сведения, что JITEM является военным крылом «Эргенекона» – подпольной националистической организации.

³¹ *"Ataturkçıyan" li dijî Erdogan lêpirsîna TRT-6 xwastin.* («Ататюркисты» требуют возбуждения уголовного дела против Эрдогана по вопросу TRT-6.) //

http://www.avestakurd.net/news_detail.php?id=3648, 11.01.2009 (курд. яз.). Emrulla Bayrak. Atatürkist Thought Association decries Kurdish-language TV. // *Today's Zaman*, 13.01.2009.

³² *Weşana Kurdî cesaret da Çerkezan!* // www.rizgari.com, 06.01.2009 (курд. яз.).

ТЕРРОРИСТЫ-СМЕРТНИКИ В ДВИЖЕНИИ ДЖИХАДА

Теракты с использованием террористов-смертников (СИС) – явление не новое. С ним сталкивались различные европейские и мусульманские страны в прошлом. Атаки смертников стали наиболее опасным *modus operandi* современного терроризма. Людей, которые приводят на себе в действие взрывной механизм, называют еще «умными (живыми) бомбами», вместе с тем смертники – это средство доставки взрывного механизма к цели. Это средство может мыслить, выбирать подходящий момент для нанесения удара с максимальным количеством жертв и разрушений¹. Во многих странах осознают, что необходимы новые методы для предотвращения этих видов терактов, т.к. в последнее время все чаще звучат призывы радикальных исламистов для усиления поражающего эффекта использовать отравляющие химические вещества. Смертниками могут стать представители различных социальных групп. Акции смертников стали проводиться в регионах, где до недавнего времени это было нехарактерной практикой борьбы: в Алжире, Афганистане, Пакистане. Соотношение затрат и поражающего эффекта от этих акций говорит о том, что использование смертников будет продолжаться, т.к. всемирный исламизм старается опираться на рациональные, не требующие высоких затрат методы ведения борьбы.

Среди специалистов-психологов существуют различные подходы к исследованию процесса создания так называемых живых бомб. Профессор А. Мерари из Университета Тель-Авива провел исследование террористов-смертников. Он пишет, что их нельзя подвести под единый демографический или психологический профиль. Он утверждает, что не из каждого человека можно сделать смертника. Задача рекрутеров состоит в том, чтобы обнаружить тех, кто склонен к самопожертвованию, а затем усилить эту склонность. При этом могут

быть использованы религиозные, патриотические мотивы. Мерари считает, что смертник – это почти всегда последнее звено в длинной организационной цепочке. Когда принято решение о проведении теракта, требуется совершить несколько операций: выбрать цель, собрать информацию, найти кандидата на теракт, обеспечить его физическую и «духовную» подготовку, создать взрывное устройство². Профессор Мерари пишет, что хотя изучение феномена террористов-смертников может стать увлекательным академическим занятием, тем не менее бороться со смертниками легче, чем понять их *modus operandi*³. Как правило, смертники – это не фанатики, а инструмент в руках лидеров группировок для получения ощутимой пользы.

Датский исследователь М. Таарнби из Университета Аархуса считает, что в подготовке террориста-смертника религиозные предписания, политические заявления, социальные условия находятся на втором месте. Он делит смертников на две категории. Первая – это идеалисты, которые похожи на тех, в отношении кого у общества сложился термин «фанатики». Смертники второй категории мотивированы персонально. Это два противоположных типа террористов⁴. Второй в отличие от первого является искусственно созданной конструкцией. Однако использование религии усиливает воздействие на сознание смертников обоих типов.

Другой западный исследователь, В. Лакор, пишет, что «нет единой мозаики, куда можно было бы отнести смертников. Их действия и психотип зависят от социокультурных условий». Профессор Я. Росс из университета Балтимора, напротив, придерживается мнения, что тип террориста-смертника формируется группой социальных и психологических факторов. Социальные условия включают политический и экономический уровень развития общества, историко-культурные условия, степень недовольства и обид граждан, вектор направленности обид, эффективность контртеррористических мероприятий спецслужб⁵. Я. Росс считает, что модернизация, демократия и социальные проблемы создают структурные условия, способствующие терроризму. Он полагает, что города создают и накапливают серьезный потенциал социальных проблем, здесь доступны оружие и взрывчатые вещества. Эти структурные факторы взаимодействуют с психологическими факторами предрасположенности от-

дельных лиц к совершению акций самопожертвования, все это провоцирует терроризм. Я. Росс выделяет несколько факторов, способствующих экстремизму: боязнь остаться невостребованным, сильное эго, депрессия, чувство вины, агрессия – кризис общества, рост числа тех, чья личность пострадала. В обществе происходит рост ненависти к определенным лицам или символам. Я. Росс уверен: кризис в обществе при взаимодействии со структурными факторами способствует росту уровня насилия. Он пишет, что степень проведения терактов смертников выше там, где в обществе более развиты ассоциативные стремления: склонность людей объединяться в группы, которым легче повлиять на человека и укрепить его желание совершить теракт; более того, человек соотносит себя с ценностями, преобладающими в данной группе⁶. Профессора Б. Хоровиц и Л. Веллс из университета Вирджинии считают, что «социальная база, из которой опытным вербовщикам лучше всего набирать смертников, – круг друзей семьи. Также легче получать в ряды смертников того, кто стремится отомстить своим обидчикам в лице властей, оккупантов»⁷.

Палестинский психолог д-р Ахмад Наджем Мухи ад-Дин опубликовал в лондонской газете «Аш-Шарк аль-Авсат»⁸ статью, темой которой стало явление терактов-самоубийств. Подобные акции приобрели большую популярность среди мусульманской молодежи, это одно из наиболее опасных социальных и психологических явлений. После всестороннего анализа подобных акций, их причин и психологических факторов, занимающих главное место в существовании этого явления, психолог пришел к выводу, что молодых людей, осуществляющих теракты-самоубийства, можно разделить на две категории: к первой принадлежат молодые люди, которые открыто заявляют о своем намерении совершить самопожертвование для достижения политических целей или во имя мести. Автор называет их группой «людей, готовых к смерти». Ко второй группе он относит людей, находящихся в травматическом состоянии, в котором они постоянно желают смерти. Он их так и называет: «ищущие смерть». Это желание смерти и некоторые другие политические и социальные обстоятельства превращают их в дешевое оружие в руках других людей, политических группировок или движений, использующих это желание больных людей в своих целях.

Д-р Мухаммад Хафез, исследующий феномен смертников, в книге «Создание живых бомб» пишет о трех факторах, способствующих распространению этого явления. Во-первых, историко-культурная традиция (рассказы, народные песни, легенды), восхваляющая проведение таких акций; во-вторых, одобрение терактов смертников со стороны властей или авторитетных религиозных деятелей; в-третьих, когда группа или сообщество видит непреодолимую угрозу и огромное количество жертв в результате агрессии внешнего врага. Например, лидер движения ХАМАС Х. Машаль в недавнем интервью поблагодарил авторитетного исламского теоретика Ю. Кардави за его позицию относительно акций смертников. «Поддержка, которую мы получили от человека такого уровня, как Кардави, больше, чем от кого-либо другого. Наши братья в Палестине вынуждены проводить такие операции... Дайте им самолеты, танки, ракеты, тогда бы не понадобились смертники. Причина их только в этом. Они вынуждены превращать себя в "живые бомбы"».

Исследования показали, что понять феномен террористов-смертников только на основе социально-психологических факторов невозможно. Большинство ведущих специалистов в этой области сходятся во мнении, что в процессе радикализации определяющими являются прежде всего дружеские и родственные связи, групповая динамика. Примером может служить социально-психологический портрет участников терактов в Лондоне в 2005 г. Хан и Танвир выросли в вестернизированных семьях и не проявляли особого интереса к исламу. Л. Дюмо, недавно арестованный во Франции исламист, стал радикалом под влиянием своего харизматичного приятеля. Под впечатлением от гибели товарища члены дворовой футбольной команды в палестинском квартале стали смертниками и совершили семь терактов.

Эксперты отмечают, что растет число смертников среди коренных европейцев, которые формируют нижний эшелон воинов джихада. По мнению известного французского исследователя ислама О. Руа, «для «Аль-Каиды» новообращенные мусульмане – не просто инструмент для запутывания спецслужб, это способ стать глобальным движением. За последние восемь лет практически в каждой ячейке «Аль-Каиды» присутствовали так называемые новообращенные мусульмане. Это структурная особенность, а не случайность». Например,

Г. Линдсэй, один из участников теракта в Лондоне в 2005 г., был именно из этой категории мусульман с Ямайки⁹.

Аресты причастных к подготовке теракта в Лондоне и аэропорту Глазго показали рост радикальных настроений среди всех секторов британского мусульманского сообщества. До недавнего времени арабская община считалась преуспевающей и интегрированной по сравнению с бангладешцами, пакистанцами, сомалийцами. Раньше террористические операции в Великобритании проводились бангладешцами и пакистанцами, арабы при этом занимали лидирующие позиции в радикальных группировках. Например, сириец Омар Бакри, известный идеолог основал отделения «Хизб ут-Тахрир» и «Аль-Мухаджирун». Последняя пользовалась наибольшей популярностью среди этнических пакистанцев, бангладешцев и чернокожих британцев (Асиф Ханиф, пакистанского происхождения, смертник, совершивший теракт в Тель-Авиве в 2003 г., был членом «Аль-Мухаджирун»). Следует также упомянуть Абу Хамзу аль-Масри, «арабского афганца», проповедовавшего радикальные идеи в мечети в Финсбери-парке. Известным его последователем был Ричард Рейд, арестованный при попытке совершить теракт в пассажирском самолете в 2003 г. Мухаммад аль-Массари, саудовский радикальный идеолог, скрывался на территории Великобритании от спецслужб КСА¹⁰. Известным его сторонником является Мухаммад Сухайл, пакистанского происхождения, основатель группировки «Фонд всемирного джихада», занимающейся вербовкой молодых людей для участия в войне в Ираке, Афганистане и Кашмире¹¹.

Отличие неудавшихся терактов в Лондоне и Глазго в июне 2007 г. заключается в том, что они осуществлялись без технической помощи со стороны членов группировок, связанных с «Аль-Каидой». Это начало нового этапа в проведении терактов, вдохновителем которого является теоретик современного джихада Абу Мусаб ас-Сури. В своей книге «Призыв к всемирному исламскому сопротивлению» он инструктирует мусульман, как создавать ячейки, «которые должны быть связаны ничем иным, кроме как идеологически, они должны быть автономны в принятии решения о проведении акции». Новый этап террористической активности, по мнению этого радикального идеолога, должен проходить под лозунгом: «Низам! Ля Танзим» («Система! Не организация»)¹².

Психологи Б. Салих и К. Берреби провели исследование среди палестинских смертников. Они выяснили, что большинство из них имеют образование и только 15% происходят из бедных семей (хотя 1/3 населения живет за чертой бедности). Что касается саудовских смертников, то их образовательный уровень еще выше, среди них часто встречаются лица с высшим образованием и даже ученой степенью, многие происходят из влиятельных и известных семей¹³. Стало очевидно, что смертники не проходят через ту же систему рекрутирования, что и обычные муджахеды. «Живые бомбы» также называют «бродячими добровольцами», которые ранее не имели никакого отношения к террористической деятельности.

Юсуф аль-Аири, бывший лидер «Аль-Каиды» в Саудовской Аравии, телохранитель бен Ладена, призывает к распространению «военной культуры» среди молодежи с целью заполнения вакуума, созданного врагами ислама (имеются в виду уничтожения или аресты многих видных идеологов и активистов радикальных исламистских группировок). Он говорит, что «мусульмане сегодня любят этот мир, ненавидят смерть, отказываются от джихада, Аллах сделал так, что неверные покорили мусульман, унижали ислам, это наказание за то, что мусульмане отказались от джихада»¹⁴.

Член «Аль-Каиды» в Саудовской Аравии Иса бен Саид аль-Ошан несколько лет был инструктором в летнем молодежном лагере. В июле 2004 г. в радикальном исламистском журнале «Савт уль-Джихад» было опубликовано «открытое письмо к молодежи»: «Разве вы не понимаете, что враги, которые убивают ваших братьев в Ираке, Афганистане, Палестине, чувствуют себя в безопасности в Саудовской Аравии. Сегодня джихад следует вести, не спрашивая разрешения родителей и заимодателей, т.к. «сегодня в Багдаде, а завтра в Эр-Рияде».

Известный исследователь радикального исламизма Дж. Стерн пишет, что в настоящее время процесс вербовки смертников основывается на формальном принятии в организацию и так называемом психологическом контракте между сторонами. Постепенно человек вводится в такое состояние, в котором он не чувствует ничего двусмысленного и неопределенного, он испытывает психологический комфорт¹⁵. Египетский социолог Худа Закарийя считает, что человек перенастраивается на новый лад, новая группа заменяет ему семью, старых друзей, то общество, которое ранее окружало его, под-

рываются устоявшиеся принципы, нарушаются привычный порядок вещей, мировосприятие. Ценности новой группы внедряются в сознание с помощью «священных принципов», которые не подвергаются никакому сомнению¹⁶. Самое опасное – подавление личности и самоосмысления, групповые интересы начинают доминировать над личными. Человека подводят к точке, откуда уже нет возврата. Перед тем как совершить теракт, смертник составляет послание. Группа восхваляет его, сопровождая лозунгами, песнями о джихаде, призывами к продолжению подобных акций. Смертник объясняет причины, побудившие его к проведению акции террора, в которой он знает, что погибнет. Смертник пишет письмо своим близким, друзьям¹⁷. «Это и есть та черта, перейдя которую смертник не может повернуть обратно, чтобы не потерять уважение своих друзей. Теперь у него одна дорога»¹⁸.

Группа выражает личную преданность «Аль-Каиде», принадлежность к «вселенскому движению джихада» и желание пожертвовать собой. Свое обращение группа записывает на видео, которое служит доказательством существования организации, твердости ее намерений. Затем видеобращение распространяется по информационным каналам. Таким образом, группа работает на опережение, чтобы избежать каких-либо попыток со стороны властей страны преуменьшить или исказить пропагандистский или информационный эффект этих акций, масштабность вселенской борьбы против неверия¹⁹. Videобращение также призвано служить средством пропаганды, создавая новые поколения воинов джихада. В процессе подготовки будущих смертников эти обращения будут активно использоваться. Таким образом, заверение в преданности общим идеологическим целям и готовности к самопожертвованию является своего рода «психологическим контрактом», основанным на принципе товарищества и едином эмоциональном фоне участников радикальной группы, с одной стороны, и вселенского движения джихада, – с другой.

Исследователь радикального исламизма Роберт Пэйп в книге «Умереть, чтобы победить» на основе статистических данных пишет, что атаки смертников из «Аль-Каиды» в 12 раз более смертоносны, чем любые иные военные операции. Поэтому от них радикальному исламизму трудно отказаться. Автор утверждает, что 3% всех мировых терактов – это взрывы «живых бомб», однако именно на них приходится 48% жертв.

По различным оценкам, так называемый пояс смертника стоит не более 150 долларов. Чтобы противостоять хорошо вооруженным коалиционным силам, требуются опытные бойцы, подготовка которых стоит на несколько порядков больше. Р. Пэйп пишет, что большинство подобных терактов, произошедших за последние двадцать лет, призваны были принудить правительства стран вывести свои войска с территории какого-либо государства. Теракты с участием смертников будут оставаться важным элементом стратегии радикального исламизма, однако в тех или иных регионах они будут иметь свою специфику.

Современные технологии манипуляции сознанием способны разрушить в человеке знание, полученное благодаря реальному историческому опыту, заменить его искусственно сконструированным «режиссером» знанием. Искусственно сформированная картина исторической действительности передается отдельным индивидам с помощью книг, лекций, радио и телевидения, прессы, театральных представлений, кинофильмов и т.д. Таким образом, строится иллюзорный мир, который воспринимается как настоящий. В результате всю окружающую действительность человек может воспринимать как неприятный сон, а ту идеологию, которую ему внушает пропаганда, вводя его в транс, воспринимает как реальность. В воображении зрителя генерируется иллюзорная картина мира в идеализированном виде. В соответствии с авторским замыслом кино может произвольно создавать у зрителя ощущение «справедливости» и моральной правоты тех или иных персонажей, независимо от их действительной роли в истории.

При этом пропагандистское влияние на человека происходит скрыто, на эмоциональном уровне, вне его сознательного контроля. Никакие рациональные контраргументы в этом случае не срабатывают. В зависимости от контингента методы работы исламистских проповедников носят избирательный характер. В контактах с лицами, имеющими или получающими высшее образование, которые, в принципе, способны к критической оценке радикальной проповеди, применялся метод «Муджадала» (диспут)²⁰. При этом собравшиеся свободно высказывают свое мнение. Находящиеся среди них опытные «муджахеды» объясняют преимущества догм «чистого ислама». Слушателя постепенно подводят к тому, чтобы он самостоятельно пришел к пониманию преимуществ радикальных методов борьбы против неверных. Демонстрируются видео-

фильмы о подвигах «муджахедов» с кадрами, которые фиксируют убитых неверных, разбитую вражескую технику. Это сопровождается бравурными арабскими песнями про джихад. Фильмы сняты в различных горячих точках мира с помощью новейшего оборудования. Во время психологической обработки учитывается специфика аудитории. Пропагандисты исходят из того, что одна и та же вещь имеет много сторон. Истинная вера некоторыми своими сторонами чрезвычайно притягательна для людей, даже если они не имеют к ней никакого отношения. И если подать ее именно этими сторонами, то они воспримут все ее части и аспекты.

Брат известного террориста З. Муссауи, приговоренный в США к пожизненному тюремному заключению, так описывает процесс психологической обработки: «Однажды человек полностью меняет свое поведение... Наряду с преподаванием навыков обращения с оружием, муджахед проходит физическую подготовку. Интенсивность физических нагрузок постоянно увеличивается, задания по тактике проведения операций становятся сложнее. При этом по мере увеличения нагрузок инструкторы уменьшают рацион питания. Постепенно молодого человека целенаправленно доводят до психического и физического истощения. Нагрузки продолжают увеличиваться. Начинается следующий этап. Теперь на молодого человека начинают давить психологически, ему постоянно внушают мысль о том, что «от него ожидали большего». Молодой человек испытывает чувство вины и замешательства. Инструкторы специально говорят будущему муджахеду, что все те, кто проходил подготовку до него, отлично справлялись со всеми заданиями и нагрузками, и теперь они ведут войну против врагов ислама, «продолжают великое дело джихада», а он – самый отстающий и подводит всех, именно такие, как он, являются причиной всех неудач исламской «уммы». Автор пишет, что чаще всего все это заканчивается печально, в результате подобной психологической обработки некоторые молодые люди «готовы на все, чтобы оправдать возлагавшиеся на них надежды...»²¹

Известный исследователь современного радикального исламизма, в прошлом сотрудник ЦРУ М. Сейджман пишет о современных методах вербовки смертников: 1) рекрутеры в различных странах выявляют потенциальных смертников; 2) проводится анкетирование молодого человека, изучается, насколько он готов к совершению теракта-самоубийства; 3) начинается

подготовка смертника (основная задача – создать у него ощущение принадлежности к «братьям по оружию», идеям вселенской борьбы против врагов ислама); 4) в процессе обучения, в зависимости от интеллекта, того или иного «шахида» направляют на определенную цель; 5) делается видеозапись смертника, где он выражает готовность провести акцию самопожертвования и личную преданность бен Ладену; 6) инструктор сопровождает смертника до места предполагаемого совершения теракта.

По мнению М. Сейджмана, для понимания процесса подготовки смертника также следует исходить из понимания групповой динамики и индивидуальной психологии. Маленькая группа создает определенный тип поведения. Большинство групп по численности не превышают восьми человек и довольно однородны по составу (возрасту, происхождению, образованию, социальному статусу, даже вкусовым предпочтениям)²².

Вместе с тем ситуация заключается в том, что террорист полностью осознает, что если он не погибает, планируемая атака не будет совершена. Он не может выполнить свою миссию и остаться при этом в живых.

При этом радикальным организациям очень выгодно использовать смертников по ряду причин.

1. Исполнитель способен контролировать время и место атаки для причинения максимального ущерба.

2. Как правило, акция смертника привлекает повышенное внимание СМИ, что позволяет той или иной группировке заявить о себе.

3. Современный терроризм – это прежде всего психологическая борьба, и смертники усиливают психологический эффект этих акций. СМИ создают у каждого гражданина ощущение уязвимости и незащищенности перед опасностью, которая подстерегает их практически повсеместно. Ведь пояс смертника может привести в действие с виду вполне успешный, респектабельный человек, который несколько минут назад вам улыбался.

4. Атака смертника технологически, как правило, примитивна. Компоненты, необходимые для взрывного устройства, дешевые и легкодоступные.

5. Спецслужбам очень сложно сорвать атаку смертника. Опасность начинает исходить от смертника тогда, когда он уже в пути к цели. Даже если удастся его вычислить, он мо-

жет взорвать себя, не достигнув объекта, но среди людей. Поэтому предотвратить жертвы можно только на стадии подготовки теракта.

6. Во время планирования террористических акций большое значение отводится путям отхода. В случае со смертниками этого не требуется.

7. В силу того, что смертник гибнет во время теракта, сводится к минимуму риск того, что он будет задержан спецслужбами и во время допроса выдаст ценную информацию о членах группировки.

8. Так как акция смертника привлекает повышенное внимание международной общественности – заставляет громадную аудиторию задуматься по поводу тех причин, которые вынудили его взорвать себя, – «его акция – это итог тех унижений и зверств, которым подвергся исполнитель».

В настоящее время теракты с использованием смертников (СИС) стали одним из главных методов борьбы исламистов в различных странах. Радикальный теоретик Абу Бакр Наджи в книге «Управление варварством» пишет, что США – это страна материализма, и в этом ее слабость. Поэтому он предлагает сосредоточить усилия прежде всего на борьбе против экономических интересов стран Запада. Он считает необходимым наносить удары (дословно: «пускать кровь до банкротства») до тех пор, пока западные страны не смогут справиться с экономическим бременем от военных кампаний. В рамках этой долгосрочной стратегии Наджи предлагает проводить теракты против стран, которые в союзе с США участвуют в оккупации мусульманских земель, принуждая их выводить свои войска. Тем самым США придется отправлять больше своих военных, а значит, нагрузка на их экономику становится сильнее. Этой цели можно достичь путем проведения терактов на территории стран-союзников (Мадрид, 2004; Лондон, 2005) либо похищения граждан этих государств (инцидент с южнокорейскими заложниками в Афганистане). Акции смертников, по мнению радикальных идеологов, должны получать мощную медиаподдержку, чтобы возложить ответственность за многочисленные жертвы среди мирного населения Запада на правительства государств, поддерживающих США в их всемирной борьбе с терроризмом.

Прежний руководитель ХАМАСа Абд аль-Азиз ар-Рантиси заявлял, «враги Аллаха и нашего народа любят жизнь, в то время

как мусульмане желают принести себя в жертву. Акции смертников вселяют ужас в сердца врагов, который является одной из причин поражения... Подобные акции служат самым коротким путем в рай».

Однако между теоретиками исламизма есть некоторые разночтения относительно тех, кого считать «шахидами». Так, известные идеологи радикального исламизма Абд аль-Азиз Бен Салих аль-Джарбоу и Юсуф Бен Салих аль-Аири призывают к проведению акций смертников в интересах исламской уммы. Первый заявляет, что «убийство души» (суицид) разрешено, если это происходит в интересах ислама. Известный радикальный исламский теоретик шейх Джарбоу в 1998 г. опубликовал книгу «Избранные отрывки по самоуничтожению во избежание утечки секретов», в которой заявляет, что самоубийство разрешено, если существует вероятность ареста. Он ссылается на бывшего муфтия Саудовской Аравии шейха Мухаммада бен Ибрагима Ааля, который во время войны за независимость в Алжире (1954–1962) издал фетву, где мусульманам разрешалось совершать самоубийство, чтобы не попасть в руки спецслужб, т.к. под воздействием пыток муджахед мог выдать важную информацию и тем самым навредить другим воинам джихада. В то же время шейх Ааль выступал против убийства мусульманами своих единомышленников.

Таким образом, теоретики не только призывают совершать акции СИС, но и разрешают самоубийство для предупреждения утечки секретов спецслужб. Так, известный саудовский мусульманский богослов шейх Мухаммад Усаймин по поводу совершения акций самопожертвований говорит, что «тот, кто надевает на себя взрывчатку, а затем направляется к неверным и взрывает себя среди них, не является павшим за веру (шахидом) – это обыкновенное самоубийство, и такой человек после смерти попадает в огонь ада и остается там навсегда. Даже если этот человек убивает себя вместе с десятками или сотнями людей, от этого нет никакой пользы исламу; людей, принявших ислам, от этого больше не станет. Наоборот, враги веры становятся более решительными, это рождает ненависть и злобу в сердцах врагов ислама, а среди мусульман приводит к смуте». Шейх Усаймин также не считает шахидами палестинцев, взрывающих себя среди израильтян, т.к. это не приносит пользы ни исламу, ни мусульманам. Единственное, что может спасти такого человека от мук ада, если он, приводя в действие взрывной меха-

низм, основывался на неверных интерпретациях Корана и сунны и ложных «тафсирах» (толкованиях). Салафитский богослов шейх аль-Албани по поводу свершения подобных акций придерживается аналогичной позиции. «С точки зрения «даава» (в данном случае пропаганды ислама) подобные операции бесперспективны и никогда не приведут к желаемому результату». «Скажите молодежи: берегите свои жизни, правильно понимайте ее». Он считает, что молодежь совершает акции самопожертвования из-за ложного понимания ислама²³.

Айман аз-Завахири, призывая к нанесению максимального ущерба Западу, в своем труде «Рыцари под знаменем пророка» пишет, что операции с использованием смертников являются самыми эффективными методами причинения максимального вреда неверным и не требуют больших затрат и потерь²⁴. «Те, кто проводит акции самопожертвования, не безнадешные и нищие, это лучшие из наших людей, они образованные и успешные».

Известный исламский идеолог Ю. Кардави считает, что атаки смертников в Палестине следует считать законными, т.к. они применяются в оборонительных целях против израильтян, захвативших территорию мусульман. Более того, этот теолог говорит, что можно уничтожать и мирных граждан Израиля, т.к. они являются резервистами. Он называет палестинских смертников именно «шахидами», а не самоубийцами. В то же время Кардави осуждает участников терактов 11 сентября. По его мнению, теракты следует проводить не на территории США, а против их военнослужащих, оккупировавших земли мусульман, а следовательно, участников акции 11 сентября нельзя считать «шахидами».

В различных странах практика применения «живых бомб» неодинакова. Относительно Афганистана стоит заметить, что его жители издавна известны как стойкие и отважные воины. Проведение акций СИС чуждо их менталитету. Во время войны против советских войск не было отмечено случаев использования террористов-смертников. Первая атака смертника была проведена в 1992 г., когда египтянин по заказу Г. Хекматъяра в Кунаре взорвал себя вместе с Мавлади Джамилем Рахманом, возглавлявшим группировку «Джамаа ад-Даава ва-ль-Куран ва-с-Сунна»²⁵. 9 сентября 2001 г. в результате атаки смертников погиб лидер Северного альянса А. Масуд. По некоторым данным, заказчиком этого теракта был бен Ладен.

В первые пять лет правления Х. Карзая исламисты в Афганистане редко использовали смертников. Однако с конца 2005 г. теракты с использованием смертников (СИС) стали применяться исламистами все чаще. Присутствие коалиционных сил затрудняет исламистам ведение открытых боевых действий. Поэтому талибам приходится приспосабливаться к новой ситуации и использовать новые методы. Главный редактор «Кабул Викли» Фахим Дашти считает, что волна терактов СИС свидетельствует об изменении тактики талибов. «Умные бомбы» призваны сеять хаос, талибы стремятся настроить народ против присутствия американцев, вызвать против них ненависть еще большую, чем к устроителям терактов.

Известный афганский политолог Мухтар Пидран говорит, что талибы ищут рычаги для распространения религиозного влияния на народ, который отвергает их идеологию. Большинство афганцев неграмотно, у них часто скудные знания о том, что такое джихад и самопожертвование. Таким образом, по мнению Пидрана, их «легко обмануть и втянуть в эту фабрику смерти». При этом, используя «живые бомбы», та или иная группировка талибов получает возможность заявить о себе на международном уровне. По мнению этого афганского политолога, такая тактика в Афганистане дает талибам и другим группировкам возможность идентифицировать себя с международным исламистским движением²⁶.

Напомню, что 80% потерь в Ираке американцы несут от безоболочных взрывных устройств. Однако в Афганистане, по мнению военных, ситуация несколько иная. В прошлом году в 43% случаев (26 из 57 взрывов) погибал только смертник. За последние два года 90 смертников погибли, не причинив вреда кому-либо другому. Таким образом, число смертников, погибших в результате терактов, здесь на несколько порядков ниже, чем в Ираке. Представители коалиционных сил даже стали называть афганских смертников «любителями». Объяснением этому может служить особая тактика, которой придерживаются талибы. Они стараются ориентировать смертников на атаки военных объектов, патрулей, подразделений афганской армии²⁷. В то же время в Ираке обычной практикой стало использование «живых бомб» целенаправленно против мирных жителей. Безусловно, и в Афганистане в результате таких акций также гибнут мирные жители. Однако здесь СИС не всегда совершают коренные афганцы. В большинстве случаев «жи-

выми бомбами» становились арабы или пакистанцы. Талибы стараются избежать массовых жертв в подконтрольных им районах и, соответственно, негативной реакции местных жителей. Например, после теракта в пуштунском городе Спин Болдак люди вышли на улицы с лозунгами: «Смерть «Аль-Каиде», смерть Пакистану, смерть талибам».

Известно, что лидер движения «Талибан» с настороженностью относится к практике применения «живых бомб»²⁸. Представитель талибов Забиулла Муджахед недавно даже заявил: «Мы стараемся избежать жертв среди мирных жителей при совершении терактов, это наши мусульмане-соотечественники, мы проливаем кровь, чтобы принести им свободу. И конечно, их жизни дороги нам». Забиулла также отметил, что исламисты сталкиваются с нехваткой исполнителей акций смертников, способных выбрать нужную цель. Исламские радикалы вербуют молодых людей в низших слоях афганского общества, часто не способных даже отличить афганские силы безопасности от коалиционных сил, военное транспортное средство от гражданского. Тем не менее этим «материалом» манипулируют, чтобы молодежь взрывала себя в качестве «ракеты муллы Омара»²⁹.

Полковник британского контингента в Афганистане М. Гриффитс заявил: «Нет сомнения, и сейчас есть прямые доказательства того, что практика применения смертников пришла из Ирака. Некоторые из этих вещей мы уже видели в Багдаде, и теперь это начинается здесь»³⁰.

Генерал полиции Кабула Али Шах Пактиаваль в отношении смертников говорит, что в своем большинстве это молодые люди из Пакистана. Они психологически обрабатываются в медресе, религиозных учебных заведениях в течение двух-трех месяцев, а затем их отправляют сюда. «Я бы смог многих из них остановить, если бы у меня было больше денег. В 90-х годах мы знали, где наши друзья и враги... сейчас мы не представляем, кто хочет убить вас, – говорят рядовые жители Кабула о последствиях атак смертников».

В течение 2006 г. в Афганистане было совершено 139 акций смертников. Следует отметить, что с октября 2001 г. по январь 2007 г. в Афганистане погибли 520 иностранных солдат – 356 американцев, 46 британцев, 44 канадца, 19 испанцев, 18 немцев. При этом только 17 из них погибли в результате терактов смертников в 2006 г., 153 – в результате боев. Жертвами

смертников среди мирных граждан и афганских сил безопасно-сти в 2006 г. стали 170 человек.

На начальном этапе вторжения американских войск в Афганистан лидеры движения «Талибан» не уделяли внимания медиаподдержке своих акций. К концу 2002 г. они активизировали усилия на этом направлении, стали распространять кассеты, книги, листовки и т.д. с призывами к джихаду против оккупантов. В настоящее время информационная поддержка вышла на другой уровень. Помимо печатных изданий в качестве рычага пропаганды стали активно использоваться электронные средства информации. «Талибан» создал свою собственную медиаорганизацию «Амат» по образцу «Ас-Сахаб», подконтрольной «Аль-Каиде». Интервью лидеров талибов, отчеты о военных операциях, репортажи об акциях смертников отличаются высоким качеством и распространяются по различным информационным агентствам. Репортажи транслируются чуть ли не в режиме реального времени.

По сообщениям афганской полиции, жители Кабула неоднократно находили брошенные «пояса смертников» тех, кто в последний момент отказался привести в действие взрывной механизм. Отмечаются также случаи, когда террорист приближался к полиции или американским военным, затем откреплял от себя взрывное устройство и бросал его в военных в расчете на то, что механизм сам сработает в нужный момент. Отмечаются случаи, когда террористы совершают акцию под воздействием лекарственных и наркотических веществ³¹. Не свойственный афганскому менталитету подобный характер борьбы не вызывает удивления, почему среди «живых бомб» нередко встречаются инвалиды, для которых это единственная возможность прокормить свои семьи. За большинством терактов стоит чисто финансовая мотивация, причем смертники не подготовлены психологически в должной мере и часто стараются остаться в живых. Для них это единственный способ заработать. Например, в 2005 г. в Кабуле исполнитель зашел в интернет-кафе. Вместо того чтобы произвести взрыв в людном месте, он вышел в умывальную комнату, снял с себя пояс и при помощи другого взрывного устройства взорвал первое. В результате жертвами стали два человека. Исполнитель остался жив. Как правило, на рынках у талибов есть точки, где можно купить взрывчатые вещества. Транспортные средства, как правило, приобретаются в провинции, т.к. там цена ниже, нежели в афганской столице.

Жители приграничных провинций Хост, Пактия, Пактика в интервью рассказывают, что талибы набирают в ряды смертников детей. При этом родители узнают, что их сын погиб, только когда талибы приносят им сумму денег за проведенный теракт. Влиятельный лидер одного из кланов в провинции Хост узнал, что его сына забрали с собой талибы для совершения теракта, и пригрозил исламистам, что в случае его невозвращения атакует их позиции вместе со своими многочисленными сторонниками. Ребенок был возвращен, но это исключение, а не правило.

Президент Афганистана Х. Карзай, касаясь проблемы роста терактов с использованием «живых бомб», заявил, что сегодня в стране сложилась ситуация, когда молодого человека отправляют в школу за знаниями, а там из него делают смертника³². Большинство таких медресе расположено вдоль пакистанской границы – в Северо-Западной приграничной области. Например, талибы пришли в школу в г. Танке и стали набирать ребят под предлогом священной обязанности участия каждого мусульманина в джихаде. По отзывам очевидцев, талибы прибыли с определенной целью – забрать с собой как можно больше молодых людей. Они заявили, что джихад должны вести все, и тот, кто от него отречется, будет наказан. Таким образом, силой или обманом талибы увели с собой до 30 человек. Возраст ребят был от 11 до 15 лет³³. При этом родителям не было ничего сообщено о судьбе детей. В последующем в военнотренировочных лагерях они проходили психологическую обработку и практику вождения автомобиля. Один из оставшихся в живых ребят затем рассказывал, что тем, кто находился в лагере, постоянно говорили, чтобы они сражались против Израиля, Америки и немусульман. По его словам, курсанты живут в тяжелых условиях, «нам не нравилось жить там, мы только читали о джихаде и хотели уехать в медресе в г. Муридке, т.к. там лучше условия...»

Влиятельный лидер талибов в Вазиристане мулла Назир недавно призвал своих сторонников прекратить вербовку детей. В одной афганской деревне талибы прикрепили пояс смертника шестилетнему мальчику и сказали, чтобы он нажал на кнопку, когда приблизится к американцам, и «тогда вылетит много цветов». Поравнявшись с американским патрулем, ребенок попросил о помощи³⁴.

Эти факты объясняют, почему более половины терактов «живых бомб» заканчиваются только гибелью исполнителя.

Несмотря на то, что ведение боевых действий с использованием смертников чуждо менталитету афганцев, тем не менее это стало неотъемлемым элементом борьбы против правительственных войск и сил коалиции, чаще всего исполнители этого вида терактов являются иностранцами.

Школы по подготовке смертников в Пакистане еще называются «фабриками ненависти», а их выпускники «детьми бен Ладена», «гуляющими мертвецами». Руководитель по проведению военных операций талибов Мулла Додалла, убитый весной 2008 г., часто выступал перед студентами медресе и призывал их участвовать в джихаде против оккупантов.

В Ираке исламисты продолжают «совершенствовать» тактику проведения терактов СИС. Здесь даже отмечались случаи использования хлора. Специалисты склонны полагать, что это последствия многочисленных публикаций во Всемирной сети, призывающих к усилению поражающего эффекта за счет химических, биологических веществ. Так, 28 января 2007 г. в Рамади от отравления хлором погибли 16 человек.

В Ираке в качестве пропаганды радикальные исламисты стараются обратиться к потенциальным смертникам внутри и за пределами Ирака. Абу Дуджана аль-Ансари, руководитель «Бригады аль-Бара бин Малика» (эскадроны смертников в составе «Аль-Каиды»), говорит, что бригада смертников следует приказу бен Ладена терроризировать врага для того, чтобы деморализовать его солдат. Что касается акций против иракских сил безопасности, то они рассматриваются радикалами в качестве придатка оккупационных сил в Ираке. «США использовали бойцов Северного альянса в Афганистане против талибов, это же они делают в Ираке, полагаются на шиитскую милицию и сформированные иракские силы безопасности. Поэтому нанесение ударов по этим союзникам оккупационных сил то же самое, что удары по самим коалиционным силам»³⁵.

В Ираке в процессе вербовки смертников особенно актуальна тема унижения. Широко известны кадры из тюрьмы Абу Грейб. Совершающие теракты-самоубийства руководствуются зачастую внутренними мотивами – ответить обидчику, даже если это убьет его самого. Они чувствуют, что должны сделать это иррационально, без учета последствий, цель выбирается архаично. Такие операции смертников представляют собой своего рода возмездие. Человек не может жить с унижением внутри себя – не отомстив, он никогда не обретет душевный покой.

Радикальные исламистские группировки стараются опровергнуть мнение о том, что смертниками становятся представители маргинальных социальных групп. Существует журнал, издаваемый «Аль-Каидой», где приводятся подробные биографии смертников, в которых рассказывается о том, как многие мусульмане распродают свое имущество, чтобы отправиться и провести акцию, взорвав себя в автомобиле, продают земельный участок, оставляют бизнес и т.д. Например, Абу Осама аль-Магриби из Танжера, владелец ресторана с доходом 3 тысячи долларов в месяц, в течение шести лет у него не было детей. Появление на свет первенца, успех в делах не остановили его – он отправился в одну из арабских стран и из мечети в мечеть стал искать кого-нибудь, чтобы его взяли с собой в Ирак³⁶. В конце концов, он присоединился к группе марокканцев. Эта история очень напоминает историю Абу Вада аль-Квейти (Мансура аль-Хаджари), Абу Хамзы аль-Квейти, саудовца Абу Анас аль-Кахтани, которые оставили благополучную жизнь и отправились в Ирак, где взорвали себя.

В журнале часто рассказывается о снах будущих смертников, где одни, например, видят реку, которая течет в пещеру, над которой написано: «В рай». Они плывут по ней, затем видят прекрасных дев и своих друзей, погибших ранее, подорвавших себя, которые зовут их за собой. После этого тот решил повторить то, что сделал его друг, и т.д. Далее приводится интервью одного из смертников, который опровергает то, что молодые люди становятся смертниками в результате депрессии и бедности: «Я понимаю, что означает операция самопожертвования. Я студент из состоятельной семьи. У меня нет проблем с психикой и т.д. Я мог закончить обучение и стать врачом»³⁷.

Акции смертников в Алжире не являются характерной тактикой вооруженных исламских группировок. В этой стране имеет место традиция партизанской войны, но не атак смертников. Происходит изменение характера борьбы. В пользу того, что это иракское влияние, говорит тот факт, что только в текущем году 150 алжирцев были обнаружены в Сирии и выдворены обратно на родину. По сообщениям сирийских спецслужб, они собирались пересечь иракскую границу.

Мусульманскую молодежь пакистанского происхождения, проживающую в европейских странах, проходящую обучение в учебных заведениях на исторической родине, можно разде-

лить на две категории: во-первых, те, кого родители отправили на историческую родину, чтобы оградить от западной культуры и образа жизни; во-вторых, те, кто желает углубить свои знания по исламской религии. Часть студентов еще до поступления в учебные заведения придерживается крайне радикальных взглядов. Другие становятся радикалами в процессе обучения. В Пакистане около 20% из 11221 религиозного учебного заведения контролируются радикальными исламистскими группировками, в которых помимо религиозных дисциплин преподается военное дело. Существуют специальные центры, где обучают изготовлению взрывчатых веществ, но эти центры находятся не при мечетях³⁸.

Известный лидер «Аль-Каиды» Абу аль-Хади аль-Ираки, который, по данным спецслужб, планировал теракт с использованием террористов-смертников 7 июля в Лондоне (арестован американскими спецслужбами), заявил, что исполнители этих терактов из Великобритании первоначально собирались отправиться воевать в Афганистан или Ирак, однако в Пакистане инструкторы «Аль-Каиды» решили, что им лучше совершить теракт у себя на родине. Было принято в расчет то, что у них британские паспорта, они знают язык и страну. После этого в Пакистане (территории племен) было принято решение об отправке их в специальные лагеря.

* * *

Сегодня инициатива перешла к молодому поколению исламистов. В связи с ослаблением организационной структуры новое поколение руководствуется общими задачами «всемирного джихада», современные структуры в высшей степени автономны, руководствуются общими принципами и идеологическими установками во вселенской борьбе против общего врага. Одно из важных требований в исламистских группировках: члены ячейки не должны знать о существовании других групп, не должны обладать большей информацией, чем им необходимо для выполнения операции³⁹.

Значительным фактором в трансформации методов вербовки и идеологической подготовки явилась война в Ираке. Еще никогда «дальний враг» (США) не был так близко, как там. Ирак стал главной темой для дискуссий в мусульманской молодежной среде. Вторжение в Ирак воспринималось как предлог для осуществления замыслов Запада по овладению при-

родными ресурсами. Антиамериканские проповеди в мечетях вызвали широкий резонанс как в мусульманских странах, так и в Европе. Наиболее активно исламисты-радикалы действуют в Великобритании, Германии, Испании, Италии и Нидерландах. В марте 2003 г. власти Германии арестовали 6 человек, которые посещали мечеть «Ан-Нур» в Берлине. Несмотря на то, что мечеть расположена в районе, населенном преимущественно турками, «Ан-Нур» не пользуется популярностью у турецких иммигрантов. Известная своими радикальными проповедями, «Ан-Нур» часто посещается выходцами из арабских стран. Арестованным было предъявлено обвинение в том, что они занимались вербовкой молодых студентов для совершения акций самопожертвования. Ихсан Гарнауи, 32-летний тунисец, пять лет провел в Афганистане и имел связи с бен Ладеном. При обыске у него были обнаружены взрывчатые и токсичные вещества, видеоматериалы с изображением некоторых районов Германии с воздуха, паспорта, оружие⁴⁰.

Организации «Ансар аль-Ислам» и «Аль-Каида» объединили усилия для вербовки добровольцев для войны в Ираке⁴¹. Аз-Заркауи искал добровольцев на Ближнем Востоке для проведения терактов в Европе. Ячейки «Ансар аль-Ислам» в Италии отправляли смертников в Турцию, Сирию для последующей переправки в Ирак⁴². Есть предположение, что совершившие теракты у отеля «Ар-Рашид», миссии ООН в Багдаде в октябре 2003 г. были смертниками европейского происхождения, завербованными муллой Фуадом из Сирии, который подчинялся аз-Заркауи⁴³. В мае 2004 г. итальянские спецслужбы арестовали алжирца Маамари Рашида, нескольких тунисцев – все они входили в группировку «Ансар аль-Ислам». Из перехваченных телефонных разговоров стало ясно, что подготовленные 40 человек для переправки в Ирак были готовы совершить акции самопожертвования⁴⁴. Теракты в Касабланке в мае 2003 г., в Мадриде, Лондоне показывают, что их исполнители не проходили обучение в Афганистане, были «доморощенными» исламистами-радикалами, занимались подготовкой в свободное время. Инструкции по производству взрывчатых веществ террористы получали в Интернете⁴⁵.

Исламистские интернет-форумы играют важную роль в пропаганде радикализма. На одном из форумов рассказывается о последних минутах жизни смертника, а затем размещен номер телефона его родителей, чтобы из разных стран их по-

здравили после совершенного их сыном теракта. В мае 2007 г. ведущий известного радикального форума по прозвищу «Муджахед 1988» обратился к многочисленным посетителям со словами: «Прощайте. Я люблю вас всех. Молитесь все за меня, чтобы я стал шахидом». Через некоторое время на форуме были размещены подробности гибели «Муджахеда 1988». Безусловно, обращение популярного ведущего одного из форумов находит отклик в молодежной среде и обладает пропагандистским эффектом.

Акции смертников, по мнению радикалов от ислама, призваны сеять ужас и провоцировать общественное мнение, чтобы заставить правительство того или иного государства изменить свою политику по определенной проблеме. После взрывов в октябре 2002 г. на Бали бен Ладен в своем обращении выступил с угрозами в адрес австралийского правительства, которое поддерживает политику США. После терактов в Мадриде в марте 2004 г. бен Ладен обвинил испанские власти в том, что они поддерживают США и отправляют свои войска в Ирак. Эти террористические акты призывают граждан европейских государств заставить правительства выводить свои войска, в обмен на это они получают «худну» – временное прекращение боевых действий⁴⁶. По инициативе бен Ладена была создана компания «Ас-Сахаб», производящая профессиональные видеоклипы, продвигающие «культуру джихада»⁴⁷. Эти клипы передаются предпочтительно западным СМИ, активно используются интернет-каналы. Эксперт в области терроризма М. Рэнсторп говорит, что террористические сети мутируют и адаптируются с большой скоростью⁴⁸.

«"Живые бомбы" – это в настоящее время единственный способ заставить трепетать Запад, это то оружие сдерживания, перед которым Запад уязвим, "живые бомбы" могут взрываться в определенном месте и в назначенное время», – так радикальный теоретик Яхья Фиргал заканчивает свою статью «Раскрытие сущности акций террора с использованием самоубийств»⁴⁹. Необходимо добавить, что теракты с использованием смертников обладают мощным разрушительным эффектом, при том что подготовка смертника не требует больших затрат и необходимости создавать специально оборудованные военные базы. Поэтому прививанию культуры смерти радикалы от ислама уделяют особое внимание. Акции смертников, как показали последние события, приво-

дят к смещению правительств, они способны вызвать потрясения на финансовых рынках, парализовать транспортные системы. Увеличился «неструктурированный рост» желающих вступать в радикальные исламистские организации, «виртуальные университеты джихада» дают координаторам неисчерпаемые ресурсы для проведения террористических операций. Различные способы манипуляции сознанием позволяют террористам использовать интеллект хорошо образованных молодых людей и направлять их на самые сложные объекты для нанесения максимального ущерба. Опасным является и то, что «архитекторам» «всемирного воинства джихада» удастся путем рекомендаций, памфлетов, книг, через Интернет формировать единую стратегическую линию для совершения акций террора в различных регионах мира (Египет, Ирак, Европа, Нигерия, Афганистан, Саудовская Аравия и т.д.). В свою очередь, руководствуясь общей идеологической линией, нижние звенья, исходя из обстановки, принимают решения о нанесении удара по тому или иному объекту. При этом чаще всего они не получают прямого приказа о совершении теракта.

¹ Robert Pape. *Dying to Win: The Strategic Logic of Suicide Terrorism*. New York: Random House, 2005, с. 57.

² Atran S. Mishandling Suicide Terrorism // *The Washington Quarterly*. Spring, 2004, с. 69.

³ Atran S. Individual Factors in Suicide Terrorism // *Science*, 17.05.2006, с. 47–49.

⁴ Taarnby M. Profiling Islamic Suicide Terrorists: A Research Report for the Danish Ministry of Justice // *Danish Institute for International Studies*, 17.05.2006.

⁵ Bell R. The Making of a Martyr // *Crime Library*, 17.05.2006. no date. <http://www.crimelibrary.com>

⁶ Pedahzur A. *Root Causes of Suicide Terrorism: The Globalization of Martyrdom*. New York: Routledge, 2006, с. 13–24.

⁷ Hoffman B. Gordon McCormick. *Terrorism, Signaling, and Suicide Attack* // *Studies in Conflict and Terrorism*. 2004, Vol. 27, № 4, с. 243–244.

⁸ «Аш-Шарк аль-Аусат» (Лондон), 16.01.2003.

⁹ Atran S. The Moral Logic and Growth of Suicide Terrorism // *The Washington Quarterly*. Spring, 2006, Vol. 29, № 2, с. 127–147.

- ¹⁰ John Horgan. The Psychology of Terrorism. London: Routledge, 2005, с. 48.
- ¹¹ Ami Pedahzur. Root Causes of Suicide Terrorism: The Globalization of Martyrdom. New York: Routledge, 2006, с. 1–13.
- ¹² Абу Мусаб ас-Сури. Даават аль-Мукавама аль-Исламийя аль-Аламийя. <http://www.alhesbah.org/v/showthread?t=123463>, с. 198.
- ¹³ Rao A., Bock M. and Bollig M. eds. The Practice of War. The Production, Reproduction and Communication of Armed Violence. Oxford/New York: Berghahn, 2007. С. 133–158.
- ¹⁴ The Al-Battar Training Camp: The First Issue of Al-Qa'ida's Online Military Magazine, № 637, 01.06.2004.
- ¹⁵ Jessica Stern, Terror in the Name of God: Why Religious Militants Kill. New York: Harper-Collins, 2003, с. 282.
- ¹⁶ Programmed Terrorists? Analysis of the letter of instructions found in the September 11th attack Reuven Paz.
- ¹⁷ Fathali M. Moghaddam. The Staircase to Terrorism: A Psychological Exploration // American Psychologist. February-March 2005, Vol. 60, № 2, с. 161–169.
- ¹⁸ 60 Minutes, "Mind of the Suicide Bomber" // CBS News, May 25, 2003.
- ¹⁹ Thompson J. and Bunderson J. Violations of Principle: Ideological Currency in Psychological Contract // Academy of Management Review. 2003, 28, № 4, с. 571–86.
- ²⁰ Christian Mission and Islamic Da'wah. London: The Islamic Foundation, 1982, с. 31.
- ²¹ Moussaoui A.S. Zacarias Moussaoui. The making of a terrorist. London, 2003, Serpents Tail.
- ²² Luis Miguel Ariza. Virtual Jihad: The Internet as the Ideal Terrorism Recruiting Tool // Scientific American, January 2006.
- ²³ Shaykh al-Albaanee on suicide bombings Al-fataawa al-muhimma fee tab-seer il-ummah, с. 76, Shaykh Ibn Uthaimeen, The suicide bomber is not a martyr and is in hellfire (Keifa nualij waaqiunaa al-aleem), с. 120, www.salafigpublications.com
- ²⁴ Al-Zawahiri, Knights Under the Prophet's Banner, serialized in Al-Sharq Al-Awsat (London), December 2–10, 2001, trans. Foreign Broadcast Information Service, FBIS-NES-2001-1202.
- ²⁵ Wessells M. Child soldiers, peace and education, and post-conflict reconstruction for peace // Theory into Practice. 2005, Vol. 44, № 4, с. 365.
- ²⁶ Imtiaz Ali. The Father of the Taliban: An Interview with Maulana Sami ul-Haq // Terrorism Monitor. 2007, Vol. 4, Issue 2, May 23, с. 2.

²⁷ Brian Glyn Williams and Cathy Young. KCheney Attack Reveals Taliban Suicide Bombing Patterns // *Terrorism Monitor*. 2007, Vol. 5, № 4 (1 March), c. 4–6.

²⁸ *Tarzan O.* Taliban Shift Tactics in Afghanistan // *Terrorism Monitor*. April 18, 2006. Vol. 3. Issue 15, c. 3.

²⁹ Taliban Commander Vows New Wave of Suicide Attacks // *British Channel Four News Release* 2, March 2007.

³⁰ Mohammad M. Hafez. Suicide Bombers in Iraq: The Strategy and Ideology of Martyrdom. USIP: Washington D.C. forthcoming, 2007.

³¹ В середине июня 2007 г. в г. Тарин Ковт в провинции Урузган смертник атаковал конвой датских военных, в результате чего погибли 10 мирных жителей, ранение получили трое военнослужащих из состава коалиционных сил. Затем сотни талибов атаковали соседний г. Чура. В ходе расследования инцидента выяснилось, что смертник был иностранцем. Его задачей было отвлечь несколько боевых подразделений и тем самым ослабить воинский контингент в районе главного удара. Другой задачей талибов было наказать жителей Тарин Ковта за сотрудничество с коалиционными силами. Более того, этот город является одним из ключевых на маршруте транспортировки наркотиков из Пакистана. Подобными акциями, по заявлению афганских полицейских, талибы вынуждают местных жителей воевать против проправительственных сил.

Смертники, устроившие взрывы в мечети Кандагара в 2005 г., в результате которых погибли 20 чел., в Спин Болдаке в 2006 г. – 26 убитых, были арабами. Один из видных активистов «Аль-Каиды» Абу аль-Либи был обвинен в организации взрыва в Баграме во время визита вице-президента США Д. Чейни, когда были убиты 22 человека.

В последние несколько месяцев в Афганистане были арестованы 9 «живых бомб» пакистанского происхождения. Губернатор Кандагара Ассаддула Хамид заявил, что располагает видеозаписью трех пакистанских «живых бомб», направленных в Афганистан из г. Карачи, которые получили «пояса» в Кветте. 6 февраля с.г. при попытке покушения на губернатора провинции Балх на севере Афганистана был задержан гражданин Мали К. Яйя. На нем было обнаружено взрывное устройство. По сообщениям «Армане Мелли», К. Яйя является специалистом по информационным технологиям, имеющим лицензию Министерства информации, культуры и туризма Афганистана. Стало известно, что он часто бывал в Пакистане, где был завербован и прошел психологическую подготовку. 13 июля афганская полиция арестовала Кари Хакима, руководителя одного из отрядов смертников. Он жил рядом с президентским дворцом в те-

чение трех месяцев. Во время обыска у него были обнаружены взрывчатые вещества, дистанционные взрывные устройства. Руководитель ячейки смертников, таджик из провинции Парван, работал в правительственных учреждениях Афганистана. По сообщениям высокопоставленного представителя афганских спецслужб Али Шаха Пактиавая, Хаким был организатором терактов СИС, у него в подчинении находились 13 человек, один из которых был арестован при попытке приведения в действие на себе взрывного устройства около Министерства по делам культуры и молодежи в центре Кабула. Глава полиции афганской столицы Аманулла Гузар заявил, что в Кабуле был арестован амир группы смертников по имени Адиль, который также являлся имамом мечети одного из районов на западе Кабула рядом со столичным университетом. Активистом группы был Саид Мухаммад Наби, студент факультета шариата, который вел пропагандистскую работу среди своих сокурсников.

³² Senlis K. Afghanistan, Countering the Insurgency in Afghanistan: Losing Friends and Making Enemies. London: MF Publishing, February 2007.

³³ Taliban Commander Vows New Wave of Suicide Attacks // British Channel Four News Release 2, March 2007.

³⁴ Raman B. The suicide armada in Afghanistan // International Terrorism Monitor, № 199, 01.03.2007.

³⁵ Press briefing with Brig. Gen. Kevin Bergner, spokesman, Multi-National Force – Iraq.

[http://www.nf-](http://www.nf-iraq.com/index.php?option=com_content&task=view&id=12908&Itemid)

[iraq.com/index.php?option=com_content&task=view&id=12908&Itemid](http://www.nf-iraq.com/index.php?option=com_content&task=view&id=12908&Itemid) July 18, 2007.

³⁶ <http://www.alhesbah.org/v/showthread?t=62829>

³⁷ ИГИ о последних лживых заявлениях коалиционных войск.

<http://www.alhesbah.org/v/showthread?t=14269>. July 23, 2008.

³⁸ Raman B. PAKISTANI MADRASAS: QUESTIONS & ANSWERS. 5 August 2005.

³⁹ Аль-Баттар, 2004, № 6.

⁴⁰ Leiken R.S. Bearers of Global Jihad? Immigration and National Security after 9/11, 2004, Washington D.

⁴¹ Williams D. Italy Targeted by Recruiters for Terrorists // Washington Post, 17.12.2003.

⁴² Mason B. Arrests signal new urgency.

<http://news.bbc.co.uk/1/world/europe/3247432.stm>, 2003.

⁴³ Barnett A. Terror cells regroup – and now their target is Europe // Guardian, 11.01.2004.

⁴⁴ D'Emilio F. Italian Authorities Break up Islamic Cell // Associated Press, 09.05.2004.

⁴⁵ Leiken R.S. Bearers of Global Jihad? Immigration and National Security after 9/11. Washington D.C., The Nixon Center, 2004.

⁴⁶ Osama Bin Laden Speech Offers Peace Treaty with Europe, Says Al-Qaida Will Persist in Fighting the U.S, at:

www.memri.org, № 695, April 15, 2004.

⁴⁷ Ahmed Zeidan, Bin Laden Unmasked: Meetings whose Publication were Prohibited by the Taliban. Beirut: The World Book Company, 2003, с. 15.

⁴⁸ Terrorists spread all over Europe // USA Today, 22.07.2002.

⁴⁹ Яхья Хашим Фиргал. Кашф ат-Тавийя фи-ль-Амалияти-ль-Истишхадийя. www.tawhed.ws, 2003.

ИСЛАМСКИЕ ЭКСТРЕМИСТЫ В УНИВЕРСИТЕТАХ ВЕЛИКОБРИТАНИИ

Сфера исламского образования оказала большое влияние на развитие и адаптацию мусульманских общин к жизни в Соединенном Королевстве. Необходимость создания мусульманских учреждений начального и среднего образования и их государственного финансирования, борьба за соответствующие условия для учеников-мусульман в государственных школах способствовали политизации исламского сообщества страны¹. Однако еще большую активность мусульмане развили в области высшего образования и нередко это было связано не столько с получением новых знаний, сколько с пропагандой исламистских и фундаменталистских идей.

Несмотря на возникающие время от времени трудности в виде препятствий со стороны родителей или дискриминационного отношения принимающего общества, все больше молодых мусульман Великобритании в настоящее время стремится получить хорошее образование. Убедительным подтверждением этого является постоянно увеличивающееся число ученых и исследователей из среды последователей пророка Мухаммеда, изучающих историю и современные проблемы британского общества и, в том числе, взаимоотношения государства с мусульманскими общинами.

В настоящее время в Великобритании существует лишь небольшое количество специализированных мусульманских высших учебных заведений, как, например, Институт высшего образования Маркфилда, занимающийся подготовкой имамов для мечетей страны, «специалистов по исламскому праву и вероучению, преподавателей и проповедников»². Ректором института является один из лидеров «Джамаат-и-Ислами» Хуршид Ахмад, с ВУЗом поддерживает контакты возможный наследник британского престола принц Чарльз. Члены исламских общин страны также могут поступать в немусульманские

колледжи и университеты на общих основаниях. К сожалению, повышенный спрос среди мусульман на высшее образование стал замечен не только в научных или общественных кругах, но и в среде исламо-экстремистов, которые, как, например, «Хизб ут-Тахрир» или «Аль Мухаджирун», сегодня используют британские университеты для вербовки новых активистов.

Свобода слова и демократическая толерантность, которыми и в настоящее время отличаются британские университеты, использовались против самого Соединенного Королевства как отдельными личностями, так и целыми группами начиная с 30-х годов. В 1930–1940-х годах в университетах вербовали своих сторонников коммунисты и фашисты. В 1960–1970-х годах это были революционные студенческие организации. В наше время речь идет прежде всего об исламистах, хотя активны также и ультраправые и левые радикалы. Учреждения высшего образования в Соединенном Королевстве всегда были тихой гаванью для врагов открытого общественного устройства западных стран.

Хорошо известно, что не только половина из лондонских террористов имела высшее образование, но также Омар Шариф и Азиф Ханиф, граждане Великобритании, взорвавшие в апреле 2003 г. популярное кафе в Тель-Авиве. А арестованный в 2006 г. по подозрению в попытке взорвать самолет Вахид Заман был президентом Исламского общества в Университете Лондон Метрополитан (London Metropolitan University)³. Захир Хан, друг Омара Шарифа, говорит, что тот впервые заинтересовался радикальным исламом во время учебы в Королевском колледже Лондона.

В интервью программе «Сегодня» телеканала Би-Би-Си представитель Института Льюкмана Бабер Сиддики, работающий с молодыми британскими мусульманами, говорил о том, что студенты находятся под серьезной угрозой со стороны радикальных исламистов: «Когда молодые мусульмане попадают в университет, они нередко ощущают неуверенность и ненадежность своего положения. Это обеспечивает социальную базу радикальным группам, которые начинают развивать персональные отношения. Они приглашают вас на лекции и семинары, а после этого даже могут прийти со своими крайними идеями к вам домой или в общины. А в некоторых случаях могут назначить персонального опекуна, который будет приглядывать за вами. Эти группы не обязательно пропагандируют насилие, но они ставят людей на край и создают таким обра-

зом социальный пул, восприимчивый для дальнейшей вербовки. Они имеют связи с исламистскими движениями по всему миру, осуществляющими свою деятельность в конфликтных зонах, а потому вовлечение завербованных ранее людей в акты насилия при необходимости происходит очень быстро»⁴.

Одной из причин, почему молодые мусульмане выбирают колледжи и университеты, является альтернатива традиционализму и консерватизму мечетей, которую первые во многих случаях предлагают. Такой выбор позволяет им открыть для себя более либеральный, «вестернизированный» образ жизни. В свою очередь, альтернативу такому образу жизни предлагает исламо-экстремизм со своим всеобъемлющим мировоззрением.

Исследование, проведенное в 2006 г. Центром внешней политики (Foreign Policy Centre), показало, что почти половина британских мусульман пакистанского происхождения получает высшее образование⁵. Британский ученый Тарик Модуд полагает, что для многих британских мусульман ислам служит источником стремления к образованию. В то же время новые этапы карьеры или обучения являются предметом переговоров с социально консервативными родителями, имеющими традиционные, зачастую сельские корни. Подобное положение вещей делает студентов-мусульман особенно уязвимыми для вербовки радикальными экстремистами в университетском городке. Именно поэтому, с точки зрения Модуда, мусульмане, не получающие высшего образования, с большей долей вероятности будут ассимилированы образом жизни коренного рабочего класса.

Четверо из пяти имамов в Великобритании либо прибыли в страну с Индийского субконтинента, либо имеют там родственников. Это обусловило тот факт, что в большинстве мечетей разделяются и пропагандируются ценности племенной системы барадери, представляющей собой своего рода неписанный кодекс социального поведения, согласно которому индивидуальные интересы подчиняются интересам сообщества. Неофициально управляемая старшими членами, власти которых нельзя бросить вызов и, соответственно, что-либо изменить, система фактически лишает молодежь гражданских прав.

Однако влияние этой системы никогда не проникало в университеты, и потому экстремизм, противопоставляющий свои ценности традиционным установкам общины, может там процветать. В начале 90-х годов по национальным университетам

Великобритании совершили тур иммигрировавшие в страну политические диссиденты арабского мира, включая Омара Бакри Мухаммеда, Фарида Касима и Мохаммеда аль-Масри. Не встречая в университетских стенах препятствий со стороны традиционных южноазиатских общин, они нашли желаемую аудиторию и достаточно быстро превратили представителей второго и третьего поколения британских мусульман в своих лояльных сторонников. Их идеология, несмотря на откровенную антизападную направленность, поощряла активное участие женщин в общественной и политической жизни, критиковала систему браков по соглашению и выступала против убийств чести. Не являясь до конца антизападной и не будучи в то же время полностью восточной, эта идеология предлагала альтернативную исламскую идентичность, отождествлявшуюся с идеализированной уммой, глобальным братством верующих.

На решения представителей мусульманского меньшинства присоединиться к исламистским группам влияют и другие факторы. В частности, присутствие в университетских городках активистов ультраправых организаций, таких как Британская Национальная партия (British National Party), стремящаяся заручиться поддержкой хорошо образованных людей. Подобные организации вызывают у представителей меньшинств чувство страха, что, в свою очередь, побуждает их присоединяться к исламистам и другим экстремистским группам, прежде всего чтобы таким образом защитить себя.

Проблему усугубляет еще и то, что многие университеты, будь то исторические центры вроде Кембриджа или Оксфорда или современные, преобразованные из политехнических колледжей высшие учебные заведения, оправдывают или скрывают присутствие в университетских городках радикальных студенческих группировок с тем, чтобы поддержать традицию свободы слова, не обращая внимания на то, осуществляют ли эти группы свою деятельность в соответствии с университетскими ценностями либеральной демократии, и не зная, является ли деятельность этих групп внутри страны соответствующей демократической практике и университетским сводам правил.

В британских университетах учатся не только граждане страны, но и студенты из-за рубежа. Как и для большинства туристов, наиболее привлекательным местом пребывания в Великобритании для них является Лондон, где находится более 25 университетов и сотни колледжей и школ. В конце 90-х го-

дов Соединенное Королевство оказалось под огнем критики со стороны некоторых союзников за готовность предоставлять убежище людям, которых в других странах считали подрывными элементами или террористами, а термин «Лондонистан» стал использоваться для характеристики Лондона как центра радикального исламизма. Британское правительство далеко не сразу обратило внимание на эту проблему и лишь в феврале 2002 г. функционирование 21 организации было запрещено на территории страны. 16 из них были мусульманскими⁶. За промедление в принятии подобных решений британским властям пришлось дорого заплатить. В частности, после взрывов в Лондоне один из членов правительства Франции сказал следующее: «Лондон платит за свои ошибки, за то, что позволил радикальным организациям от Саудовской Аравии до Пакистана учреждать в столице магазины, выпускать бюллетени и листовки, вербовать рекрутов и собирать деньги для финансирования своей деятельности»⁷. Французские власти заявили, что Лондон и Лейстер были основными вербовочными площадками не только в Соединенном Королевстве, но и во всей Европе.

Кульминацией этих процессов стало то, что бывший британский студент приобрел сомнительную славу первого в Соединенном Королевстве террориста-смертника, взорвав кафе в Израиле, в то же время по крайней мере один из участников подготовки нападения на США 11 сентября 2001 г. Закариас Массауи также проходил учебу в Великобритании.

В настоящее время известно более 20 мусульман, причастных к экстремистской деятельности, которые в то или иное время обучались в университетах и колледжах Соединенного Королевства. В данной статье мы кратко остановимся на деятельности некоторых из них.

В высших учебных заведениях обучались двое из лондонских террористов – Мохаммед Сидик Хан (лидер группы) и Шехзад Танвир. Сидик Хан не только был студентом университета Лидса, но также работал с детьми в качестве ассистента учителя в начальной школе Хилсайда в Лидсе с 2002 года. Таким образом, он имел отличную возможность в перспективе перенести идеи исламизма из университетской среды на почву начального образования. Шехзад Танвир был студентом отделения спортивных наук (sport science student) в университете Лидс Метрополитан, но бросил обучение, чтобы сконцентрироваться на религиозной деятельности. Хану, Танвиру и Хасибу Хусейну было

запрещено посещать мечети района Бистон города Лидса, несмотря на то, что они там выросли. Преподаватель университета Лидс Метрополитан и член Исламского центра Лидса Разак Радж полагает, что причиной этого мог стать радикальный фундаментализм, который проповедовали будущие террористы, тогда как мечети Лидса не поддерживали подобные идеологии. Радж также говорит, что имеет прочные связи с исламскими обществами в обоих университетах и никогда не слышал о какой-либо активности фундаменталистов на кампусах⁸.

В начале XXI в. все больше хорошо образованных мусульман вступает в ряды исламских радикалов и фундаменталистов. Со стороны они далеко не всегда могут показаться потенциальными террористами. К таким людям, вне всякого сомнения, относится Сааджид Бадат. Знакомые и близкие описывали его как «симпатичного, зрелого и сформировавшегося человека». Бадат учился в лучших школах и получил отличное образование. Тем не менее, когда в ноябре 2003 г. его арестовали, то в квартире нашли пластиковую взрывчатку и специально подготовленную под нее обувь. Все это предназначалось для того, чтобы подорвать авиалайнер, следующий рейсом из Амстердама в Соединенные Штаты⁹. До того, как ему предложили место в Городском университете Лондона (City University of London), Бадат учился в средней школе Глостера, окончив ее с отличными оценками по **физике, химии, биологии** (курсив авт.) и общим наукам. Представители служб безопасности полагают, что он встал на путь радикализации, приехав в Лондон и начав посещать мечеть в Финсбери-парк, с которой были связаны и другие экстремисты, учившиеся в британских университетах¹⁰. В 1998 г. Бадат прерывает обучение и отправляется в путешествие, в рамках которого посещает Индию, Саудовскую Аравию, Пакистан и Афганистан, находившийся в то время под контролем талибов. Результатом этой поездки стало участие в вышеупомянутом заговоре, хотя Бадат и не решился реализовать задуманное. Через некоторое время он поступил на пятилетний курс в Колледж Исламского знания и руководства (College of Islamic Knowledge and Guidance) в Блэкберне, но после двух лет покинул его.

Возможно, одной из самых противоречивых фигур среди британских мусульман, имевших связи с исламскими террористами, является Бабар Ахмад. Он был обвинен в организации и техническом обеспечении Интернет-сайтов, поддерживавших

терроризм и призывавших мусульман подняться на вооруженную борьбу против неверных. Работавшего на Королевский колледж Лондона Ахмада попросил экстрадировать в Соединенные Штаты Государственный департамент этой страны. Запрос был удовлетворен в мае 2005 г. Это решение вызвало бурю негодования у некоторых мусульманских групп и организаций Соединенного Королевства, в частности, у Мусульманского совета Великобритании, в заявлении которого говорилось: «То, что в соответствии с Соглашением об экстрадиции от 2003 г. у правительства США больше нет необходимости доказывать суду Соединенного Королевства, что существовала прямая угроза безопасности британских граждан, абсолютно неприемлемо!»¹¹. Представитель Госдепа США сказал, что на сайтах, поддержку которых осуществлял Ахмад, неоднократно размещались призывы к мусульманам «использовать любые средства, находящиеся в их распоряжении, чтобы готовить себя к джихаду», а также лозунги вроде: «Военная подготовка является исламской обязанностью, а не правом выбора». США также обвинили Ахмада в том, что он имел планы размещения одной из группировок военно-морского флота страны в Персидском заливе с пометками об уязвимости кораблей во время атаки¹².

Примкнуть к исламским экстремистам также могут и те из британских мусульман, кто в юности в полной мере воспринял все нормы западного образа жизни, противоречащие догмам ислама. Ярким примером этого утверждения может служить Омар Шейх, обвиненный в убийстве американского журналиста Дэниэла Пёрла. Шейх был задиристым подростком, много пил и курил, встречался с девушками, которые были старше. Все это заставило его отца перевезти семью на родину предков – в Лахор, Пакистан. Шейх вернулся, чтобы закончить среднее образование, а впоследствии выиграл стипендию в Лондонской школе экономики (London School of Economics). Во время первой недели учебы в ЛШЭ он присоединился к действовавшему в университетском городке Исламскому обществу. В начале 90-х годов по аналогии с «Лондонистаном» в отношении ЛШЭ нередко употреблялся термин «Лондонская школа «экстремизма», что подчеркивало сложившуюся роль университета в распространении исламского радикализма. А в 2001 г. представитель российских властей обвинил ЛШЭ в том, что она является центром поддержки и субсидирования чеченских группировок¹³.

Позднее Омар Шейх присоединился к мусульманской благотворительной организации «Конвой милосердия», работавшей в Боснии в разгар конфликта. В свою очередь, пребывая под впечатлением от жертвенности борцов-мусульман, он примыкает к пакистанской воинствующей группировке «Харкат-аль-Муджахидин», воевавшей в Кашмире. Следующим этапом стал тренировочный лагерь «Аль-Каиды» в Халдене, Афганистан. Впоследствии ему было предъявлено множество обвинений, среди которых кроме убийства значились также похищение людей и финансирование лидеров атак на США 11 сентября 2001 г.

Экстремистами могут стать и мусульмане с состоявшейся научной карьерой, как это произошло с Рамаданом Шаллахом, учившимся с 1985 по 1990-й год в университете Дюрхэма и получившим там докторскую степень. По некоторым данным, на Шаллаха планировала совершить покушение израильская служба разведки Моссад, после того, как он был обвинен в организации атаки в Тель-Авиве, во время которой погибло пять человек. Родившийся в Газе Шаллах познакомился с будущими лидерами исламистского движения через членов организации «Братья-мусульмане», которые спонсировали его обучение в университете Заказик в Египте, где он получил высшее образование. После получения докторской степени он отправился в Университет Южной Флориды, где преподавал историю Ближнего Востока. Он возглавлял входивший в университет научно-исследовательский центр «Инициативы по изучению мира и ислама» (World and Islam Studies Enterprise) до того, как был избран главой «Исламского джихада» после покушения на тогдашнего лидера Фатхи Шикаки¹⁴.

Среди обвиняемых и подозреваемых в терроризме есть и преподаватели университетов: доктор Азахари Хусин из университета Ридинга (Reading University) и Шамсул Бахри Хусейн, преподававший прикладную механику в Данди. Оба они разыскиваются в связи со взрывами на Бали в октябре 2002 г., которые унесли жизни 202 человек, в том числе 26 британцев. Бывшие студенты британских колледжей и университетов были и в рядах «Талибана», как, например, Афзал Мунир и Афтаб Манзур, проходившие обучение в университете Льютона¹⁵. При желании список имен можно легко продолжить, однако в этом нет необходимости. Важно рассмотреть деятельность конкретных исламистских групп и движений, присутствие которых было отмечено на территории университетов Соединенного Королевства.

Наиболее активными среди них были запрещенное во многих странах мира (в том числе и в России) движение «Хизб ут-Тахрир», а также отколовшаяся от него организация «Аль-Мухаджирун». Внимания заслуживает и деятельность в университетских городках Мусульманского комитета общественных дел (Muslim Public Affairs Committee), хотя и не являющегося явно экстремистским, но подозреваемого как минимум в симпатии к радикальным исламским элементам.

«Хизб ут-Тахрир» давно поддерживала тесные связи с университетами. Первый сайт группировки, пока его не закрыли власти, базировался в Королевском колледже Лондона. Влияние «Хизб ут-Тахрир» в университетах начало расти в первой половине 90-х годов. Однако тогда это было вовремя замечено, поскольку движение проповедовало откровенно расистские взгляды. Национальный союз студентов (НСС) оценил тогда это движение как «единственную самую большую экстремистскую угрозу в Соединенном Королевстве»¹⁶. Союз также принял меры по пресечению деятельности движения в университетских городках.

Однако в начале XXI в. «Хизб ут-Тахрир» снова оказалась на виду, но пользовалась уже гораздо более широкой поддержкой как на территории университетов, так и за ее пределами. В 2003 г. журналисты программы «Ньюс Найт» канала Би-Би-Си провели расследование активности и степени влияния представителей этого движения в университете Кингстона. Студент-мусульманин, член Исламского общества университета, рассказал журналистам, что на кампусе регулярно бывает некто Рижван Халик, занимающийся вербовкой сторонников «Хизб ут-Тахрир». Характерно, что, по словам студента, Халик даже не являлся учащимся этого университета, что не мешало ему активно контактировать с представителями Исламского общества и другими мусульманами. Журналисты спросили возглавлявшего в то время Исламское общество Османа Абдулла, почему он не проинформировал НСС или руководство университета о присутствии на кампусе вербовщика «Хизб ут-Тахрир». Абдулла ответил следующее: «А что мы могли сделать? По-вашему, мы должны были объединиться с куфром против мусульманина, да?»¹⁷. Однако и сам университет не стал спешить с активными мерами, ограничившись после выхода программы следующим заявлением: «Университет Кингстона не допускает никакой незаконной деятельности в универси-

тетском городке, включая распространение расовой ненависти. До сих пор у нас не было никакой информации о деятельности Рижвана Халика. Мы исследуем утверждения, сделанные журналистами «Ньюс Найт», и решим, должен ли университет принять какие-либо меры»¹⁸.

Для маскировки своих действий, а также, чтобы обойти различные запреты «Хизб ут-Тахрир», подобно многим террористическим группировкам, использует Интернет. Показательным с этой точки зрения является случай в университете Лейстера в 1999 г., когда на раздававшихся студентам листовках с анонсом встречи под названием «Оккупированная Палестина» был указан сайт ранее неизвестной организации «Сайт студентов-мусульман» (Muslim Student's Website). Однако адрес у сайта был тот же, что и напечатанный на студенческом пакете университета Бирмингема. Впоследствии было установлено, что аналогичные встречи в Бирмингеме были организованы «Хизб ут-Тахрир»¹⁹.

«Аль-Мухаджирун», в отличие от группировки «Хизб ут-Тахрир», созданной в 1953 г. религиозным судьей из Иерусалима Такиуддином ан-Набхани в результате раскола с «Братьями-мусульманами», является относительно молодым и почти чисто британским исламским движением. «Аль-Мухаджирун» было учреждено бывшим членом «Хизб ут-Тахрир» Омаром Бакри и начало активную деятельность в 1996 г. Создавать движение Бакри начал еще в 1986 г., сразу же после приезда в Соединенное Королевство. Однако разногласия с лидерами «Хизб ут-Тахрир» вынудили его отделиться. Впоследствии Бакри свел суть разногласий к следующему: «В "Хизб ут-Тахрир" считают, что джихад не может вестись агентами, не принадлежащими к исламскому государству, тогда как "Мухаджирун" придерживается противоположной точки зрения»²⁰. Очевидно, что разница в идеологических установках влечет за собой и различные подходы к вербовке и пропаганде. «Аль-Мухаджирун» до недавнего времени проявляло себя в университетских городках гораздо активнее, нежели «Хизб ут-Тахрир». Но, несмотря на то, что Омар Бакри и его сторонники всячески отрицали участие движения в каких-либо военных акциях, заявляя, что оно представляет собой исключительно идеологическую организацию, НСС запретил представителям «Аль-Мухаджирун» осуществлять свою деятельность на кампусах. Некоторые руководители отделений движения в других странах имеют науч-

ные степени, полученные в британских университетах, как, например, Саджил Сахид, возглавлявший отделение в Лахоре и имеющий ученую степень по компьютерным наукам.

«Аль-Мухаджирун» часто обвиняют в том, что это движение служит посредником в процессе радикализации молодых британских мусульман. Для идеологической обработки обычно используются университетские городки, в которых активисты движения распространяют агитационные материалы, выполненные на высоком уровне. К ним, в частности, относится статья «Освободи себя от матрицы любви», в которой студентов призывают не вступать в отношения с противоположным полом во время учебы в университете. Среди прочего, там сказано следующее: «Мы должны освободить наши умы от этой паутины обмана, непрактичности и упадка западного общества, которое мучается от болезни свободы и утилитаризма»²¹. Несмотря на то, что подобные статьи, а также листовки вроде «Семи смертных грехов», где обличается гомосексуализм, лесбиянство и блуд, никогда не пользовались особым интересом у студенческих групп, по данным Союза еврейских студентов, «Аль-Мухаджирун» и в настоящее время присутствует на кампусах, только чаще всего под другими названиями, обходя таким образом запрет НСС. Это признал сам Омар Бакри в 2000 г., когда студенческий союз усилил репрессивные меры против движения: «Мы используем названия сообществ, например, Пакистанское или Бангладешское сообщество, чтобы попасть в университеты. Когда колледж вроде Лондонской школы экономики запрещает нашу деятельность, мы создаем отделения неподалеку от кампусов, где студенты могут легко нас найти, но власти ничего не могут сделать»²².

В 2001 г. была обнародована информация о том, что «Аль-Мухаджирун» осуществляло вербовку на территории университетов и колледжей Лондона, Бирмингема, Вулверхэмптона, Ковентри, Дерби, Лейстера, Манчестера, Лидса, Ньюкасла и Ноттингема. В прошлом движение также было представлено на студенческих собраниях в Оксфорде и Кембридже. В 2003 г. против «Аль-Мухаджирун» была начата общественная кампания, после того, как организация расклеила на кампусах плакаты подстрекательского характера, сообщавшие, что «Последний час не наступит, пока мусульмане не перебьют всех евреев». В статье 2002 г. в журнале «Джейн'с Интеллидженс Ревью» (Jane's Intelligence Review) утверждалось, что «Аль-Мухаджирун» отправила

более 700 джихадистов, завербованных из числа студентов, для борьбы в военных конфликтах за рубежом²³.

Еще одной мусульманской организацией, активно вербующей сторонников в университетских городках, является Мусульманский комитет общественных дел (МКОД). Как уже было сказано, на сегодняшний день нет неопровержимых свидетельств или доказательств того, что МКОД причастен к экстремистским или террористическим актам. Однако этой организации, так же как и тем, о которых речь шла выше, НСС запретил осуществлять свою деятельность на территории студенческих городков. Главным основанием для этого послужили проявления антисемитизма со стороны членов МКОД.

Комитет агитирует за более полное и активное участие представителей мусульманского сообщества в политической жизни Великобритании, в обсуждении проблем, непосредственно затрагивающих интересы общин. МКОД гневно критикует старших членов мусульманского сообщества, многие из которых отказываются обсуждать актуальные проблемы с исламской молодежью. Организация также недовольна тем, что многие имамы либо вовсе не говорят по-английски, либо им запрещено это делать в мечетях, контролируемых местными общинами. Комитет осуждает позицию, согласно которой мусульмане не должны участвовать в выборах в светском государстве.

Следуя вышеозначенным целям, комитет был очень активен в период избирательной кампании 2005 г. и в это же время был уличен в антисемитизме после того, как ложно обвинил кандидата от лейбористов Лорну Фитцсиммонс в том, что она якобы является еврейкой (подразумевая, видимо, что в этом есть нечто позорное). МКОД также обвинялся в распространении работ Дэвида Ирвинга и Майкла Хоффмана, отрицающих холокост, и в других действиях дискриминационного характера, в частности, в размещении на своем сайте антисемитских высказываний и т.д.²⁴ При этом комитет довольно быстро и решительно осудил террористические атаки на Лондон в 2005 г., а проявления антисемитизма в Интернете Бухари оправдывал тем, что администраторы, пользуясь свободой слова, размещают на сайте высказывания любого характера, принадлежащие «как мусульманам, так и сионистам, и ультраправым при условии, что такие излияния не являются угрозами». Напрашивается вывод о том, что хотя МКОД и не является террористической или экстремистской организацией, необходимо тща-

тельно следить за ее деятельностью, в том числе и на территории университетских городков.

В настоящее время движения Такфири, представляющие собой идеологическое развитие ваххабизма, начали конкурировать с хорошо организованными группами «Хизб ут-Тахрир» и «Аль-Мухаджирун» в борьбе за поддержку студентов в университетах. Характерной чертой всех этих движений является оппозиция демократическим режимам и пропаганда отказа мусульман от интеграции. Несмотря на то, что эти группы развили в университетских городках весьма активную вербовочную деятельность, Управляющий совет ведущих британских исследовательских университетов (The governing council of Britain's leading research universities) до последнего времени в значительной степени игнорировал проблему. Серьезного осуждения не было и после публикации в 2005 г. доклада Энтони Глисса и Криса Поупа «Когда студенты обращаются к террору», который задокументировал присутствие исламо-экстремистских групп более чем в 20 различных университетских городках. Справедливости ради необходимо отметить, что попытки ограничить деятельность подобных радикальных организаций в университетах предпринимались еще в середине 90-х годов, однако группировки просто создавали новые сообщества, как бы не имеющие отношения к старым, чтобы обойти запреты.

Ряд общественных и политических деятелей связывает такое положение дел с тем, что большинство колледжей и университетов стремится оставаться максимально открытыми для проявления свободы слова и широких интеллектуальных исследований. Однако подобной точке зрения противоречит ряд случаев, имевших место в Великобритании в начале XXI в. Весной 2005 г. студент одного из британских университетов Насир Амин опубликовал в журнале «Спирит» («Spirit» Magazine) статью под названием «Когда насилие является адекватным ответом» («When only violence will do»), в которой защищал оспариваемое многими право палестинцев на силовое сопротивление против «незаконной израильской оккупации». Амина обвинили в антисемитизме и объявили сторонником палестинского терроризма, что сам он назвал ложью. Журналистка Мелани Филипс обратилась в полицию с просьбой оценить статью, а в Палату общин поступил запрос о том, нарушил ли студент-мусульманин закон страны.

По словам Амина, следствием этого стала не только расовая дискриминация со стороны других студентов, но также

подрыв его исследований и погружение в депрессию. Под давлением общественности директор учебного заведения профессор Колин Банди объявил Амину выговор. Исламская комиссия по правам человека (The Islamic Human Rights Commission), активно защищавшая право студента на свободу слова, заявила, что хотя никаких официальных санкций применено не было, Банди «тайно написал министрам внутренних дел и Департамента образования, а член парламента Фрэнк Добсон, представлявший округ, сказал, что Амин получил выговор за статью»²⁵. В конце концов действия мусульманского меньшинства увенчались успехом, и Банди принес студенту извинения, публично признав его право на свободу слова: «Его намерение сводилось лишь к тому, чтобы обсудить сложный и противоречивый вопрос в контексте школьной политики свободы самовыражения. Мы признаем вклад всех рас, религий и конфессий в жизнь школы и ценности терпимости и разнообразия в нашем мультикультурном обществе»²⁶.

Подобное противоречивое и непоследовательное поведение порождает и весьма противоречивые последствия. Боясь давления со стороны общественности, обвинений в расизме и отказе от принципов мультикультурного общества, власти предпочитают никак не ограничивать проявления свободы слова в университетах, что, с одной стороны, безусловно, соответствует нормам светского демократического общества, но в то же время дает дополнительные преимущества различным экстремистским группам. И если приведенный выше случай является относительно безобидным с точки зрения угрозы безопасности Соединенного Королевства, то вербовочная деятельность в университетских городках таких организаций, как «Хизб-ут-Тахрир» или «Аль-Мухаджирун», уже привела к негативным последствиям на территории страны и за ее пределами.

В то же время нельзя сказать, что власти страны никак не реагируют на эти тревожные сигналы или не знают о них. В 2004 г. британское правительство и его глава Тони Блэр были ознакомлены с докладом «Молодые мусульмане и экстремизм». В исследовании, подготовленном вскоре после взрывов в Мадриде, внимание премьер-министра было акцентировано на первой составляющей правительственной стратегии борьбы с терроризмом, а именно на «предотвращении увеличения поддержки террористов среди этнорелигиозных меньшинств путем оказания влияния на соответствующие социальные и

экономические вопросы»²⁷. В докладе, в частности, говорилось, что «в качестве мишени для пропаганды своих идей террористы нередко выбирают школы и колледжи, где молодые люди любознательны и более восприимчивы к аргументам и доводам экстремистов. Британских мусульман, являющихся группой, наиболее подверженной риску вовлечения в экстремистские террористические структуры, можно разделить на две группы. Первую категорию составляют хорошо образованные мусульмане со степенями или техническими/профессиональными специальностями. В качестве целей для агитации их обычно выбирают вербовщики и организации, осуществляющие свою деятельность в университетских городках страны. Вторая категория – отстающие в учебе, с низкой квалификацией или полным ее отсутствием. Также к этой группе относятся люди, совершавшие преступления, не связанные с терроризмом, выбираемые в качестве объектов экстремистскими проповедниками в мечетях или радикализирующиеся и обращающиеся к экстремизму в тюрьмах»²⁸.

Несмотря на то, что власти обратили внимание на остроту этой проблемы еще даже до терактов в Лондоне летом 2005 г., на сегодняшний день главной помехой, препятствующей пресечению экстремистской деятельности на кампусах, остается чрезвычайно затрудненный доступ в университетские городки для представителей полиции и Ми-5. Офицеры, участвовавшие в секретной деятельности, еще до атак 7 июля 2005 г. были серьезно обеспокоены угрозой безопасности страны, которую невольно создавали университеты. Но также они ясно осознавали негативные последствия, которые бы могли спровоцировать их действия, воспринятые студентами и преподавательским составом как навязчивое полицейское вмешательство или проведение специального расследования на территории кампусов. По их мнению, даже намек на присутствие полицейских повлек бы за собой большие трудности²⁹.

Представители служб безопасности еще с начала 70-х годов были хорошо осведомлены о том, что различные экстремистские группы, в том числе и Национальный фронт, проникли в университетские городки и осуществляют там вербовку своих сторонников среди студентов. Однако основная сложность всегда состояла в том, что полиции не легко (или почти невозможно) было определить ту грань, за которой вмешательство во внутреннюю жизнь университета было бы един-

ственным выходом. К тому же до последнего времени многие представители служб безопасности полагали, что наладили хорошую обратную связь «практически с каждым университетом и учреждением высшего образования в своем округе». Но такие контакты чаще всего ограничивались службой охраны университетского городка. Их основным назначением и результатом могло стать лишь оперативное вмешательство для ликвидации проблем, которые уже произошли, тогда как никакого обмена информацией с профессурой или администрацией, который позволил бы предотвращать возможные угрозы, не было.

По данным авторов исследования «Когда студенты обращаются к террору», несмотря на то, что представители служб безопасности проявляют определенный интерес к деятельности различных организаций в университетских городках, они предпочитают фокусировать свое внимание на отдельных личностях, говоря, что «имеет гораздо больше смысла выходить на людей через организации, а не наоборот»³⁰. Авторы исследования тем не менее придерживаются противоположной точки зрения, аргументируя необходимость проведения политики превентивной безопасности в университетах, когда в городках на постоянной основе функционировали бы представительства полиции или скрыто действовали агенты спецслужб. В качестве одного из доводов они приводят тот факт, что сегодня формальное участие в той или иной организации не играет столь важной роли, как это было в первой половине XX столетия в случае с коммунистическими и фашистскими группами, действовавшими в университетах, когда факт членства являлся серьезным предупреждением о возможной антидемократической деятельности человека в будущем. Сегодня человек может не числиться в организации, но его присутствие на различных встречах и совещаниях, политических или религиозных, на которых обсуждаются экстремистские идеи, служит серьезным поводом для подозрений. Именно эти процессы и призваны, по мнению авторов доклада, отслеживать спецслужбы в рамках превентивных мер на кампусах.

Сами же представители служб безопасности скептически относятся к политике превентивной безопасности, поскольку главную сложность в этом случае составляет выявление потенциальных подозреваемых. В университетах много вольнодумцев, но если человек выглядит как радикал, это еще совсем

не означает, что он таковым является, а присутствие в университетских городках полицейских неизбежно вызовет недовольство в студенческой среде. В то же время многие представители спецслужб и полиции осознают, что альтернатив политике превентивной безопасности практически нет.

Полицейские и представители спецслужб также обращают внимание на то, что определенная часть людей переходит к экстремизму от обычной мелкой преступности. Власти отмечают несколько путей, через которые люди из разных групп и сообществ втягиваются в экстремистскую деятельность. Например, некоторые группы стремятся получить советы от муллы. Поэтому мулла обычно спрашивают о людях, желающих изменить свою идентичность. Специалисты пришли к выводу, что существует определенное психологическое состояние, когда человек по тем или иным причинам находится на грани вовлечения в террористическую деятельность. Чтобы отслеживать подобные моменты и предотвращать их, службы безопасности привлекли Исламское подразделение по контактам (Muslim Contact Unit), помогающее мусульманам в критических ситуациях и оказывающее им морально-психологическую поддержку. Опыт оказался настолько успешным, что его решили распространить не только на Лондон, но и на остальную территорию страны. Эту инициативу приветствовали многие мусульманские группы, в том числе Мусульманский форум безопасности (Muslim Safety Forum), представитель которого Азад Али сказал, что «подразделение делает большую работу для укрепления сообщества»³¹.

В правительственных кругах и в британском обществе сегодня развернулась активная дискуссия относительно того, какими путями можно предотвратить вербовку студентов радикальными организациями. Представители общественности считают наиболее продуктивной работу агентов под прикрытием, тогда как официальные власти настаивают на постоянном присутствии в университетских городках офицеров полиции. Они аргументируют это тем, что в современных кампусах может проживать до 14 тыс. человек, а сообщество подобных размеров просто не может обходиться без взаимодействия с полицией.

Свои опасения полиция подкрепляет фактами. Так, например, Королевский колледж в Лондоне имеет все ресурсы для создания оружия массового уничтожения. Данное учебное заведение обладает собственным ядерным реактором, а Сельскохозяйственный колледж в Уайе располагает запасом нитра-

тов и удобрений, которые могут быть использованы в экстремистской деятельности. Также многие университеты имеют доступ к химикатам, патогенам и материалам, использующимся в ядерной физике.

В заключение можно сказать, что сегодня все больше мусульман Соединенного Королевства стремятся получить высшее образование, что, несомненно, само по себе будет только способствовать их быстрой и безболезненной интеграции в британское общество. Власти страны уже не могут позволить себе не обращать на это внимания, поэтому возросла необходимость в разработке целевой долгосрочной стратегии, которая помогла бы предотвратить примеры массового воздействия на мусульманскую молодежь в учебных заведениях различных фундаменталистских и радикальных исламских движений и идеологий, а также позволила бы максимально нивелировать значение культурных, социальных и других различий между учащимися из мусульманского меньшинства и представителями коренного населения.

¹ Подробнее см.: Плещунов Ф.О. Мусульманские школы Великобритании: борьба за государственное финансирование // Восток (Orient). 2008, № 1.

² См.: Принц Чарльз: «Мусульманами Британии следует гордиться» // Internet: <http://www.islam.ru/pressclub/tema/charls>

³ Maher S. Campus radicals // The Prospect Magazine, Issue 126, 2006.

⁴ Цит. по: Glees A., Pope C. When students turn to terror. Terrorist and Extremist Activity on British Campuses. The Social affairs unit. London, 2005, с. 25.

⁵ Maher S. Campus radicals // The Prospect Magazine, Issue 126, 2006.

⁶ Shahar Y. Islamic radicals in the UK // Internet: <http://www.ict.org.il/Articles/tabid/66/Articlsid/188/currentpage/11/Default.aspx>. Полный список террористических групп и экстремистских организаций, чья деятельность запрещена в Соединённом Королевстве, можно найти на сайте британского МВД:

<http://www.homeoffice.gov.uk/security/terrorism-and-the-law/terrorism-act/proscribed-groups>

⁷ Цит. по: Leppard D., Fielding N. The hate // The Sunday Times, 10.07.2005.

⁸ Glees A., Pope C. When students turn to terror. Terrorist and Extremist Activity on British Campuses. The Social affairs unit. London, 2005, с. 31–32.

⁹ Honigsbaum M., Dodd V. From Gloucester to Afghanistan: the making of a shoe bomber // Internet:

<http://www.guardian.co.uk/uk/2005/mar/05/afghanistan.terrorism>

¹⁰ Подробнее о мечети в Финсбери-парк и деятельности Абу Хамзы аль-Масри см.: O'Neill S., McGrory D. The Suicide Factory. Abu Hamza and the Finsbery Park Mosque. Harper Perennial. London, 2006.

¹¹ Цит. по: Glees A., Pope C. When students turn to terror. Terrorist and Extremist Activity on British Campuses. The Social affairs unit. London, 2005, с. 34.

¹² British man ran terror websites // Internet:

<http://news.bbc.co.uk/1/hi/uk/4311795.stm>

¹³ Corera G. How militant Islam found a home in London // Jane's Intelligence Review, August 2002, с. 15.

¹⁴ Mahnaimi U., Lamb C. Ex-British student in hit squad threat // The Times, 06.03.2005.

¹⁵ Khosrokhavar F. Suicide bombers, Allah new martyrs. Pluto Press, 2005, с. 192.

¹⁶ Цит. по: Hizb ut Tahrir // Internet:

<http://news.bbc.co.uk/1/hi/programmes/newsnight/3182271.stm>

¹⁷ Ibid.

¹⁸ Ibid.

¹⁹ Glees A., Pope C. When students turn to terror. Terrorist and Extremist Activity on British Campuses. The Social affairs unit. London, 2005, с. 43.

²⁰ Цит. по: Al-Muhajiroun In The UK: An Interview With Sheikh Omar Bakri Mohammed // Internet:

http://www.jamestown.org/single/?no_cache=1&tx_ttnews%5Btt_news%5D=26355

²¹ Glees A., Pope C. When students turn to terror. Terrorist and Extremist Activity on British Campuses. The Social affairs unit. London, 2005, с. 45.

²² Ibid.

²³ Corera G. How militant Islam found a home in London // Jane's Intelligence Review, August 2002, с. 18.

²⁴ Ibid.

²⁵ Bajwa H. Student triumphs in free speech battle // Internet:

<http://www.muslimbrotherhood.co.uk/Home.asp?zPage=Systems&System=PressR&Press=Show&Lang=E&ID=5786>

²⁶ Ibid.

²⁷ Glees A., Pope C. When students turn to terror. Terrorist and Extremist Activity on British Campuses. The Social affairs unit. London, 2005, с. 11.

²⁸ Ibid.

²⁹ Ibid., с. 21.

³⁰ Ibid., с. 22.

³¹ Dodd V. Special Branch to track Muslims across the UK // The Guardian, 20.07.2005.

НОВЫЕ ГОРИЗОНТЫ РОССИЙСКО-ТУРЕЦКОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ (НАЧАЛО XXI в.)

12–15 февраля 2009 г. Российскую Федерацию посетил с государственным визитом президент Турецкой Республики Абдуллах Гюль. Только за несколько лет нового, XXI столетия это уже второй официальный визит главы турецкого государства в Россию, к тому же он впервые в истории двусторонних отношений получил ранг «государственного».

То, что российско-турецкий диалог на высшем уровне именно за последние несколько лет приобрел весьма высокую динамику, является фактом неоспоримым. Это обстоятельство и позволило президенту Турции А.Гюлю накануне визита охарактеризовать нынешнее качество российско-турецких отношений как «переходящее в новое измерение»¹. Официальная позиция обеих сторон, так же как цель визита и предстоящих переговоров, звучала следующим образом: «Обсудить возможности укрепления и развития сотрудничества», а также «региональные и международные темы»². Однако на повестке дня предстоящих переговоров звучали и те вопросы, которые гораздо в большей степени волновали именно турецкую сторону. Собственно, об этом свидетельствовал и состав турецкой делегации, сопровождавшей в визите в Россию А.Гюля. В нее также вошли турецкий госминистр, министр по вопросам внешней торговли К.Тюзмен, министр энергетики и природных ресурсов Х.Гюлер, видные представители турецкого делового мира. Турцию в данном случае интересовало упорядочение таможенных процедур в связи с известными ограничениями, наложенными российской стороной на экспорт ряда турецких товаров в Россию в последнее время. Так, в июне 2008 г. ограничения (в виде усиления режима проверки ввозимых в страну грузов) были введены Федеральной таможенной службой в связи с запретом, наложенным Россельхознадзором на ввоз в Россию некоторых видов турецкой продовольственной продукции,

представленной ранними сортами плодовых и овощных культур (помидоров, картофеля, баклажанов, лимонов и винограда). Подобные запреты на ввоз турецкой сельхозпродукции уже налагались российской стороной и ранее, летом 2005 г. Весьма важным для турецкой делегации представлялось и обсуждение проектов строительства новых газовых магистралей, которые, как предполагается, обеспечат транзит газа через территорию Турции в регион Ближнего Востока; этот проект получил пока условное название «Голубой поток-2». Для Турции очевидно стремление к большей независимости от ставшего в последние годы кризисным восточно-европейского направления транспортировки российских энергоресурсов. По сообщениям информационного агентства CNN, на пресс-конференции, предшествующей визиту, А.Гюль подчеркнул, что «сотрудничество в сфере транспортировки энергоресурсов является на сегодняшний день важнейшим аспектом сотрудничества двух стран»³. Кроме того, Турция рассчитывает играть существенно большую роль в распределении энергоресурсов, транспортирующихся с севера, на новом для себя направлении – в регионе Ближнего и Среднего Востока. В программе пребывания в России лидера турецкого государства стоял и визит в субъект Российской Федерации – Республику Татарстан. Турецкие политологи подчеркивали, что у Турции в настоящий момент нет никаких «особых намерений в отношении тюрко-мусульманских регионов России»; комментируя визит А.Гюля в Россию, турецкие комментаторы делали акцент прежде всего на «экономическом потенциале» связей Турции с российским регионом⁴.

Утверждается, что в данный момент для турецкой внешней политики проблемы Ближнего Востока «по своему значению стоят впереди проблем, связанных с тюркскими республиками»⁵. Однако как бы то ни было, посещение официальной турецкой делегации Казани и встреча А.Гюля с президентом Татарстана М.Шаймиевым – свидетельство того, что Турция намерена активно продолжать развивать «многоплановые отношения» именно с российскими регионами, в особенности республиками, населенными тюркскими народами. Это направление уже получало неоднозначную оценку российских экспертов и политологов; говорилось, в частности, о том, что характер сотрудничества Турции и отдельных российских регионов, его относительно «свободный режим» не во всем соответствует «принципам взаимоотношений обоих государств»⁶.

В региональной и международной сферах, несмотря на то, что в последние годы стороны имеют гораздо больше общих подходов к различным проблемам, нежели еще десятилетие спустя, также не все выглядит бесспорно и однозначно. Так, в Закавказском регионе Турцией с лета 2008 г. лоббируется так называемая «Платформа сотрудничества и стабильности на Кавказе» (ПССК), и важно в данной связи понимать, что в рамках этой программы Турция как прикавказское государство рассчитывает с максимальной для себя выгодой подойти к разрешению имеющихся в регионе противоречий и конфликтов – Нагорного Карабаха, проблем турецко-армянских отношений, дискуссий по теме геноцида армян. Кроме того, нельзя не учитывать также, что в последнее время, вслед за определенным «охлаждением» американо-турецких отношений (что имело место еще с начала военных действий в Ираке весной 2003 г.) наблюдается заметное ухудшение отношений с Израилем. Турция до сих пор являлась одной из немногих мусульманских стран, которая могла занести себе в актив позитивный характер отношений с Государством Израиль. Однако после обвинений, озвученных турецким премьер-министром Р.Т. Эрдоганом в адрес официального Израиля по ходу очередной эскалации конфликта в Палестине, эти перспективы оказались под вопросом⁷. Таким образом, Турции на сегодняшний момент, чтобы не оказаться перед перспективой окончательного ухудшения отношений с прежними союзниками и партнерами, просто необходимо делать попытки активизации взаимоотношений со своим северным соседом.

Однако, как представляется, не все говорит о том, что нынешний характер и качество российско-турецкого взаимодействия носит только прагматический и конъюнктурный характер (как со стороны Турции, так и со стороны России). Начать следует с того, что весь объем уже существующей и реально работающей договорно-правовой базы отношений между двумя странами на настоящий момент насчитывает более полусотни документов. Отмечая особый характер российско-турецкого сотрудничества в последние годы, президент Турецкой Республики А.Гюль на переговорах с главой российского правительства В.Путиным в феврале 2009 г. не случайно именно его назвал «главным архитектором выстраивания тесного сотрудничества обоих государств»⁸. Абдуллах Гюль, характеризуя развитие отношений двух стран в период с декабря 2004 г.,

когда президентами обоих государств была подписана первая совместная декларация, в своем комментарии турецкой газете «Заман» накануне февральского визита 2009 г., писал буквально следующее: «С 2004 года продолжалась интенсификация двусторонних переговоров на высшем уровне, наши отношения переходят на качественно новый этап, а сферы и аспекты многопланового партнерства обеих стран переживали дальнейшее углубление»⁹. Интенсификации российско-турецких отношений в последние годы, несомненно, есть свои объяснения и причины, в которых мы и попытаемся разобраться в рамках данной статьи.

Проблемы и специфика российско-турецких отношений в последние годы не случайно стали темой множества исследований и дискуссий в научном мире. От двух крупных государств евразийского масштаба (и Россия, и Турция в равной степени принадлежат как Европе, так и Азии) зависело и зависит многое на обоих континентах: военно-политическая ситуация, специфика и объем коммерческих связей, а также баланс сил и общие тенденции в развитии международных отношений. Отношения между двумя государствами за весь исторический период их существования нельзя охарактеризовать «однозначно»: здесь были войны и конфликты, сменявшиеся периодами относительно мирного сосуществования и порой союзнических отношений, периоды сотрудничества сразу по многим направлениям, опять же сменявшиеся если не конфликтами, то напряженностью и общим «охлаждением» в отношениях (в прошедшем XX столетии). Но то, что происходит в наступившем XXI веке, характеризуется несколько иными тенденциями по сравнению со всем предшествующим периодом. Начавшееся столетие отличается иными реалиями международных отношений и новой геополитической ситуацией, иными параметрами и самим «смыслом» сотрудничества государств-соседей, нежели обстановка в минувшем веке. Все это отразилось и на специфике нынешних российско-турецких отношений.

Тем фундаментом, который обеспечил тот настоящий «прорыв» и вывел взаимодействие Турции и Российской Федерации на качественно новый уровень, послужил особый характер советско-турецких, а впоследствии российско-турецких отношений. Они также на всем протяжении XX столетия развивались неоднозначно; порой они существенно осложнялись, однако до прямой конфронтации и военного противостояния дело

никогда не доходило. Торгово-экономический «бум» 90-х годов в отношениях двух стран подразумевал и «челночную» торговлю, и появление в России турецких предпринимателей и фирм, и реализацию турецких подрядных проектов в России. С 1990 г. по настоящее время наибольшая доля реализованных проектов турецких подрядчиков пришлось на СССР-Россию¹⁰. Сейчас трудно дать какую-либо однозначную оценку этим фактам с точки зрения итогов и влияния на российскую экономику; но не следует забывать, что экономика России в те годы переживала крайне тяжелый и болезненный «переходный» период, причем надежды руководства страны на помощь Запада не оправдались. Помимо этого, стороны пытались найти общий язык и по ряду региональных и международных вопросов. Все это являлось объективным процессом, развивавшимся с учетом роли и места обоих государств в мировой политике на рубеже веков. С начала нового века интенсивная динамика торгово-экономического взаимодействия дополнилась интенсификацией официального политического диалога на высшем уровне. Новый уровень и качество современных российско-турецких отношений позволили политологам применять по их поводу такие характеристики, как «добрососедство» и «многоплановое партнерство»¹¹. Подобная оценка вряд ли была бы уместна по отношению к качеству взаимодействия обоих государств еще даже в 90-е годы прошедшего столетия.

Как известно, в течение 2007–2008 гг. законодательные и исполнительные структуры власти как в России, так и в Турции в связи с парламентскими и президентскими выборами в обеих странах претерпели некоторые изменения. Однако интенсивная динамика российско-турецкого взаимодействия продолжает сохраняться, причем практически по всем направлениям. К этим направлениям, динамичное развитие которых в последние годы стало уже своего рода традицией, добавляются и новые, что только подтверждает тезис о качественном изменении характера отношений двух государств.

Несомненно, что на данный момент, во «вторую пятилетку» российско-турецкого взаимодействия в XXI веке, «катализатором» взаимодействия, показателем прочности тенденций и стабильного развития по укреплению партнерства стало взаимодействие на региональном уровне. Речь идет о том, что особую актуальность и значимость тематики российско-турецкого партнерства, как и возможности Москвы и Анкары осуществлять

эффективную координацию и сотрудничество по острым международным проблемам подтвердили последние события регионального масштаба. В частности, трагические события на Кавказе летом 2008 г., связанные с новым витком грузино-югоосетинского противостояния и непосредственно затрагивающие не только российские, но и турецкие интересы в регионе, наглядно это продемонстрировали. Официальная Анкара, турецкие СМИ, журналисты и политологи заняли, как известно, взвешенную позицию по поводу конфликта Грузии и Южной Осетии. Турцией предложен был свой план урегулирования обстановки на Кавказе («Платформа сотрудничества и стабильности на Кавказе» – ПССК), который настаивал на участии только региональных держав в разрешении конфликтов. Подчеркнем, что эти турецкие предложения касались именно Кавказа, региона, где прежде интересы обеих держав практически всегда сталкивались, противоречили друг другу; теперь же Турция, можно сказать, впервые в истории наших отношений не заняла откровенно антироссийскую позицию.

События августа 2008 года в Южной Осетии несколько отодвинули на второй план другую, также чрезвычайно острую и не менее болезненную проблему региона – Карабахское урегулирование. Поскольку президент России Д.А. Медведев предложил, путем встречи глав России, Азербайджана и Армении начать процесс урегулирования конфликта в Нагорном Карабахе, некоторые российские аналитики высказываются относительно необходимости привлечь в него и Турцию, которая в ходе августовских событий, по их словам, «на деле доказала свою дружественную позицию по отношению к Москве». Участие Турции в переговорном процессе могло бы сделать его результаты «более позитивными», когда Москва не будет выступать «ни с проармянских, ни с проазербайджанских позиций»¹². Таким образом, просматриваются некие новые измерения и возможности российско-турецкого взаимодействия, готовность выступать с общих, а не диаметрально противоположных позиций по ряду «горячих» и острых проблем международных отношений, где не последнее место на данный момент занимает тематика Кавказа и Закавказья¹³. И все это не является случайным стечением обстоятельств и не носит конъюнктурного характера, а подготовлено всем предшествующим ходом развития отношений и уже создавшимся базисом для российско-турецкого партнерства. Помимо этого и се-

годняшняя Россия, и нынешняя Турция не заинтересованы в тех разрушительных процессах в соседних государствах-членах СНГ, которые происходят и провоцируются якобы во имя «демократизации» политических режимов, а на деле могут закончиться новым витком межнациональных противостояний и постепенным превращением региона в очередную «зону международной опеки», что никак не состыкуется с понятием «стабильный Кавказ».

Другим регионом, где пересекаются интересы России и Турции, стала «постсоветская» Центральная Азия. Это не менее важный в геостратегическом отношении регион по сравнению с Кавказом. До последнего времени Турция проводила активную политику в регионе, что в значительной степени отвечало интересам США, которые стремились не допустить в условиях образовавшегося после распада СССР экономического, военно-политического и идеологического вакуума усиления в регионе влияния Саудовской Аравии и Ирана с их политической ориентированностью на ислам именно «фундаменталистского», а не «вестернизированного» варианта. Однако в последние годы Турция была вынуждена несколько умерить свою активность в регионе, ограничив его только культурными и образовательными программами¹⁴. Это произошло по причинам как объективного, так и субъективного свойства. К объективным относится то, что Турции пришлось признать ограниченность своих ресурсов, что повлекло за собой невозможность в обозримом будущем реализовывать в среднеазиатском регионе собственные «большие проекты». К причинам субъективного свойства относится то, что в самое последнее время заметно активизировали свое присутствие в регионе две крупнейшие региональные державы – Россия и Китай, все больше претендующий на роль регионального лидера, причем как в экономическом, так и в военно-политическом плане.

Еще одна важная составляющая набирающего силы регионального сотрудничества России и Турции – укрепление безопасности в Черноморском регионе. И российская и турецкая сторона на данный момент полностью разделяют тезис о том, что проблемы региональной стабильности и безопасности должны решаться совместными усилиями прежде всего стран причерноморского региона, тогда как появление в регионе «третьих» сил, за которыми стоят государства-лидеры НАТО, определенно вызовет дестабилизацию и напряженность

в регионе¹⁵. Именно в контексте укрепления региональной безопасности и отстаивания принципа недопустимости вмешательства в региональные проблемы сил, не имеющих прямого отношения к Черноморскому региону, и следует оценивать взаимодействие российской и турецкой стороны в рамках группы военно-морских сил оперативного взаимодействия – «Блексифор». Турецкий обозреватель, комментируя значение последних событий на Кавказе и в Черноморском регионе, отметил, что «принимая во внимание углубление российско-турецкого партнерства в последние годы, тем не менее представляется все же неверным утверждение, что российское направление станет для Турции альтернативой западному; однако, подобные дискуссии периодически ведутся общественным мнением Турции»¹⁶.

В последнее время весьма остро стоит вопрос о новом витке «расширения НАТО на Восток», вовлечении в Североатлантический альянс, помимо стран Балтии, и других государств «постсоветского пространства» и в связи с этим о размещении все ближе к государственной границе Российской Федерации, в восточноевропейских государствах, некогда относившихся к «социалистической системе», позиционных районов ПРО США. Турция, которая сама входит в Альянс, тем не менее разделяет обеспокоенность Москвы по данным проблемам, в связи с тем, что активизация усилий по втягиванию в НАТО государств «постсоветского пространства» (Украины, Грузии) может привести к появлению новых угроз региональной безопасности, в частности, в акваториях Черного и Средиземного морей. В данном случае Турция, очевидно, не ставит свое членство в НАТО выше прочих международных обязательств в рамках других организаций (к примеру, ООН) и международных договоров, в частности, регулирующих режим и статус Черного моря. Как отметил глава российского внешнеполитического ведомства С.В.Лавров, «это очень важная и не для всех стран характерная черта»¹⁷. И Россия, и Турция в настоящий момент являются сторонниками укрепления прежде всего регионального взаимодействия на пути борьбы с новыми вызовами и угрозами безопасности. Как представляется, именно в таком контексте необходимо рассматривать и давать оценку недавно прошедшим совместным российско-турецким военно-морским учениям «ТУРПАШ-2009», прошедшим в акватории Средиземного моря в начале января 2009 г. В совместных уче-

ниях участвовал отряд боевых кораблей российского Северного флота, с турецкой стороны – ракетные и патрульные катера. Помощник главкома ВМФ России, начальник службы информации и общественных связей капитан первого ранга И.Дыгало в числе задач совместных учений обозначил «элементы совместного маневрирования, учения по связи, поисково-спасательную операцию»¹⁸. Таким образом, российско-турецкое военно-политическое взаимодействие становится уже не просто благопожеланием, продиктованным политической конъюнктурой, а реальным фактом в деле обеспечения региональной стабильности и безопасности.

Помимо региональной тематики, занимающей, несомненно, одну из первых строк в повестке дня российско-турецкого взаимодействия, последние годы дают надежду на решение и других проблем двусторонних отношений России и Турции. Вопросы военно-технического сотрудничества обеих стран также находятся среди тех, которые были выдвинуты на поверхность новой реальностью и практикой двустороннего взаимодействия с началом века. Двусторонняя комиссия по военно-техническому сотрудничеству была создана еще в 2001 г., существует и соответствующая достаточно прочная правовая база¹⁹. Однако в связи с тем, что это направление представляет собой одну из деликатных сфер взаимодействия (в связи с его достаточно отчетливым политическим подтекстом и открытым противодействием на данном направлении союзников Турции по НАТО), потенциал его реализован еще далеко не полностью. Однако турецкая сторона после неудач с подписанием ряда российско-турецких контрактов в военно-технической сфере снова подтвердила заинтересованность Турции в участии России в ряде ее военных проектов. В частности, в последнее время в прессе обеих стран вновь стали появляться сведения относительно возможной закупки Турцией российских вертолетов Ми-28²⁰.

Предприятия российского ВПК вновь приглашаются для участия в тендерах на закупку боевой техники для вооруженных сил Турецкой Республики. Интенсификации военного и военно-технического сотрудничества благоприятствует то обстоятельство, что оно потенциально взаимовыгодно для обеих сторон. Предприятия российской оборонной промышленности смогут освоить новое перспективное направление и емкий турецкий рынок. В то же время Турция, стремясь все больше играть самостоятельную роль как региональный лидер на Ближнем Востоке, рассчитывает укрепить потенциал своих воору-

женных сил и имеет возможность получить доступ к «эксклюзивным военным технологиям», аналоги которым Турции не в состоянии предложить западные державы²¹. В этой связи несомненно, что взаимодействие России и Турции в области военно-технического сотрудничества имеет вполне реально очерченное будущее.

При том, что Россия во второй пятилетке XXI века стала первым торговым партнером Турции (объемы двусторонней торговли продолжали расти в течение 2008 г.)²², как раз в это время в области торгово-экономического сотрудничества между двумя странами обозначились некоторые трудности, пусть и не столь судьбоносного характера. Они выражались в ужесточении мер по проверке ввозимых в страну так называемых «подкарантинных» грузов (это касалось главным образом продовольственных товаров), а также в наложении запретов на ввоз на территорию России товаров, не соответствующих требованиям российского законодательства и фитосанитарных нормативов. Мы обращаем на это внимание, поскольку долгие годы именно торгово-экономическое сотрудничество двух стран являлось фактически локомотивом двусторонних отношений. Речь в данном случае идет о том, что трудности практического характера неизбежно будут возникать при тех масштабах роста двусторонней торговли, который имеет место между двумя странами. В частности, Федеральная таможенная служба России вынуждена была принять меры по ужесточению контроля в отношении поступающих из ряда зарубежных стран грузов. Кроме того, минувшим летом случился инцидент с наложением российской стороной эмбарго на поставку из Турции некоторых видов сельскохозяйственной продукции. Каковы бы ни были мотивы данных ограничений (необходимость урегулирования правовых норм либо протекционистские меры, к которым в принципе прибегает любое государство с целью защиты отечественного производителя), на наш взгляд, не следует искать в них политического подтекста. Российская сторона следует договоренностям в отношении качества поставляемой продукции сельского хозяйства (растениеводства, мясного либо молочного животноводства и пр.); и ограничения аналогичного характера, связанные с ужесточением мер по контролю качества поставляемой продовольственной продукции на предмет ее соответствия санитарным нормам, предписываемым российским законодательством, за последние годы были

наложены на импорт продукции из целого ряда стран, помимо Турции²³. Кроме того, российские таможенные службы уже предложили турецкой стороне заключить новое соглашение об упрощенном порядке прохождения таможенных процедур. Главным в данном случае является не то, что трудности и проблемы возникают, а то, что стороны проявляют готовность их решать совместно. Как сообщил глава российского МИДа С.В. Лавров по итогам встреч со своим турецким коллегой А. Бабаджаном в Стамбуле (2–3 сентября 2008 г.), «мы договорились выполнить ту функцию, которая присуща внешнеполитическим ведомствам, а именно обратить внимание наших соответствующих структур ...на необходимость как можно скорее эту проблему урегулировать»²⁴. С другой стороны, совместная комиссия российских и турецких парламентариев, которые имеют возможность и механизмы позитивно повлиять на сложившуюся ситуацию, уже порекомендовала сформировать соответствующую правовую базу, которая исключала бы в будущем возникновение подобных препятствий²⁵.

Вопросы сотрудничества в культурно-гуманитарной сфере, на которые подчас не обращается должного внимания, тем не менее также важны при анализе перспектив стратегического партнерства государств. Именно это направление сотрудничества создает благоприятный общественный климат между государствами, способствует размытию в массовом сознании стереотипных образов «государства-врага» и, наоборот, формированию образа «государства-союзника». Сотрудничеству в культурной сфере в российском дипломатическом ведомстве придают не менее важное значение, нежели взаимодействию в политической, торгово-экономической, инвестиционной сферах²⁶. И в этой связи можно констатировать, что о развитии культурно-гуманитарного сотрудничества по итогам первого десятилетия XXI века оба государства имеют право говорить о вполне конкретных результатах. Как известно, вошли в историю двусторонних отношений Год культуры России в Турции (2007 г.) и, соответственно, Год культуры Турции в России (2008 г.). Мероприятия в рамках осуществления программы «Год турецкой культуры в России» прошли не только в российской столице, но и в других российских городах, в частности, в Санкт-Петербурге и Казани²⁷. «Взаимоузнавание» народов и культур неизбежно будет способствовать формированию прочного базиса дружественных, партнерских отношений, когда доброжелательный

климат взаимодействия не оставит «запретных» тем для обсуждения, будут ли они касаться острых политических или международных проблем, вопросов торгово-экономического сотрудничества либо регионального взаимодействия.

Помимо диалога культур, весомый вклад в формирование прочного фундамента партнерских отношений России и Турции призван внести также и диалог религий. Первые годы нынешнего столетия обозначили заметное продвижение в этом направлении. Диалог государств, одно из которых конфессионально принадлежит в целом к христианскому миру, а другое – мусульманскому, имеет важное значение не только для двусторонней практики, но и для международных отношений в целом, особенно после событий 11 сентября 2001 г., внесших несколько иную окраску в межгосударственные и межконфессиональные отношения. Москва, в общем, давно уже стала одним из крупнейших международных научных центров, где научной общественностью из самых разных стран мира обсуждаются проблемы ислама в целом, как в историческом, так и современном аспекте, его потенциальные возможности для разрешения международных конфликтов, проблемы теологического образования. В прошедшем 2008 г. один из подобных форумов в Москве посетил руководитель управления по делам религии Турецкой Республики (при аппарате премьер-министра Турции), профессор А.Бардакоглу. Турецкой делегацией Россия была охарактеризована как страна, представляющая собой «прекрасный пример взаимного уважения, терпимости, мирной атмосферы между религиозными общинами»²⁸. Сам же Али Бардакоглу охарактеризовал Россию как «важный центр развития религиозных учений», а Русскую православную церковь назвал «одним из центров человеческой мудрости»²⁹. В рассматриваемом контексте имела значение и встреча в Москве в ноябре 2008 г. руководителя управления по делам религий Турецкой Республики А.Бардакоглу и митрополита Смоленского и Калининградского Кирилла, заведующего отделом внешних связей Московской патриархии, а ныне уже избранного на пост Патриарха Московского и Всея Руси. Уровень взаимопонимания и взаимодействия, достигнутый в отношениях между обоими государствами в культурно-гуманитарной области, позволил, в частности, религиозным деятелям России и Турции выйти на принципиальные договоренности по вопросам организаций паломничества к христианским святыням Ближнего

Востока, поддержки так называемого религиозного туризма, издательства просветительской литературы, касающейся сотрудничества и диалога мусульман России и Турции. В ходе состоявшихся встреч и переговоров постепенно преодолевались уже отжившие стереотипы; даже чуть более 10 лет тому назад сложно было бы говорить о том, будет ли возможно налаживание доверительной атмосферы и диалога с подобным широким кругом обсуждаемых и решаемых проблем³⁰. Результаты договоренности по сотрудничеству в области духовных культур и религии также можно оценить как стратегически значимые для обеих стран, если принять во внимание специфику геополитического положения России и Турции, выполняемую ими роль посредников, своего рода мостов между миром христианских и мусульманских государств на евразийском континенте. При этом следует также принять во внимание, что существующие межконфессиональные разногласия решаются путем конструктивных переговоров российских православных священнослужителей и турецких мусульман, тогда как уровень диалога российской православной и западноевропейской католической церкви до сих пор не находится на желаемом уровне и во многом подвержен влиянию идеологических штампов и стереотипов, относящихся еще к временам существования СССР и «холодной войны».

Первое десятилетие XXI века обозначило, таким образом, существенный прорыв во взаимоотношениях России и Турции; две крупные евразийские державы вышли на новый уровень и иное качество взаимодействия по целому комплексу направлений (интенсивный диалог официальных лиц, торгово-экономическое сотрудничество, реализация крупных инвестиционных проектов, углубление культурных и духовных связей). Уже за самые последние годы, помимо традиционно больших объемов торговли, на рекордно высокий уровень выходит и сотрудничество по энергетике, растет количество реализованных проектов в инвестиционной сфере (с обеих сторон), в новое качество переходит культурно-духовный диалог двух государств. С учетом особенностей геополитического и конфессионального положения обеих стран эта сфера взаимодействия, приобретает, как это было показано, особую значимость. Все это свидетельствует о том, что отношения обоих государств приближаются к намеченному в 2004 г. выходу на уровень «многопланового партнерства»³¹. Итоги последнего госу-

дарственного визита президента Турецкой Республики А.Гюля в Москву в феврале 2009 г. это, скорее, подтвердили, несмотря на ряд спорных вопросов и обстоятельств, о которых шла речь выше. Президент РФ Д.Медведев и президент Турецкой Республики А.Гюль подписали в Москве Совместную декларацию об углублении в двусторонних отношениях многопланового партнерства. Подписанная 13 февраля 2009 г. в Москве Декларация в качестве основной цели признавала «дальнейшее углубление сотрудничества по всем направлениям и вывода двусторонних отношений на новый, более высокий уровень». Д.Медведев охарактеризовал подписанную Декларацию как «новый шаг в развитии не только политических и торгово-экономических связей, но и гуманитарного сотрудничества»; по словам Д.Медведева, Декларация «выведет двусторонние отношения на более высокий уровень»³². В то же время президент Турецкой Республики А.Гюль, отвечая на вопросы турецких журналистов сразу после завершения церемонии подписания Декларации, подчеркнул, что «подписанная Декларация затронула практически все сферы сотрудничества, но в то же время это не некий расплывчатый документ, а весьма четко и конкретно составленный»³³. В подтверждение оценки, данной Декларации турецким лидером, можно отметить, что особое внимание в ней акцентировалось на направлениях, которые несколько отставали в прежний период: в частности, на проблемах взаимовыгодного партнерства в сфере энергетики, интенсификации военно-технического сотрудничества и таких совершенно новых направлениях, как сотрудничество и инвестиции России в развитие турецкой атомной энергетики и космической программы. В целях интенсификации гуманитарного сотрудничества Декларация предусматривает возможность открытия совместных культурных центров на территории обоих государств³⁴. Подписанной Декларации была дана весьма высокая оценка, в частности, турецкой прессой; турецкие эксперты и журналисты практически сходятся во мнении, что подписанный в Москве документ зафиксировал переход отношений двух государств на новую, более высокую ступень в развитии «многопланового партнерства». Популярная в Турции газета «Сабах» подчеркнула, что «Декларация подготовила почву для заключения соглашений по целому ряду направлений сотрудничества», а также «не останавливалась лишь на задачах увеличения взаимного торгового баланса»³⁵. А одна из центральных турецких газет,

«Джумхуриет», обратила внимание на тот факт, что «Декларация, состоящая из 12 страниц, содержит ссылку на дружественный договор Советской России и Турции от 1921 г., утвержденный Великим Национальным Собранием Республики»³⁶.

При том условии, что все обозначенные позитивные тенденции получат дальнейшее развитие, эволюция российско-турецких отношений приведет к изменению существующих на данный момент геополитических реалий на евразийском континенте³⁷. Что, в свою очередь, неизбежно повлияет на качество отношений России и Турции со странами европейского и заокеанского Запада.

¹ Vesti.ru // 12/02/09.

² <http://www.prime-tass.ru/> Президенты России и Турции подпишут в Москве совместную декларацию об углублении многопланового партнерства между государствами

³ CNNturk.com / Cumhurbaskani Gul Rusya'da.

⁴ Ogan S. Gul'un ziyaretleri ve Turk-Rus iliskilerinde yeni donem // Zaman gazetesi, 16.02.2009.

⁵ Там же.

⁶ Зиганшин М.К. Россия – Турция: от двустороннего сотрудничества к многоплановому партнерству. – Изд. второе, доп. – Бишкек – Ош, 2009.

⁷ http://news.bakililar.az/news_celi_vizita_abdully_21577.html

⁸ Ogan S. Op.cit.

⁹ Gul A. Cok boyutlu ortakligimiz derinlesecek // Zaman, 11 Subat 2009.

¹⁰ С 1987 по конец 2004 г. турецкими подрядчиками реализовано контрактов на общую стоимость 14 млрд. долларов США, эта цифра продолжала расти и в последующие годы // Зиганшин М.К. Россия – Турция: от двустороннего сотрудничества к многоплановому партнерству. – Бишкек – Ош, 2009, с. 119–120.

¹¹ См. М.К.Зиганшин. Ук.соч.

¹² Дугин А. В надежде на здравый смысл. Интервью. 23.10.2008 // <http://1news.az/politics/20081022112247404.html>

¹³ В ходе состоявшегося 3–4 ноября 2008 г. визита в Турцию делегации Комитета по международным делам Совета Федерации Федерального Собрания России, встречаясь с российскими коллегами, турецкие депутаты дали негативную оценку действиям Грузии в конфликте на Кавказе, а также приветствовали результаты прошедших в Москве переговоров президентов России, Азербайджана и Армении, завершившихся подписанием Декларации по урегулированию карабахской проблемы // А.Гурьев. Ситуация в Турции: ноябрь 2008 г. // www.iimes.ru

¹⁴ Зиганшин М.К. Ук. соч. С. 39–45.

¹⁵ Как известно, глава российского оборонного ведомства Сердюков А. поддержал недавнюю инициативу турецкой стороны относительно организации регулярных встреч глав военных ведомств причерноморских стран для обсуждения наиболее важных проблем региона.

¹⁶ Ogan S. Gul'un ziyareti...

¹⁷ Стенограмма выступления и ответов на вопросы СМИ Министра иностранных дел России Лаврова С.В. на совместной пресс-конференции с Министром иностранных дел Турции А.Бабаджаном. Стамбул, 2 сентября 2008 г. // Министерство иностранных дел Российской Федерации – Департамент печати и информации // www.mid.ru

¹⁸ Москва, РИА «Новости», 09.01.2009.

¹⁹ Она нашла свою дальнейшую разработку, в частности, в ходе первого в истории отношений двух стран официального визита главы российского государства, Президента РФ Путина В. в Турецкую Республику 5–6 декабря 2004 г. В ходе визита Путина В.В. в Турцию было достигнуто соглашение о неразглашении конфиденциальных сведений в сфере ВТС, а также соглашение о взаимном соблюдении авторских прав в сфере промышленных изобретений, которые являются предметом военнотехнического сотрудничества. См.: Нешитов Т. Совместная декларация – очередной шаг к стратегическому партнерству // *Most*. 2004, № 5, с. 18–22.

²⁰ Kamalov I. Gul'un Rusya'da gundemi yogun // *Taraf gazetesi* /12/02/2009 // <http://www.tarafgazetesi.com.tr>

²¹ Гурьев А. Ситуация в Турции: ноябрь 2008 г. // www.iimes.ru

²² Объем двусторонней торговли за прошедший год превысил цифру 30 млрд. долларов // Стамбул, 2 сентября 2008 г. // Министерство иностранных дел Российской Федерации – Департамент печати и информации // www.mid.ru

²³ В частности, ограничения в последние годы налагались на сельскохозяйственные предприятия и животноводческие комплексы таких стран, как США, Польша, некоторые государства Латинской Америки, осуществляющие поставки в Россию.

²⁴ Стамбул, 2 сентября 2008 г. // Министерство иностранных дел Российской Федерации – Департамент печати и информации // www.mid.ru

²⁵ Гурьев А. Ук. соч.

²⁶ Стамбул, 2 сентября 2008 г. // Министерство иностранных дел Российской Федерации – Департамент печати и информации // www.mid.ru.

²⁷ Санкт-Петербургские ведомости, 25.12.2008.

²⁸ А.Гурьев. Ук. соч.

²⁹ Там же.

³⁰ Примечательно, что именно турецкие эксперты охарактеризовали межрелигиозный диалог как особый исторический этап в двустороннем сотрудничестве // Гурьев А. Ук. соч.

³¹ Задача вывода двусторонних отношений на уровень «многопланового партнерства» была заявлена в Совместной декларации, подписанной президентом Российской Федерации В.Путиным и президентом Турецкой Республики А.Н.Сезером 6 декабря 2004 г. в Анкаре // Текст Декларации см.: <http://www.kodeks.net>

³² Rusya ile Ortak Deklarasyon // Cumhuriyet, 14 Subat, 2009.

³³ Baslamis C. Turkiye'ye tesekkur // Cumhuriyet, 14 Subat, 2009.

³⁴ Vesti.ru // 13/02/09; Rusya'yla yeni donemin sifresi // Sabah, 13.02.2009.

³⁵ Rusya'yla yeni donemin sifresi // Sabah, 13.02.2009; Sarikaya M. Rusya ile uzay teknolojisi isbirligi // 15 Subat, 2009.

³⁶ Baslamis C. Turkiye ile Rusya guclu ortak oldu // Cumhuriyet, 14 Subat, 2009.

³⁷ В частности, о возможности подключения Турции к союзам, «альтернативным» НАТО и ЕЭС, политические и военные деятели в самой Турции начали говорить сразу после событий 11 сентября 2001 г. и начала широкомасштабных боевых действий в Афганистане // Kiniklioglu S. Turkish-Russian relations: partnership by alienation // Turkish daily news, 31.01.2006; Зиганшин М.К. Ук. соч., с. 68.

**«АРМЯНСКИЙ ФАКТОР» В КОНТЕКСТЕ
ТУРЕЦКО-ИЗРАИЛЬСКИХ ОТНОШЕНИЙ**

Современная Турция категорически отрицает наличие исторического факта геноцида армян в 1915 г. и проводит курс внешнеполитического и внутривнутриполитического «замалчивания» данного исторического события. Действия турецкого государства того времени преподносятся как «депортация» с целью обеспечения безопасности армян. Тема геноцида армян в Турции до сих пор остается под официальным запретом.

Что же касается отношения различных правительств Израиля к геноциду армян, то в оценке событий они проявляют уклончивость. Государство Израиль из политических соображений официально воздерживается от упоминания этого слова. Причины этого очевидны. Турция является важнейшим союзником Израиля в регионе. Это государство также относится к числу немногих стран исламского мира, поддерживающих с Израилем не только дипломатические отношения, но и военно-технические связи. В контексте турецко-израильских стратегических отношений важное значение имеет позиция по проблеме признания геноцида армян, осуществленного правительством Османской Турции в годы Первой мировой войны¹.

Известно, что в истории армянского и еврейского народов прослеживается немало общего. На протяжении длительного времени армяне и евреи жили как этно-религиозные меньшинства среди враждебно настроенных к ним народов. Армяне жили на своей исторической родине (до 1915 г. около 70% армян проживало на территории исторической Армении), в то время как евреи жили на чужбине. Во второй половине XIX века как небольшая еврейская община «ишув» в Палестине/Эрец-Исраэль, так и армяне имели статус миллета (группа людей одной веры, имеющая автономные административные учреждения и обладающая автономными правами), находясь под

правлением переживающей упадок Османской империи². Более того, во второй половине XIX века у армян и евреев начинаются процессы национального «возрождения»³. Приход младотурок к власти в 1908 г. пробудил много надежд – у этих двух народов только для того, чтобы эти надежды обернулись разочарованием. Но в конечном итоге их судьбы оказались разными. Евреям в Палестине удалось пережить своих турецких правителей, в то время как армяне подверглись геноциду – этому «величайшему злу в современной истории», как характеризовал его Генри Моргантау, посол США в Османской империи. Позже евреи стали жертвами Холокоста.

1. Сионизм и армянский вопрос

Несмотря на общность исторических судеб армянского и еврейского народов (Холокост и геноцид, длительное отсутствие государственности, жизнь в разобщенности, значительный вклад в развитие мировой культуры и т.д.), как уже говорилось, Государство Израиль не признает факт геноцида армян в Османской империи в 1915 г. Подход к данной проблеме, разделяемый большинством представителей израильского истеблишмента, сформировался за несколько десятилетий до создания Государства Израиль. В 1901 г. сионист Эммануэль Гарсу посещает Турцию. Ему удается через дворцовых чиновников беев Арифа и Асипа 17 октября 1901 г. получить аудиенцию у султана Абдул-Гамида. Во время приема Гарсу обращается к султану с пространной речью, в которой от имени сионистского центра прямо предлагает султану дать официальное разрешение на образование в Палестине/Эрец-Исраэль для евреев «местного самоуправления». За это он обещает перечислить на текущий счет владыки 5 миллионов франков. Подобное предложение не могло не возмутить повелителя Турции. Эммануэлю Гарсу предложили ни с чем покинуть дворец⁴.

После неудачной миссии Гарсу сионисты пришли к заключению, что поставленная перед ними цель может быть достигнута только после крушения существующего в Турции режима. Тогда-то они и вошли в контакт с деятелями младотурецкой организации «Единение и прогресс», оказывали им большую денежную и организационную помощь. Благожела-

тельность новых турецких правителей и содействие Германии позволили сионистам завоевать прочные позиции в Палестине/Эрец-Исраэль, создать там много населенных пунктов, училищ и школ.

В 1912 г. в Хайфе было заложено здание, которое впоследствии стало самым крупным высшим техническим учебным заведением в Государстве Израиль. Накануне войны в Палестине/Эрец-Исраэль проживало до 125 тысяч евреев⁵. Сионисты оказывали материальную помощь младотуркам. Тем не менее «армянский» вопрос являлся предметом дискуссий внутри сионистского движения. Израильский ученый Яир Орон, автор книги «Банальность непризнания», посвященной проблеме признания сионистским движением и Государством Израиль геноцида армян, упоминает два спора, возникших даже до геноцида. Первое разногласие – это результат резкого различия во взглядах, которое возникло между основателем сионистской организации Теодором Герцлем и Бернардом Лазаром, евреем из Франции, который какое-то время считал себя членом сионистского движения и был одним из тех, кто первым публично выступил в поддержку Дрейфуса⁶. Политические усилия Герцля в последние годы XIX века были нацелены на обхаживание Турции. Он пытался добиться от султана Абдул-Гамида II какого-либо дипломатического признания. Герцль хотел использовать к своей выгоде явные трудности, которые испытывал правитель. Он предложил ему финансовую помощь, посредничество между ним и армянами и обещал также оказать поддержку по улучшению образа султана в глазах общественного мнения Запада. Герцль надеялся получить взамен грамоту на поселение евреев в Палестине/Эрец-Исраэль. Пятый сионистский конгресс, который состоялся в Базеле в 1901 г., выразил публичное уважение султану. Б. Лазар не мог примириться с этим. В армянском журнале на французском языке «Pro Armenia» он опубликовал резкую статью «Сионистский конгресс и Султан», в котором осудил этот конгресс в целом и Т. Герцля, в частности⁷. Авторы многочисленных биографий Т. Герцля почти полностью игнорируют занятую им позицию по оценке трагедии армян. Другое, представляющее интерес для исследователей разногласие, возникшее в еврейской общине Палестины/Эрец-Исраэль и обсуждавшееся в еврейской печати, было связано со статьей редактора газеты «Гацви» Итамара Бен-Ави в 1909 г.

В то время в районе Адана в Киликии было вырезано от 20 до 30 тыс. армян. В своей статье «Мы» («Анахну») Бен-Ави подверг резкой критике евреев за то, что они чувствительны только в отношении страданий своего собственного народа и проявляют безразличие, когда жертвами оказываются другие народы⁸. Эта статья вызвала шумную реакцию, автор подвергся нападкам в еврейской печати в Палестине/Эрец-Исраэль и в других странах.

Несмотря на огромные трудности, ишув пережил Первую мировую войну. Его судьба могла быть гораздо хуже. Евреи знали о геноциде армян и опасались, что их постигнет та же участь. Свидетельства и дневниковые записи того периода говорят о том, что члены еврейской общины ишува и ее руководители знали, что происходит, уже в момент развития событий⁹. Среди представителей сионистского движения особым отношением к событиям, происходившим в Анатолии в это время, выделялись лидеры пробританской организации «Нили» Авшалом Файнберг и Аарон Ааронсон. В 1907 г. Авшалом Файнберг написал книгу «Время угнетенных народов» («The time of oppressed people»), а в октябре и ноябре 1915 г. подготовил два доклада, в которых упоминаются убийства армян. В докладе, направленном Генриетте Шольд, секретарю Совета попечителей американской Экспериментальной (сельскохозяйственной) станции в Атлит он воздал хвалу деятельности американского посла Моргентау в поддержку армян¹⁰.

Аарон Ааронсон, руководитель группы «Нили» также документировал события, произошедшие с армянами. Он пытался помочь им вплоть до своей таинственной смерти в мае 1919 г. Самым важным свидетельством из всех его донесений, документов и оставленного дневника является его конфиденциальный доклад «За Армению». Он представил этот доклад британскому военному министерству в ноябре 1916 г.¹¹ В этом докладе Ааронсон касался ключевых вопросов, имевших отношение к неминувшему проявлению геноцида (даже если этот конкретный термин тогда еще не использовался), а именно: кто знал об этом, какая часть турецкого населения участвовала в уничтожении армян, какова была роль немцев в геноциде, как державы реагировали на это и т.д. В своем докладе Ааронсон выразил также свое личное, человеческое и нравственное отношение к трагедии армян. К сожалению, позиция Авшалома Файнберга и Аарона Ааронсона являлась

скорее исключением, чем правилом. Как отмечает Я. Орон, огромное большинство еврейской общины ишува проявляло безразличие и не выражало своего отношения к катастрофе, постигшей армян, даже когда люди знали, что именно происходит¹². Значительная часть ишува была настроена протурецки. Те, кто в ишuve и сионистском движении протестовал против геноцида армян, который вызывал у них моральный шок, отличались двумя качествами. Во-первых, большинство протестовавших были коренными жителями Израиля. Во-вторых, те, кто выражал свое отношение к геноциду армян, были так или иначе инакомыслящими – неконформистами, «смутьянами», людьми, критически относящимися к сионистскому истеблишменту.

2. Израиль, Турция и политика «противодействия признанию»

С первых лет существования Государства Израиль одним из важнейших аспектов израильской стратегии по обеспечению безопасности государства является тезис о возможности создания «периферийных союзов», предусматривающий сотрудничество в сфере безопасности с неарабскими государствами региона. Начало секретных связей Израиля с христианской Эфиопией и шахским Ираном относится к пятидесятым годам XX столетия. Однако выбор Тель-Авива пал на Турцию. Встреча главы израильского государства Давида Бен-Гуриона с представителями турецкого руководства 29 августа 1958 г. послужила началом тесных разносторонних связей между двумя странами. Израиль рассчитывал, что поддержка со стороны Турции в ближневосточных делах поможет ему укрепить позиции в регионе. Израильские правящие круги считали, что с помощью Турции, значительно усилившей влияние в арабском мире в 80-е годы, можно будет проводить политику расчленения стран Арабского Востока с последующим присоединением к кэмп-дэвидским соглашениям ряда стран арабского мира¹³. Как отмечает Сергей Минасян, «несмотря на периоды взлетов и падений, даже полного охлаждения, эти отношения к середине 90-х годов стали приобретать все большую конкретику и обрели характер полного стратегического партнерства, что дало повод многим экспертам по проблемам безо-

пасности в регионе Среднего и Ближнего Востока говорить о формировании военно-политического альянса между Турцией и Израилем, как о ключевом факторе в проблематике безопасности на современном этапе»¹⁴. В контексте турецко-израильских стратегических отношений немаловажное значение приобретает проблема международного признания геноцида армян, осуществленного правительством Османской Турции в годы Первой мировой войны.

Израиль не признает геноцида армян из политических соображений. Чтобы как-то обосновать свою позицию, учитывая, что евреи сами были жертвами геноцида в XX веке, официальный Израиль аргументирует свое решение тем, что Холокост как уникальное явление несопоставим ни с одним геноцидом в истории человечества. Как отметил министр иностранных дел в правительстве Эхуда Барака Шимон Перес в апреле 2001 г. перед посещением Турции, «бессмысленно утверждать, что армяне, подобно евреям, подверглись геноциду. В вопросе геноцида идентификация армян с евреями неприемлема»¹⁵. По сути, то же самое 8 февраля 2002 г. заявила посол Израиля в Грузии и Армении Ривка Козн: «Холокост – явление беспрецедентное, и ничто, в том числе и трагедию армян, нельзя сравнивать с еврейским геноцидом»¹⁶. Как считают многие аналитики, в своей политике «непризнания» официальная Анкара во многом опирается как на само правительство Израиля, так и на многочисленные еврейские организации в различных странах мира¹⁷. Турецкие лидеры принимают во внимание тесные связи США с Израилем, влияние израильского лобби в США, надеясь с его помощью добиться ослабления армянского и греческого лобби в американском конгрессе и разрешения «армянского вопроса». В этой связи особого внимания заслуживает встреча министра иностранных дел Турции Абдуллы Гюля с израильским послом в Анкаре Пинхасом Авиви 23 августа 2007 г. Напомним, что за день до этого Антидиффамационная лига, объединяющая двенадцать еврейских организаций США, признала резню полутора миллиона армян в Османской империи геноцидом. Причиной признания геноцида армян стал неприятный инцидент, имевший место в городе Бостоне. Местный совет одного из районов Бостона, населенного американскими армянами, опубликовал заявление, критикующее позицию Антидиффамационной лиги. Опасаясь за свой статус, Лига выступила

с поправкой к своему прежнему заявлению. В новом документе упоминается Генри Моргантау, посол США в Османской империи, сообщавший в Вашингтон о резне армянского населения. Министр иностранных дел Турции заявил на встрече с израильским послом: «Турция знает, что заявление Антидиффамационной лиги было сделано без израильского вмешательства. Однако Израиль мог бы что-нибудь сделать, чтобы воспрепятствовать этому заявлению». Израильский представитель разъяснил, что Израиль никак не связан с этим заявлением и полагает, что обеим сторонам «следует стремиться к диалогу, дабы разобраться и установить вместе, что на самом деле произошло»¹⁸. В заявлении Министерства иностранных дел Турции от 22 августа подчеркивается, что «решение Антидиффамационной лиги может нанести ущерб взаимоотношениям Турции, Израиля и Соединенных Штатов и поставить в трудное положение еврейскую общину Турции... Попытка Антидиффамационной лиги переписать историю, вопреки политическим реалиям и здравому смыслу, кажется непостижимой»¹⁹. В Израиле всерьез опасались, что заявление Антидиффамационной лиги может привести к дипломатическому кризису в отношениях с Турцией. В попытке урегулировать ситуацию Израиль направил несколько посланий еврейским организациям США. По мнению некоторых израильских аналитиков, правительство Эрдогана пыталось использовать инцидент, чтобы ослабить отношения между двумя странами. «Это не экстремистский, но все же исламский кабинет министров, – прокомментировал эту ситуацию Барри Рубин из исследовательского центра в Герцлии. – Турецкое правительство может использовать инцидент как предлог и как демагогический шаг, чтобы укрепить свои позиции внутри страны»²⁰. Следует отметить, что за два года до этого, в мае 2005 г., во время официального визита премьер-министра Турции Р.Т. Эрдогана в Израиль и Палестинскую автономию обсуждался вопрос о совместных действиях Турции и Израиля против признания геноцида армян.

Подобные действия предпринимались израильским правительством за несколько лет до описываемых событий. В израильской учебной программе 1995 г. «Восприятие страданий в мире: геноциды 20 века» рассказывалось о геноциде армян и геноциде цыган в годы Второй мировой войны, позже в ней упоминались также имевшие место недавно акты гено-

цида, например в Боснии и Руанде²¹. Спор возник из-за отказа признать геноцид армян. В конечном итоге израильское министерство образования отвергло эту программу. Несмотря на это и вопреки официальной позиции властей, в нескольких средних школах Израиля изучают эту программу. Два фактора определили отклонение этой учебной программы: а) давление со стороны турецкого правительства; б) противодействие ряда весьма влиятельных еврейских групп, которые опасались, что эта программа может нанести ущерб концепции уникальности Холокоста. Уместно отметить, что после исследования мнений студентов университетов и педагогических колледжей Израиля (более 800 студентов) обнаружилось, что большинство из них до сих пор определяет степень осведомленности относительно геноцида армян и геноцида цыган как «совсем не знаю» или «очень немного». Степень неведения среди израильских евреев, вероятно, гораздо выше, чем слабая осведомленность во многих странах о Холокосте²².

14 марта 2007 г. депутат Кнессета от партии МЕРЕЦ Хаим Орон предложил провести обсуждение, посвященное первому геноциду в XX веке. Он подчеркнул, что предлагает всего лишь обсудить, но ни в коем случае не принимать резолюции, которая обязала бы к чему-либо еврейское государство. Вслед за этим, Реувен Ривлин, депутат от партии Ликуд попытался провести параллель между геноцидом армян и Катастрофой европейского еврейства в ходе Второй мировой войны²³. Несмотря на это, большинство депутатов Кнессета проголосовали против обсуждения темы геноцида армян (12 голосов «за» и 15 «против»).

Приблизительно год спустя, 26 марта 2008 г. на пленарном заседании Кнессета в Иерусалиме Хаим Орон вновь поднял вопрос о необходимости обсудить тему геноцида армян 1915 г. Идею Хаима Орона поддержали депутат Кнессета от партии Кадима, председатель межпарламентской группы «Израиль – Армения» Зеэв Элькин, а также арабские депутаты Кнессета и представители левых партий Хадаш и МЕРЕЦ. В этот раз сторонникам признания геноцида армян удалось добиться первого успеха. Судя по всему, армянское лобби в Кнессете в лице Хаима Орона и других депутатов в тесном контакте с армянской диаспорой Израиля тщательно подготовилось к этому заседанию, приурочив его ко дню памяти жертв геноцида армянского народа. Достаточно отметить, что

в парламентской ложе для гостей находились представители армянской общины Израиля, специально приглашенные на заседание Кнессета. Представлявший позицию правительства в Кнессете министр сельского хозяйства Израиля Шалом Симхон (партия «Авода») изложил возражения по поводу рассмотрения данного вопроса на пленарном заседании парламента, однако неожиданно согласился с инициативой депутата Зеэва Элькина, который предложил передать вопрос о признании геноцида армянского народа парламентской комиссии по образованию. В результате депутаты единогласно проголосовали за обсуждение данной темы на заседании парламентской комиссии по образованию. Затем представитель партии «Наш дом Израиль» депутат Иосиф Шагал, который является председателем парламентской ассоциации израильско-азербайджанской дружбы, внес новое предложение о передаче данного вопроса в Комиссию по иностранным делам и обороне. В этих обстоятельствах Комиссии Кнессета по регламенту предстояло решать, где будет обсуждаться вопрос о признании геноцида армянского народа. При этом израильский парламент впервые включил в повестку дня вопрос о признании геноцида армян. Депутат Зеэв Элькин считает, что израильский Кнессет как парламент, принадлежащий к западному миру, должен «признать геноцид армян». «Многие западные страны не только обсудили, но и признали геноцид армян», – сказал З. Элькин в интервью «Trend News»²⁴. По его мнению, еврейский народ, как народ, переживший Холокост, должен с сочувствием относиться к трагедии армянского народа.

С интересной инициативой выступил также депутат Кнессета от партии МЕРЕЦ Ран Коэн. По мнению Коэна, было бы интересным и достойным внимания провести «круглый стол» с участием турецкой, армянской и израильской стороны, при активном содействии членов парламента Израиля. «Я – единственный из фракции, считающий, что вопрос о геноциде армян должен быть предметом обсуждения историков-исследователей, а не предметом политических игр. С этой точки зрения, я поддерживаю идею проведения совместного обсуждения турецкими, армянскими и израильскими специалистами проблемы геноцида армян», – заявил Р. Коэн.

Интересно отметить, что дискуссия о геноциде армян в Кнессете привела к скандалу между депутатами, представляющими русскоязычную общину страны. 1 апреля 2008 г. со-

стоялось заседание Комиссии Кнессета по регламенту, на котором решался вопрос о том, в какой из комиссий должен обсуждаться вопрос о признании Израилем геноцида армян в Турции. В ходе обсуждения депутат Иосиф Шагал заявил, что только популисты могут настаивать на том, чтобы израильский парламент обсуждал тему геноцида армян. В ответ председатель межпарламентской группы «Израиль – Армения» Зеэв Элькин напомнил, что в поддержку обсуждения этой темы выступал, в частности, коллега И. Шагала по партии «Наш дом Израиль», депутат Юрий Штерн²⁵. Реагируя на эти слова, И. Шагал вышел за рамки приличий и публично оскорбил депутата З. Элькина.

По мнению многих аналитиков, шансы на признание Кнессетом Израиля геноцида армян в Османской империи в 1915 г. невелики. Как отмечает упомянутый выше депутат Кнессета Иосиф Шагал, «с точки зрения национальных интересов Государства Израиль, дальше обсуждений в какой-либо из парламентских комиссий дело не пойдет»²⁶. «Я предложил перевести этот вопрос на рассмотрение комиссии по безопасности и иностранным делам. Там сидят профессионалы в вопросах именно иностранных дел и безопасности, которые не будут это обсуждать и отодвинут в сторону вопрос», – сказал И. Шагал²⁷. Действительно, парламентская Комиссия по вопросам образования и культуры является структурой гуманитарной направленности, и если передать ей данный вопрос, то обсуждения могут перейти в гуманитарно-историческую плоскость и затянуться. В то же время в случае, если вопрос о геноциде армян будет переведен в комиссию по иностранным делам и безопасности, сторонники признания армянской трагедии едва ли смогут рассчитывать на положительное голосование по данной проблеме.

Следует отметить, что сама возможность обсуждения геноцида армян в израильском Кнессете вызывает недовольство Анкары. С точки зрения турецких властей, это наносит удар по стратегическим отношениям Турции и Израиля. Кроме того, в обсуждении и, тем более, признании геноцида армян не заинтересованы представители некоторых групп израильского общества. Так, Конгресс азербайджанцев Израиля уже выступил с резким осуждением инициативы Хаима Орона. «В этом смысле мы полностью разделяем и поддерживаем мнение депутата Иосифа Шагала, отражающее интересы под-

линного израильско-турецкого и израильско-азербайджанского сотрудничества и партнерства», – заявил президент Конгресса Алекс Шапиро-Сулиман. Представители Конгресса придерживаются официальной турецкой версии событий 1915 г., согласно которой не армяне, а турки и азербайджанцы подверглись геноциду со стороны армян. С этой точки зрения, действия военизированных формирований армянской партии «Дашнакцутюн» рассматриваются как акты геноцида против азербайджанцев, в результате которых были убиты десятки тысяч мирных и невинных жителей. Сюда же присовокупляется оккупация Арменией двадцати процентов территории независимого Азербайджана в период Нагорно-Карабахской войны 1991–1994 гг., а также случай массовой резни азербайджанского мирного населения в районе города Ходжалы в феврале 1992 г., в период наступления армянских сил по всему фронту карабахского конфликта²⁸. Выяснение вопроса о том, подпадают ли вышеописанные случаи массовых убийств азербайджанского населения армянами под термин «геноцид» (вероятность чего весьма высока) требует, на наш взгляд, специального обсуждения с участием армянской и азербайджанской сторон. Однако в данном случае становится очевидным стремление некоторых политиков сместить акценты в обсуждении проблемы геноцида армян на вопросы, не имеющие прямого отношения к армянской трагедии 1915 г. По мнению представителей Конгресса азербайджанцев Израиля, даже обсуждение темы геноцида армян на заседании парламентской комиссии Кнессета наносит серьезный ущерб авторитету Израиля на международной арене. Алекс Шапиро-Сулиман обратился к президенту Израиля Шимону Пересу, спикеру Кнессета Далии Ицик и главе израильского правительства Эхуду Ольмерту с призывом занять здравомыслящую и объективную позицию в отношении геноцида армян.

Мнение А. Шапиро-Сулимана разделяют многие представители правого электората. Выразителем этой точки зрения данной части израильского политического спектра стал бывший депутат Кнессета, лидер партии «Херут» Михаэль Кляйнер. «Ни одна трагедия в мире не сравнится с Холокостом – Катастрофой европейского еврейства. Возможно, было несчастье, но никому не дано право сравнивать его с трагедией моего народа, потерявшего шесть миллионов человек. Те люди, которые добиваются в Кнессете обсуждения и признания

геноцида армян, оскверняют чувства выживших в Катастрофе людей и память жертв самой ужасной трагедии еврейского народа», – заявил М. Кляйнер²⁹. Аналогичной позиции по вопросу о геноциде армян придерживается и уже упомянутый выше депутат Кнессета от партии «Наш дом Израиль» Иосиф Шагал: «Ни один, даже самый уважаемый депутат Кнессета не вправе ответственно говорить от имени всего еврейского народа. Безусловно, все, что произошло в годы Первой мировой войны с армянами Турции, когда были умерщвлены полтора миллиона человек, иначе как трагедией назвать нельзя. Но я по-прежнему считаю глубоко оскорбительными и даже богохульственными попытки некоторых историков сравнивать Катастрофу европейского еврейства в годы Второй мировой войны с массовым истреблением армянского народа в годы Первой мировой войны. Причина безжалостного истребления шести миллионов евреев заключалась исключительно в том, что они были евреями... Это и есть классический геноцид, то есть массовое истребление народа по этническому признаку, которому в XX веке, кроме евреев, подвергались только цыгане. Что и было доказано и подтверждено в материалах Нюрнбергского трибунала. Что же касается истребления полтора миллиона армян, то здесь картина принципиально иная: стремясь к обретению государственности и национальной независимости, турецкие армяне встали на сторону Российской империи, воевавшей против Турции. За что и заплатили – и это бесспорно! – очень дорогую цену. Я глубоко уважаю скорбь армянского народа, но в то же время категорически отвергаю в данном контексте любые параллели с Катастрофой европейского еврейства! И как еврей, и как историк...»³⁰. Очевидно, что утверждения Иосифа Шагала являются более чем спорными. Тем не менее аналогичную позицию в вопросе о необходимости признания геноцида армян разделяют многие депутаты израильского парламента.

Помимо тезиса об опасности сравнения и проведения каких-либо параллелей между резней армян в 1915 г. и Катастрофой европейского еврейства в период Второй мировой войны противники признания геноцида при обосновании своей позиции выдвигают и другой довод: в случае признания геноцида армян Кнессету придется столь же ответственно рассмотреть и вопрос Голодомора 30-х годов, который Украина принципиально квалифицирует как геноцид украинского

народа, требуя признать ответственным за него Россию, что, без сомнения, приведет к обострению отношений с Москвой. Или признать геноцид ассирийского народа, когда в 1915–1922 гг. (одновременно с истреблением полутора миллионов армян) те же турки уничтожили сотни ассирийских деревень, вырезав при этом десятки тысяч ассирийских женщин, стариков и детей, что немедленно скажется на взаимоотношениях с Турцией. И уж наверняка вынести на обсуждение Кнессета требование признать геноцидом африканского племени хуту кровавую резню, учиненную племенем тутси в Руанде. Кроме того, не следует забывать, что в Турции в отличие от Армении проживают десятки тысяч евреев и численность еврейского населения Азербайджана оценивается некоторыми экспертами в двадцать тысяч человек. В этой ситуации положительное решение Кнессета о признании геноцида армян может сказаться на положении евреев в этих странах.

Не стоит списывать со счетов и возможность усиления антисемитских настроений как в Турции, так и в Азербайджане. При этом следует отметить, что Азербайджан является важным стратегическим партнером Израиля на постсоветском пространстве. 90-е годы стали периодом активизации израильской политики в Азербайджане. В декабре 1999 г. Баку посетил заместитель министра обороны Израиля бригадный генерал Эфраим Снэ, являющийся председателем со стороны Израиля в американо-азербайджано-израильской межпарламентской группе дружбы, созданной еще в 1998 г. в ходе визита в США Ильхама Алиева. Эфраим Снэ провел ряд встреч с официальными лицами Азербайджана, в том числе и с президентом Гейдаром Алиевым, на которых обсуждались различные вопросы двустороннего сотрудничества, а также региональные проблемы. Позднее состоялись и другие визиты, встречи и консультации официальных лиц Израиля и Азербайджана. По различным оценкам, Израиль, кроме оружия, направил в Азербайджан также технику связи, около ста сорока военных специалистов и советников по проблемам безопасности³¹. Признание Израилем геноцида армян может поставить под угрозу будущее азербайджано-израильского сотрудничества как в политической, так и в военной сферах.

По всей видимости, у инициативы депутата Хаима Орона нет перспектив (по крайней мере, в ближайшее время), и вопрос о признании геноцида армян будет рассмотрен, исходя

из стратегических интересов Израиля. Трудно представить, что в той ситуации, в которой вот уже шестьдесят лет находится Израиль, полный состав Кнессета будет готов признать геноцид армянского народа. Однако не исключено, что в ближайшие восемь-десять лет данная ситуация может измениться, так как сама геополитическая карта Ближнего Востока сегодня претерпевает значительные изменения. Это касается и турецко-израильского сотрудничества, и отношений Турции с соседними странами.

3. Перспективы турецко-израильского сотрудничества в контексте региональной политики

Следует отметить, что в настоящее время Израиль и Турция переживают далеко не лучший период взаимоотношений. В этой связи можно упомянуть петицию, призывающую к разрыву отношений между Турцией и Израилем, а с другой стороны, к углублению отношений с арабскими государствами. Летом 2000 г. петицию подписали свыше четырехсот турецких офицеров. Кроме этого, глава объединения независимых промышленников и предпринимателей Али Огло призвал к пересмотру отношений с Израилем после инцидента с участием Ариэля Шарона в мечети Аль-Акса (*28 сентября 2000 премьер-министр Израиля Ариэль Шарон и члены партии Ликуд, с охраной, посетили мечеть Аль-Акса, что вызвало недовольство палестинцев и послужило поводом к началу Второй интифады*), назвав его вызовом религиозным чувствам не только палестинцев, но и всех мусульман. Действительно, нельзя однозначно говорить, что многие в Турции разделяют мнение о необходимости развития военно-политического сотрудничества с Израилем. Как отмечает Сергей Минасян, «в недрах турецкого общества многие рассматривают альянс с Израилем как предательство национальных интересов Турции и исламских идей в целом. Одновременно эти проявления тесно увязываются с антисемитскими и паносманистскими (реваншистскими) стереотипами, прочно укоренившимися среди турецкой политической элиты и интеллигенции»³². Таким образом, в израильско-турецких отношениях намечается существенный спад. Турецко-израильские отношения значительно обострились и в связи с последними событиями в Ираке,

где, как известно, Израиль активно поддерживает местных курдов. Кроме того, в последние годы намечается геополитическое сближение Турции и Сирии. Визит в Турцию президента Сирии Башара Асада, первый в истории двусторонних отношений Дамаска и Анкары, по сути, подвел черту под их многолетней враждой по многим направлениям – от распределения водных ресурсов до оказания властями Сирии поддержки террористам. Недавнее ближневосточное турне министра иностранных дел Турции Али Бабаджана с посещением Дамаска явно добавило нервозности израильским политикам. На ум приходят слова Гейдара Джемалю, сказанные им в прямом эфире Первого канала российского телевидения: «На наших глазах формируется новый геополитический альянс, в состав которого, по всей видимости, войдут Турция, Сирия и Иран» (недословная цитата).

Подобный сценарий развития событий не столь фантастичен, как кажется на первый взгляд. История Ближнего Востока знает примеры создания еще более невероятных военно-стратегических союзов. Достаточно вспомнить военно-политический альянс монголов и крестоносцев, направленный против мусульман, в XIII веке, или союз, заключенный между римлянами и персами (непримиримыми противниками) с целью раздела и последующего уничтожения Армянской империи в IV столетии.

Формирование «пакта» Дамаск-Анкара может быть обусловлено геополитической обстановкой, складывающейся на Ближнем Востоке. Для создания турецко-сирийской коалиции созданы не только внешнеполитические (распространение исламизма, борьба за лидерство с Саудовской Аравией), но и внутривосточные предпосылки. Во-первых, несмотря на всю исламистскую риторику, как турецкий, так и сирийский режимы в целом носят светский характер. Во-вторых, и в Турции, и в большей степени в Сирии сильны антиамериканские (а в некоторых случаях и антихристианские) настроения (особенно в свете заявлений Джорджа Буша о необходимости противостояния «оси зла» и далеко неполиткорректных высказываний Папы Римского Бенедикта XVI в адрес пророка Мухаммеда). В-третьих, национализм обеспечивает внутривосточную стабильность и сохранность правящих режимов. О турецком национализме речь шла выше. Что же касается «государственного» национализма в Сирии, то его наи-

более заметными проявлениями стали частые нарушения прав представителей христианского меньшинства, а также тяжелое положение, в котором пребывает еврейская община Сирии, фактически находящаяся на положении «заложника» алавитского режима с 1967 года. И в Турции, и в Сирии значительную роль в политике играют военные структуры. Что же касается последующего присоединения Тегерана к «пакту» Дамаск-Анкара, то несмотря на все имеющиеся разногласия между тремя странами (соперничество Сирии и Ирана в Ливане, территориальные претензии Ирана и Турции друг к другу, уходящие своими корнями в XVI–XVIII столетия – период войн между Османской империей и Персией за обладание армянскими землями и т.д.), а также религиозные споры между суннитами и шиитами (составляющими большинство населения Ирана), общность политических интересов Дамаска, Тегерана и Анкары прослеживается в трех ключевых вопросах (за исключением арабо-израильского конфликта, так как Турция пока еще является важным стратегическим союзником Израиля), связанных с безопасностью в регионе.

Прежде всего речь идет о курдском факторе. Из сорока миллионов курдов, проживающих на Ближнем Востоке, около двадцати находятся на территории Турции, восемь миллионов в Ираке, более семи миллионов в Иране, приблизительно пять миллионов курдов проживает в Сирии. Возможное создание в регионе независимого курдского государства приведет к изменениям политической карты Ближнего Востока не в пользу Дамаска, Тегерана и Анкары, а война за освобождение Курдистана может повлечь за собой огромные демографические потери. В этой связи важнейшей внешнеполитической задачей всех трех государств является противодействие курдскому национально-освободительному движению. Вторым вопросом, по которому позиции трех стран также сходятся, является Ирак. Дамаск и Тегеран открыто критикуют действия Вашингтона на Ближнем Востоке. Существует значительная вероятность того, что вскоре к ним присоединится и Анкара. Поводом для критики американской администрации может послужить факт «избрания» президентом Ирака курда Джаляля Талабани.

Каждая из трех граничащих с Ираком стран имеет в нем свои интересы. При этом Сирия, Турция и Иран недовольны присутствием американцев и их союзников на Ближнем Вос-

токе и заинтересованы в скорейшем выводе войск США и Североатлантического альянса из Ирака. Единство позиций трех государств обнаруживается и в другом, не менее важном вопросе. По существу, каждая из трех вышеперечисленных стран представляет собой своего рода мини-империю. Из семидесяти миллионов жителей Ирана представители государствообразующей нации – персы составляют лишь немногим более 50%. Остальные народы Ирана проявляют разную степень лояльности правящему режиму – от выражения согласия буквально по всем вопросам внутренней и внешней политики (парсы, ассирийцы) до попыток организации политической оппозиции (курды, пуштуны). Особенно сильны сепаратистские настроения в так называемом Иранском Азербайджане (северо-западные районы страны). Не отличается однозначностью и иранская политика в отношении религиозных меньшинств. Несмотря на то, что каждая зарегистрированная религиозная община имеет свое представительство в парламенте страны, многие конфессии Ирана подвергаются открытой дискриминации. Так, решение парламента страны, обязывающее иудеев, христиан, а также представителей прочих религиозных меньшинств носить на одежде специальные бирки различных цветов – в зависимости от конфессиональной принадлежности (иудеи обязаны выходить на улицу с желтой полоской на одежде, христиане – с красной, а зороастрийцы – с синей, кроме того, все немусульмане, проживающие в Иране, обязаны придерживаться исламских правил ношения одежды), нельзя охарактеризовать иначе, как расистское.

Таким образом, в своей политике по отношению к религиозным меньшинствам Тегеран придерживается принципа «кнута и пряника», меняя в зависимости от сложившейся политической конъюнктуры не только свои приоритеты, но и методы воздействия на неисламские конфессии. Однако неизменной остается главная цель режима – сохранение целостности очень пестрой в этноконфессиональном отношении страны. О политике Анкары и Дамаска в национальном вопросе речь шла выше. Очевидно, что ни Турция, ни Сирия, ни Иран не заинтересованы как в усилении исламистских настроений (несмотря на то, что в 1979 г. Иран был провозглашен Исламской республикой, а главой государства по конституции является духовный лидер шиитов, фактически власть сконцентрирована в руках клерикалов умеренного толка), так

и в предоставлении более широкой автономии (не говоря уже о независимости) курдам, ассирийцам, азербайджанцам и другим этническим группам. По мнению Гейдара Джемалю, союз Дамаска, Тегерана и Анкары формируется на наших глазах. Следующая фраза Г. Джемалю вызвала удивление не только у присутствующих в студии Первого канала, но и у многочисленной аудитории программы «Времена»; смысл ее сводился к тому, что наряду с союзом Турции, Ирана и Сирии якобы создается коалиция Израиля, Армении и курдов. На первый взгляд, точка зрения Гейдара Джемалю может показаться недостаточно обоснованной. Едва ли кто-либо из российских политологов пытался в последнее время рассматривать возможность создания геополитического союза Еревана и Тель-Авива. На протяжении всех 90-х годов армяно-израильские отношения оставались в зачаточном состоянии. Из всех государств СНГ лишь Армения и Таджикистан выделялись тем, что не имели представителей в Израиле, а Израиль не имел представителей в этих странах. Однако анализ развития взаимоотношений Армении и Израиля за последние десять лет показывает, что мнение Г. Джемалю подтверждается реальными историческими фактами.

Первая серьезная попытка установить контакты с Иерусалимом была предпринята Ереваном в мае 1999 г. Тогда в армянской столице состоялся первый раунд переговоров представителей внешнеполитических ведомств двух стран. Это событие вызвало чрезвычайное раздражение Анкары и Тегерана. Несмотря на реакцию иранских партнеров, в январе 2000 г. армянский президент впервые посетил еврейское государство. В рамках визита состоялись рабочие встречи Роберта Кочаряна с руководителями исполнительной и законодательной власти Израиля. Одним из крупнейших проектов Израиля в Армении стала покупка 19 июля того же года израильской компанией LLD Diamond Ltd. армянского гранильного предприятия «Шогакн» за \$370 тыс. Однако далее развитие двусторонних отношений было прервано интифадой «Аль-Акса», начавшейся осенью того же года. Освещение событий в зоне конфликта армянскими масс-медиа нередко носило откровенно антиизраильский характер. Это происходило как благодаря усилиям проиранского лобби в деловых кругах республики, так и вследствие действий израильских войск в районах расположения объектов армянской церкви на палестинских территориях³³.

Взаимоотношения Израиля и Армении получили новый импульс в 2002 г. В ноябре 2002 г. Израиль посетил заместитель министра иностранных дел Республики Армения Рубен Шугарян. В следующем году, общаясь с российскими журналистами, он заявил: «Есть проблемы, которые нас время от времени озадачивают, в особенности касающиеся отношений Израиля с Турцией. Но мы ведем с Израилем политический диалог и имеем возможность поднимать все наболевшие вопросы»³⁴. Незадолго до этого, в январе 2003 г., председатель Национального Собрания Армении Армен Хачатрян встретился с заместителем директора внешнеполитического ведомства Израиля Давидом Пелегом. Во время встречи А. Хачатрян отметил важность укрепления межпарламентских связей между странами, подчеркнув, что уже действует парламентская группа дружбы Армении и Израиля (АРКА). В свою очередь Д. Пелег заявил, что впервые находится в Армении, однако будучи знаком с историей армянского и еврейского народов, видит серьезные возможности для развития двусторонних отношений в области политики и экономики. В качестве примера он привел сотрудничество Армении и Израиля в алмазообрабатывающей области и в сфере здравоохранения. Д. Пелег выразил надежду, что после выборов в Израиле и Армении «дружеские отношения между странами еще более укрепятся» (АРКА). По оценкам дипломатов с обеих сторон, эти два визита послужили прорывом на пути развития армяно-израильских отношений³⁵. В октябре 2004 г. Ереван посетили два израильских дипломата. На встрече с гостями из Тель-Авива министр сельского хозяйства Армении обсудил вопросы сотрудничества в курируемой им области. По итогам года глава МИД Армении заявил об активизации контактов с Израилем в рамках ООН, а также в консульской и межправительственной сферах. Сотрудничество между двумя странами наметилось в сфере экономики, информационных технологий, сельского хозяйства, медицины.

Ереван публично демонстрировал интерес к развитию отношений с еврейским государством. 2005 г. оказался наиболее выдающимся с точки зрения развития армяно-израильских отношений. В мае Иерусалим посетила крупнейшая в истории двусторонних контактов армянская делегация, численностью почти восемьдесят человек. Среди них выделялись: Католикос всех армян Гарегин II, председатель Всемирного армян-

ского конгресса Ара Абрамян, министр обороны Армении Серж Саркисян, глава Центрального банка Тигран Саркисян, ряд высокопоставленных дипломатов и крупных бизнесменов. По итогам визита Католикос провозгласил «начало новой эры отношений между евреями и армянами»³⁶. В ноябре 2005 г., по приглашению Католикоса в Ереван прибыл главный раввин Израиля Йона Мецгер. Он посетил мемориал памяти жертв геноцида армян в Османской империи и встретился с премьер-министром Армении Андраником Маргаряном. Отметив историческую общность народов Армении и Израиля, А. Маргарян высказался за укрепление двусторонних отношений и связей, усвоение уроков прошлого и развитие сотрудничества, направленного на совместное строительство достойного будущего двух народов и государств³⁷. Премьер-министр Армении также отметил, что хорошей основой для развития армяно-израильских отношений является то, что Армения находится в числе тех стран, где нет религиозной дискриминации, а также проявлений антисемитизма, что, по его мнению, является важным приобретением народов Армении и Израиля и создает благоприятные условия для мирного сосуществования армян и евреев. Он заверил, что правительство Армении готово обсудить с Израилем перспективы сотрудничества как в экономической, так и культурной, научной и других сферах³⁸. Поблагодарив за теплый прием, главный раввин Израиля Йона Мецгер отметил общность судьбы армянского и еврейского народов, подчеркнув, что у народов Армении и Израиля есть такие исторические общности, которые делают отношения армян и евреев дружественными и братскими. Согласившись с точкой зрения А. Маргаряна о том, что в Армении нет проявлений антисемитизма, Йона Мецгер выразил уверенность, что как армянская община в Израиле, так и еврейская община в Армении в дальнейшем продолжают жить в мире и согласии, содействуя дальнейшему укреплению сотрудничества между народами и государствами³⁹.

В январе 2006 г. впервые в истории двусторонних отношений самолет авиакомпании Armenian Air Lines приземлился в израильском аэропорту Бен-Гурион. С этого момента авиакомпания осуществляет еженедельный рейс по маршруту Ереван-Москва-Тель-Авив. Появление самолета армянской авиакомпании в центральном израильском аэропорту имело куда большее политическое, нежели экономическое значение.

Это событие стало результатом постепенного потепления в отношениях Армении и Еврейского государства.

Таким образом, в начале XXI века появились предпосылки для создания геополитического союза Тель-Авива и Еревана. Очевидно, что если прогноз Гейдара Джемала сбудется, и данная тенденция будет продолжать усиливаться, Государству Израиль со временем придется пересмотреть свое отношение к проблеме признания геноцида армян в Османской империи.

4. Израильская общественность и геноцид армян

Тот факт, что Израиль не признал геноцид армян на законодательном уровне, не означает отрицания реальности этого исторического события или равнодушия к нему. В этом контексте следует упомянуть заявление министра образования Йоси Сариды, которое было сделано 24 апреля 2000 г. на траурном собрании армянской общины в Иерусалиме. Министр сказал: «В течение многих лет вы одни отмечали этот день памяти. Я осознаю особую значимость моего присутствия здесь сегодня вместе с другими израильтянами. Сегодня, быть может, впервые вы не так одиноки». Он сказал также: «Я нахожусь здесь с вами как человек, как еврей, как израильтянин и как министр образования Израиля». Оратор закончил свое заявление заверением добиться того, чтобы тема геноцида армян была включена в учебную программу средних школ Израиля. Он добавил: «Я хотел бы видеть, чтобы он был центральным разделом курса о геноциде, этого гигантского и бесчеловечного зверства. Геноцид армян должен занять видное место в учебной программе, которая воздаст должное национальной и личной памяти каждого из вас, памяти всех представителей вашей нации. Это – наше обязательство перед вами, это наше обязательство перед самими собой»⁴⁰.

Отдельного упоминания также заслуживает мнение исполнительного директора Института Холокоста и геноцида, главного редактора энциклопедии по геноциду, профессора психологии Исраэля Чарни. По его словам, народ и общество Израиля признают геноцид армян, но на уровне правительства эта тема не поднимается⁴¹. Мнение И. Чарни подтверждается данными социологических опросов. Так, 2 октября 2007 г.

на израильском сайте NEWSru.co.il был завершен опрос по теме «Израиль и геноцид армянского народа», проводившийся в два этапа – 27 и 28 августа и 2 октября. В опросе приняли участие более 560 респондентов (561 чел.), из которых 509 ответили на все вопросы. Опрос был связан с заявлением Антидиффамационной лиги о необходимости признания массового истребления армян в 1915 г. геноцидом армянского народа. Как показал опрос, проведенный редакцией сайта, абсолютное большинство респондентов (82,5%) согласно с мнением, что народ Израиля, переживший свою Катастрофу, не вправе отрицать катастрофу народов других стран. При этом 72,4% считают, что Израиль должен признать массовые убийства армян в Турции в 1915 г. геноцидом армянского народа. Примечательно, что 43,8% участников опроса полагают, что Израиль должен признать Геноцид армян даже ценой разрыва отношений с Турцией. 35,2% заявляют, что такую цену Израиль платить не должен. 48% считают, что Турцию, в принципе, можно убедить в необходимости признания геноцида армянского народа. 33,2% не верят в подобную перспективу⁴². Сам Исраэль Чарни неоднократно выступал с критикой официальной позиции Израиля по вопросу о признании геноцида армян. В 2004 г. он принял участие в международной конференции на тему «Факт признания геноцида в урегулировании армяно-турецких отношений». Одним из результатов этого стало открытое обращение Чарни к министру иностранных дел Израиля Сильвану Шалому с призывом признать факт геноцида армян в Османской Турции.

В Старом городе Иерусалима есть армянский квартал (наряду с мусульманским, еврейским и христианским). В нем имеется очень скромный музей армянского народа. Его очень редко посещают туристы, указания о нем отсутствуют в туристических буклетах⁴³. В этом музее есть экспонаты, посвященные трагедии армян в годы Первой мировой войны, в том числе и относящиеся к событиям, имевшим место на территории современного Израиля, входившей тогда в состав Османской империи. По своей инфраструктуре он намного уступает музею-мемориалу «Яд ва Шем», посвященному памяти жертв Холокоста, однако его наличие позволяет говорить о том, что постепенно в Израиле и дальше будет меняться отношение к признанию геноцида армян. Тем более, что армяне, проживающие в Израиле, в большинстве своем являются его гражданами.

данами. Еврейская общественность Израиля понимает и признает трагедию своих сограждан-армян как геноцид, чему есть многочисленные подтверждения как в Израиле, так и в других странах. Тем не менее политическое руководство страны будет скорее всего по-прежнему придерживаться линии на непризнание геноцида армян, так как игнорирование геноцида армян имеет особое значение, поскольку Израиль считает себя государством, которое олицетворяет жертвы Холокоста и память о нем. Холокост является важным и центральным компонентом в деле консолидации еврейства в Израиле и будет оставаться центральным элементом в самобытности Израиля.

¹ Насколько известно, единственной работой, опубликованной в нашей стране по данной теме, является небольшая недавно вышедшая статья: Аветисян Р.Г. Проблема непризнанного геноцида в отношениях Государства Израиль и Республики Армения // Наири (Нижний Новгород). 2008, № 4, с. 19–24. Небольшой объем указанной публикации не позволил рассмотреть в ней весь комплекс вопросов, значимых для израильско-армянских и израильско-турецких отношений; эту лауну и призвана заполнить настоящая статья.

² Yair Oron. The Banality of Indifference. Zionism and the Armenian Genocide. New Brunswick and London: Transaction Publishers, 1999, с. 8.

³ Саркисян А. Сионизм от Теодора Герцля до лорда Ротшильда и армянский вопрос // Армянский вестник. 1999, № 1–2, с. 59.

⁴ Там же.

⁵ Там же, с. 66.

⁶ Yair Oron. The Banality of Indifference, с. 101.

⁷ Саркисян А. Сионизм от Теодора Герцля до лорда Ротшильда и армянский вопрос, с. 66.

⁸ Yair Oron. The Banality of Indifference, с. 122.

⁹ Там же, с. 67.

¹⁰ Там же, с. 162.

¹¹ Там же, с. 171–176.

¹² Там же, с. 370.

¹³ См.: Иванова И. Турецко-израильские отношения и проблемы региональной безопасности // Ближний Восток: проблемы региональной безопасности. Москва: Институт изучения Израиля и Ближнего Востока, 2000, с. 80–91.

¹⁴ См. Минасян С. Непризнанный геноцид // Интернет-портал «Новая политика» (статья размещена 24 мая 2005 г.)

Интернет-сайт: <http://www.novopol.ru/text12463.html>

¹⁵ См.: Анохин В. Израиль не признает геноцид других народов? // Статья размещена 21.04.2008 на Интернет-сайте:

<http://www.newsplaneta.com/2008/04/21/izrael-ne-priznaet-genocid-drugix-narodov.html>

¹⁶ См. там же.

¹⁷ См.: Минасян С. Указ. соч.

¹⁸ См.: Отношения между Анкарой и Тель-Авивом могут испортиться» // Сообщение информационного агентства «ANS-PRESS», 24.08.2007.

Интернет-сайт: <http://www.ans.az/print32093.html>

¹⁹ См.: 22 August 2007, Statement of the Spokesman of The Ministry of Foreign Affairs of Turkey in Response to a Question // Информация размещена на официальном сайте МИД Турции 22.08.2007.

²⁰ См.: Отношения между Анкарой и Тель-Авивом могут испортиться.

²¹ Yair Oron. The Banality of Indifference, с. 366.

²² Там же, с. 367.

²³ Ахимеир Я. Двойным стандартом по Геноциду армян // Maariv, 27.08.2007 [на иврите].

²⁴ См.: Шансы на одобрение Кнессетом Израиля «геноцида армян» невелики // Сообщение информационного агентства «Trend News», 27.03.2008.

Интернет-сайт:

<http://news.trend.az/index.shtml?show=news&newsid=116322&lang=RU>

²⁵ См.: Дискуссия о геноциде армян привела к скандалу между «русскими» депутатами Кнессета // Сообщение информационного агентства «NEWSru.co.il», 01.04.2008.

Интернет-сайт: http://www.newsru.co.il/israel/01apr2008/shagal_110.html

²⁶ См. там же.

²⁷ См.: Шансы на одобрение Кнессетом Израиля «геноцида армян» невелики.

²⁸ См.: Томас де Ваал. Черный сад. Армения и Азербайджан между миром и войной. М.: Текст, 2005, с. 232–235.

²⁹ См.: Шансы на одобрение Кнессетом Израиля «геноцида армян» невелики.

³⁰ См.: Кнессет возвращается к теме геноцида армян // Сообщение информационного агентства «Курьер», 27.03.2008.

Интернет-сайт: <http://www.courier.co.il/?id=24844>

³¹ См.: Минасян С. Непризнанный геноцид.

³² См. там же.

³³ См.: Сами Розен. Армения и Израиль бросают вызов Ирану и Турции // Статья размещена 20.01.2006 на Интернет-сайте: <http://www.axisglobe-ru.com/article.asp?article=108>

³⁴ См. там же.

³⁵ См. там же.

³⁶ См. там же.

³⁷ См.: Усилия по признанию геноцида армян направлены на предотвращение геноцидов в будущем // Сообщение информационного агентства «Jewish News», 23.11.2005.

Интернет-сайт: http://jn.com.ua/events/genocide_2311.html

³⁸ См.: там же.

³⁹ Официальная информация, размещенная 22 ноября 2005 г. на сайте правительства Республики Армения:

http://www.gov.am/ruversion/information_centre.8/official_news_ru.php?date=32603200

⁴⁰ См.: Минасян С. Непризнанный геноцид.

⁴¹ См.: Правительство Израйля не признает геноцид армян из политических соображений // Сообщение информационного агентства «PanArmenian.net», 18.05.2006.

Интернет-сайт:

<http://www.panarmenian.net/news/rus/?nid=18040>

⁴² См.: Бородин М. Кнессет согласился обсудить вопрос о признании геноцида армян // Сообщение информационного агентства «Newsru.co.il», 26.03.2008.

Интернет-сайт: <http://newsru.co.il/israel/26mar2008/armen8016.html>

⁴³ См.: Сулейманов Р. Израиль и проблема признания геноцида армян» // Статья опубликована на сайте Института Ближнего Востока, 11.04.2007.

Интернет-сайт: <http://www.iimes.ru/rus/stat/2007/11-04-07.htm>

**СОВРЕМЕННЫЕ КОНЦЕПЦИИ МОДЕРНИЗАЦИИ
ИСЛАМСКИХ ОБЩЕСТВ (НА ПРИМЕРЕ ВЗГЛЯДОВ
АБДУЛКАРИМА СОРУША И ФЕТХУЛЛЫ ГЮЛЕНА)**

Модернизационная парадигма развития человеческого общества наряду с двумя другими парадигмами – формационной¹ и цивилизационной² – была сформирована в середине 20 века, когда в результате распада европейских колониальных империй появилось большое количество "молодых наций" в Азии, Африке и Латинской Америке. Основным побудительным мотивом для появления теории «модернизации» послужила проблема перехода обществ возникших независимых государств от традиционного к современному типу развития, достижение в результате этого перехода сокращения разрыва в уровнях развития с западными странами. Рождение современного социума предполагало его становление как индустриального общества с промышленной экономикой, высокой социальной динамикой и правовой основой в сфере политики, которая выражалась в установлении и соблюдении принципов демократии, таких как выборность органов политической власти, конституционализм и местное самоуправление. Главным эталоном для модернизации развивающихся стран стал опыт Запада. Вследствие этого модернизация нередко носила характер вестернизации или «догоняющего развития»³, когда основой трансформации общества служили западные общественно-политические ценности.

Общая волна модернизации по западному образцу охватила не все страны. Так, примером может послужить опыт Исламской Республики Иран. Образованное в 1979 г. в Иране исламское государство противопоставило себя политической, экономической и даже культурной модели дореволюционного вестернизированного развития. Революционные события дали импульс реализации новой концепции государственного устройства, основанной на шиитском исламе, что придавало осо-

бую значимость религии, которая внесла коррективы в систему координат мирового развития и повысила в ней значимость цивилизационного фактора. Таким образом, можно сказать, что «ИРИ стала своеобразной лабораторией, в которой революционный ислам впервые в мировой практике стал средством для разрешения проблем, вставших в целом перед исламской цивилизацией в XX веке»⁴.

Однако современные процессы, происходящие в мире, служат ярким подтверждением того, что даже такая прочная исламская общественно-политическая система, как в Иране, нуждается в принятии новых моделей общемирового развития. Иранское общество, как и накануне исламской революции, находится в состоянии крайней социальной напряженности. Созданная Хомейни модель иранской государственности находится в процессе трансформации, а скорость изменений и, главное, их направленность во многом будут зависеть от поиска религиозных основ и новых общественно-политических концепций этой трансформации.

Подобные общественные тенденции наблюдаются не только в ИРИ, но и во многих странах, которые еще стоят лицом к лицу перед проблемой модернизации. На сегодняшний день на смену партикуляризму – «вере в особый путь» для каждой страны приходит идея о синтезе универсализма и партикуляризма. Поиски такого сочетания становятся основной проблемой развития многих стран, в том числе и Ирана, поскольку нарушение баланса между современностью и традиционностью в этих странах ведет к неудаче преобразований и острым социальным конфликтам. Как следствие нарастающих процессов глобализации и вместе с тем происходящих изменений в общественно-политической сфере внутри самих государств в странах ислама возникает новое направление реформаторской мысли. Последователи такой школы ратуют за модернизацию, учитывающую достижения современной науки, политической и социальной мысли, но при этом обращаются к исламу как к источнику ценностей и идеологии мусульманского общества. Среди представителей этого направления исламской мысли стоит выделить двух виднейших современных реформаторов: иранского мыслителя и философа Абдулкарима Соруша и турецкого ученого и общественного деятеля Фетхулла Гюлена.

Обращение к творчеству известного иранского мыслителя Абдулкарима Соруша позволяет выявить философское обосно-

вание необходимости реформирования исламской религиозной системы и вместе с тем нового понимания исламского государства в современном мире. Представления о роли ислама в наше время, о создании на его основе истинно мусульманской общности и исламского государства разрабатывались Сорушем на протяжении всего периода со времен революции в Иране 1979 года. Его концепция религиозной демократии появляется в послереволюционный период на фоне возраставшей в политике страны роли шиитского духовенства. Отправной точкой для формирования мыслителем новой парадигмы развития иранского общества послужило критическое восприятие им сложившегося в стране исламского правления и интерпретации духовенством роли религии в жизни отдельного гражданина.

Несмотря на весьма активную теоретическую и практическую деятельность в 1970–80-е гг. и тесное сотрудничество с правительством ИРИ в этот период (Соруш был членом Консультативного совета по вопросам культурной революции в Иране), Соруш, признававший недостатки сложившегося в стране строя, постепенно перешел в лагерь противников хомейнистской концепции «исламского государства».

Ежемесячный журнал «Киян», основанный Абдулкаримом Сорушем в 90-х годах, стал полем свободной дискуссии, принятой в штыки религиозными авторитетами. В этом журнале публиковались злободневные материалы, касающиеся религиозного плюрализма, интерпретации религии, терпимости и клерикализма. Журнал был запрещен в 1998 г. по прямому указанию духовного лидера ИРИ. Однако тысячи аудиозаписей с выступлениями Соруша на социальные, политические, религиозные и литературные темы продолжали распространяться по всему миру и главным образом в Иране.

За острую критику философских, религиозных и политических основ нового режима Абдулкарима Соруша объявляют противником власти. Его отстраняют от преподавания, от общественной деятельности, а определенные экстремистские группировки угрожают ему убийством. Несмотря на это, Соруш выступает с публичными лекциями в Иране, которые сопровождаются серией беспорядков и чередой откликов недовольства со стороны официальных лиц. Все свидетельствовало о том, что подавляющая часть общества отвергает его взгляды.

В конце 90-х годов Соруш под давлением властей вынужденно уезжает за границу. С 2000 г. он читает в Гарвардском

университете курсы по темам: «Ислам и демократия», «Коранические учения» и «Философия исламского права». В 2002 и 2003 годах он читает курс «Исламская политическая философия» в Принстонском университете, выступает с лекциями в Германии. В настоящее время Соруш занимается научной деятельностью в США. В Интернете имеется его официальный сайт. В нем и других зарубежных публикациях Абдулкарим Соруш критикует недостатки сложившегося в Иране исламского правления, предлагает пути его преобразования. Некоторая часть сегодняшней иранской молодежи проявляет определенную приверженность его взглядам, видя в нем выразителя дум многих предшественников и современников, жаждущих создания истинно демократического исламского государства.

Выдвижение Сорушем ряда идей, неприемлемых для современного исламского государства в Иране, лишает его возможности открыто заниматься общественной и, более того, политической деятельностью в своей стране. Несмотря на это, на сегодняшний день Абдулкарим Соруш является одним из ярчайших представителей современной исламской интеллектуальной мысли. Свидетельством его мирового признания служит тот факт, что в апреле 2005 г. британская газета «Тайм Мегазин» включила Соруша в список 100 самых влиятельнейших людей 2005 г. в мире. Известный американский журналист Скотт Маклеод назвал Соруша «голосом иранской демократии». И, наконец, в 2004 г. Абдулкарим Соруш стал призерам ежегодной премии Эразмуса, врученной ему нидерландской организацией «Фонд Эразмуса».

Результатом плодотворной деятельности Соруша в течение многих лет стало написание нескольких книг, посвященных интерпретации и пониманию исламской религиозной системы и ее общественной миссии, а также критическому анализу представления об исламском государстве в современном мире.

Отправным пунктом всех концептуальных построений Соруша является то, что он выражает полное несогласие с обозначенным в государстве принципом «вelayат-е факих»⁵ и придерживается позиции плюрализма в вопросах веры и ее понимания. По его мнению, монополия духовенства на религиозную интерпретацию препятствует развитию современных демократических принципов, таких как свобода слова, печати, равные избирательные права, а также равенство в правах мужчин и женщин и т.д. Соруш, по сути, не согласен с тем, что

в руках духовенства оказывается такое важное средство управления иранским обществом, как иджитхад – вынесение суждений по вопросам исламской религии. Этим правом, по его представлению, должен быть наделен каждый человек в отдельности, так как не может существовать единого понимания религиозной веры. Такой вывод Соруш делает на основании разделения самой религии, ее догматического аспекта и религиозного знания как одного из видов человеческого знания.

Религия, по мнению Соруша, священна и божественна, а ее понимание – человеческое и земное. То, что остается неизменным всегда, – это религия, а то, что подвержено изменениям, – так это религиозное знание, которое вследствие своей незавершенности и культурной ограниченности требует постоянного пересмотра. Это представление о религии и религиозном знании легло в основу разработанной Сорушем концепции религиозного реформирования, а именно воплотилось в теории «сокращения и расширения религиозного знания»⁶.

Признавая необходимость реформ в религиозной сфере, человечество, по мнению Соруша, встает на путь религиозного возрождения и признания того факта, что временная природа религиозного знания нацелена на синхронизацию и адаптацию к научному знанию и достижениям новой эпохи. Можно сделать вывод, что «трансформация – есть форма жизнедеятельности знания, а жизнь человечества – отдаленная причина трансформации религиозного знания»⁷.

Убежденность в многообразии религиозного знания и необходимости его преобразования служит основанием философской аргументации Сорушем религиозного плюрализма. По его мнению, религия обладает двумя главными источниками: религиозными текстами и религиозным опытом. До тех пор, пока эти источники безмолвны и люди прислушиваются к мнению интерпретаторов, религиозное знание и религиозные интерпретации будут рассматриваться исключительно как монополистические, подвластные общему авторитету. Единственным выходом из этой ситуации является принятие религиозного плюрализма и веротерпимости на основе идеи о разнообразии религиозного знания⁸.

Признание этой идеи служит основой не только духовного, но и политического возрождения исламского общества. Религиозный плюрализм является мощным идеологическим основанием для построения общественной системы, где во главу

угла ставятся принципы равноправия, свободы слова, свободы вероисповедания и избирательные права граждан. Реформирование внутри исламской системы позволяет создать современное общество, где признается право каждого на участие в политической жизни страны⁹.

Так, создание в Иране современного гражданского общества, которым в концепции Соруша является религиозное общество, есть второй шаг на пути к модернизации государства и установлению в нем религиозной демократии вслед за реализацией парадигмы религиозного возрождения. Основная идея религиозного общества созвучна базисным характеристикам демократии и заключается в том, что в лоне этого объединения людей постоянно осуществляется решающий выбор в пользу той или иной парадигмы развития. Такое общество, трансформируя религиозное знание, проходит трудный путь сокращения, расширения, изменения и равновесия, что позволяет находить ответ на каждый поставленный вопрос. Принимая веру в ее первоизданном виде, не отягощенную культурными наслоениями, это общество будет стремиться к идейному равноправию между его членами. В результате главным преимуществом такого объединения будет свобода выбора ее участников¹⁰.

Сердце всего религиозного общества, таким образом, свободно в своем выборе, оно может менять свою точку зрения, выходить на новые горизонты. И поскольку в таком социуме отражены традиции гражданского общества, оно, обладая свободой выбора, вправе установить новую систему государственного управления – религиозную демократию, а также определить, посредством каких законов и кем будет реализовываться власть в стране¹¹.

В числе важнейших норм, заложенных в основе религиозной демократии, Соруш выделяет защиту личности, расширение законной дисциплины, ослабление тирании, уравнивание в правах знатных и обычных людей, благоволение общественному благу над индивидуальными интересами, гарантирование моральной критики, касающейся прав, обязанностей, справедливости и равенства граждан, а также необходимость увеличения благоприятной и провокационной чувствительности общества. В целом демократия в трактовке Соруша определяется как метод рационализации деятельности правителей, который состоит в переносе власти, разделении властных полномочий, утверждении парламента, общественном образовании, свобо-

де выражения мнений, многопартийности, утверждении свободных средств массовой информации, общественных выборах, консультативных ассамблеях на каждом уровне принятия решений. Философ отмечает, что в демократическом религиозном правлении не predetermined заранее, кто будет руководить обществом. Правители должны отбираться посредством рациональных методов. Религиозному обществу при этом вменено в обязанность, выбирать своих правителей посредством справедливых методов и ограничивать власть своих лидеров так, чтобы их ошибки в политике были сведены к минимуму, а их проступки демократически возмещены. Окончательный вывод: право людей – это право рационально управлять своим обществом, вести его по пути сокращения ошибок в сфере политики. И так как ни одна ошибка не должна быть повторена или оправдана в божественном праве, то получается, что земное правительство подходит только для самих людей, а не для Бога. Оно создано и разрушается только по желанию людей. А само это желание, в конечном счете, вдохновляется религией и высшим разумом¹².

Учитывая обозначенные критические моменты развития иранской государственности, Соруш признает крайнюю необходимость реформирования концепции исламского правления в современном мире. Совершенное исламское правление в идеале должно основываться на привлечении научных достижений современности, на прочной идеологической и ценностной базе (исламские традиции), на таких принципах, как плюрализм и веротерпимость. На основе соблюдения этих параметров должно быть сформировано гражданское общество, из которого произрастет современное исламское государство.

Сложный и долгий путь общественной трансформации, предлагаемый иранским мыслителем Абдулкаримом Сорушем, который приводит к новой политической теории и практике, представляет собой один из возможных вариантов модернизации в современных условиях развития стран мусульманского Востока. Пристальное внимание к существующим модернизационным парадигмам свидетельствует о сходных процессах и тенденциях, происходящих в общественно-политической мысли стран этого региона.

Основной причиной этого служит то обстоятельство, что длительный процесс общественного реформирования наряду с такими странами как Иран, наиболее ярко выражено про-

текает в Турции. На сегодняшний день турецкое общество снова переживает процесс внутренних изменений. Еще двадцать лет назад население страны с большими ожиданиями смотрело на процесс интеграции Анкары в Европейский союз и стойко придерживалось светских ценностей. Но по итогам социологических опросов за последние годы, количество сторонников исламского пути развития в Турции заметно выросло и сегодня составляет более 40 процентов населения. Причем эта когерентная группа населения за последние десять лет претерпела изменения, а именно – помолодела. По словам социологов, новое поколение граждан заметно отличается от своих предшественников. Свои возросшие политические ожидания они связывают не с Евросоюзом, а с сохранением традиционного образа жизни. Рост подобных настроений в Турции начался с того момента, когда в мире стартовала анти-террористическая кампания. Роль катализатора для политической жизни Турции сыграли и бурные процессы, протекающие на Ближнем и Среднем Востоке. «Исламский ренессанс» в Пакистане, Ливане и Палестине на фоне «военной демократии» в Ираке мобилизовал консервативные слои турецкого общества¹³.

Несмотря на засилье во властных структурах исламистских сил и наличие определенных традиционалистских настроений в обществе, турецкий народ не собирается отказываться от тех достижений, которых достигло государство за годы длительной европеизации страны со времен Ататюрка. Как и в случае с иранским обществом, существует необходимость принятия турецким обществом особого пути развития, новой концепции модернизации.

Подобный проект трансформации турецкого общества предлагает один из наиболее ярких общественных деятелей и мыслителей Турции Фетхуллы Гюлен. Широкую известность он приобрел благодаря активной деятельности в деле распространения и донесения до широких масс идей веротерпимости, религиозного плюрализма и веры. Не только в Турции, но и по всему миру Гюлен обрел большое количество учеников и последователей. В результате масштабного распространения его идей сформировалось особое общественное течение, призванное интегрировать каждого отдельного индивида в государственные структуры посредством разрушения традиционных формообразований политической власти, основанных

на местных и племенных сообществах. Трактуя и решая проблемы современности, движение Гюлена помогает формулировать решения на уровне индивидуальной автономии, которая подготавливает дорогу для развития и интеграции индивидуума в современном национальном государстве.

Воплощение в жизнь идей общественной интеграции происходит благодаря открытию Гюленом и его последователями частных учебных заведений во всем мире, посредством издательской деятельности, выпуску теле- и радиопередач, а также учреждению специальных премий для малоимущих студентов и учащихся. Так, Гюленом и его последователями была основана газета «Заман», начато вещание канала «Саманьолу» и новой радиостанции «Барк»¹⁴.

Последователи Гюлена учредили Турецкую Организацию преподавателей, публикуют ежемесячный журнал «Открытие» и два научных журнала: «Новая надежда» и «Источник». Под руководством движения Гюлена проводятся национальные и международные симпозиумы, экспертные обсуждения и конференции. Кроме этого, существующее внутри движения Сообщество журналистов и писателей, объединяет сторонников секуляризма и сторонников исламизации на так называемых встречах «Абант», где представители турецкой интеллигенции выдвигают различные идеи относительно таких принципов, как свобода слова, равенство, религиозная веротерпимость и т.д.¹⁵

По своим характеристикам ни одна из подструктур сообщества не основывается на семейных или племенных отношениях, а только на добровольном и активном участии в ней достаточно независимых индивидуумов. На такой базе общность Гюлена способна стать зачатком современного модернизированного общества Турции, в котором будут реализованы черты демократического государства и основные ценностные параметры исламской религии. В конечном итоге, успех движения Гюлена зависит от того, будет ли оно обращено к мировому сообществу, будет ли оно пластично в условиях постоянно меняющейся политической ситуации в Турции, сможет ли оно в действительности стать демократической общностью и улучшить свои отношения с турецким военным руководством и с отдельными представителями национальной элиты.

На сегодняшний день деятельность самого Фетхуллы Гюлена и его общественного движения в Турции вызывает отклики недовольства со стороны правительства. Постоянно возрас-

тающая популярность Гюлена в среде турецкого народа и консолидация вокруг него большого числа последователей становятся поводом для его обвинения в политических амбициях и в стремлении к обретению власти в турецком государстве. Хотя по сути деятельность Фетхуллы Гюлена носит в большей степени исследовательский, общественно-значимый и мировоззренческий характер.

Идейные воззрения Гюлена формируются в согласии с современной реформаторской традицией и во многом перекликаются с идеями Абдулкарима Соруша. Несмотря на то, что он де-факто находится во главе движения обновления интеллектуальной, социальной и духовной жизни мусульман, Фетхулла Гюлен всегда остается приверженцем исламских традиционных ценностей. Основными темами его исследований являются вопросы, касающиеся толкования Корана, современной науки, исламского понимания дарвинизма, социального права, понятия веротерпимости и плюрализма в исламе. Разрабатываемые Гюленом идейные конструкции формируют ценностную базу созданного им общественного движения.

Фетхулла Гюлен предлагает свою концепцию общественного развития и модернизации Турции. Подобно Сорушу, он обращается к исламу, как единственно достоверному источнику ценностей для формирования гражданского общества, как к сущности, индивидуальной для каждого. Исламская религиозная система как общественная сфера, главным объектом которой являются внутренние чувства и переживания человека, имеет отношение к постоянным и неизменным аспектам его существования, может выступать в современном мусульманском государстве в качестве философии жизни, как некий набор рациональных принципов. Кроме этого, исламская религиозная система может обращаться к современным научным достижениям, которые дополняют и расширяют представление об исламской вере в наши дни¹⁶.

В целом недопустимым было бы представление об исламе как чисто политической, социологической и экономической идеологии, а не о религии как таковой. Поэтому смысл религиозного возрождения для Гюлена заключается в принятии и всеобщем утверждении того факта, что ислам – это прежде всего идейная основа общества, которая регулирует частную сферу жизни, выдвигает на первый план соблюдение каждым отдельным человеком первостепенных религиозных догматов¹⁷.

Утверждение правильного понимания ислама, по мнению Гюлена, разрешает проблему формирования гражданского общества и демократии в мусульманской стране. В самой исламской системе заложены идеи общинности и целостности, поэтому в отличие от западной либеральной парадигмы исламская традиция позволяет создать государство, в котором все права одинаково важны, и право одного человека не может быть принесено в жертву ради интересов общества. Ислам несет в себе идею о том, что общество состоит из сознательных индивидов, имеющих свободу выбора и несущих ответственность за себя и за окружающих. Более того, в исламской концепции общественного развития содержится мировой аспект. Человечество в исламе предстает “мотором” истории, что противоречит фаталистическим западным философским конструкциям XIX века, таким как диалектический материализм и историцизм. Подобно тому, как свободная воля и поведение индивида определяют результат его жизни в мирском и в загробном мире, так и прогресс или упадок общества определяются волей, взглядами на мир и образом жизни его членов¹⁸.

В целом, по мнению Гюлена, исламская религия содержит в себе ценностную базу, которая должна лечь в основу гражданского модернизированного общества, ориентированного на современные формы политического устройства, новейшие научные открытия и достижения. Взаимодействие индивидов в таком обществе носит осознанный характер и предписывает выполнение ими определенных обязанностей, вследствие чего они избирают руководство и государственные органы, обеспечивающие контроль над исполнением этих обязанностей. Гюлен подчеркивает, что подобная система, характеризующаяся порядком сдержек и противовесов, основывается на общественном согласии и является единственно приемлемой для современного государства¹⁹.

Исследование Гюленом развития демократической традиции на протяжении всей истории человечества и поиск ценностной основы современной демократии приводит нас к выводу о том, что в будущем демократия способна превратиться в более человечную и справедливую систему при условии, что ее ценностной основой станут исламские идеалы. Религиозные принципы равенства, терпимости и справедливости могут послужить опорной силой в деле достижения демократических преобразований. Исламская религия была и остается той

идеологической базой для мусульманских стран, которая способна сформировать образ нового модернизированного общества, ориентированного на современные формы политического устройства, новейшие научные открытия и достижения.

Резюмируя идейные воззрения Абдулкарима Соруша и Фетхуллы Гюлена, можно отметить, что в контексте развития мусульманских стран любой проект модернизации и демократизации может быть реалистичным только при условии его осуществления в рамках или, по крайней мере, с учетом, исламской политико-правовой традиции. И наоборот, политические реформы вряд ли будут успешными, если они преподносятся как альтернатива исламу.

Актуальной задачей науки и политической практики является точное определение исламской религии и отведение ей соответствующего места в жизни общества. Современная религиозная практика, а вместе с ней и общественно-политическая должны основываться на синтезе ценностей ислама и современных научных достижений. Будущее мусульманского общества зависит от того, сможет ли оно, сохранив свою идентичность, ответить на вызовы современности.

¹ Формационный подход основывается на применении марксистско-ленинского учения о формации к исторической типологии социальных и политических систем. На основании выделения первобытно-общинной, рабовладельческой, феодальной, капиталистической, коммунистической стадий общественного развития определяются три типа эксплуататорских государств и государство исторически нового типа – социалистическое, которое соответствует переходному от капитализма к социализму периоду и 1-й фазе коммунизма – социализму. Каждый исторический тип государства соответствует определенной классовой структуре общества, которая обусловлена экономическим базисом общества, определяемым достигнутым уровнем развития производительных сил в обществе. См.: Политическая энциклопедия в двух томах под ред. Г.Ю. Семигина. Т. 2. М.: Мысль, 1999.

² Цивилизационный подход. Данная парадигма используется при анализе исторических типов социальных организаций, государств, политических систем, политических культур, устойчивых видов политической деятельности. В основе этого подхода лежит такое понимание цивилизации, в котором акцент ставится на выделение устойчивых типов обществ, идентификации народов на основе их социокультурной общности, присущей ему дифференциации жизне-

деятельности, устойчивой интегрированности в сообщество всех его территорий и групп, на единых духовно-культурных факторах и иерархии структур и ценностей, способах производства духовности, социализации, регулировании отношений. На основе Ц.п. можно выделить различные судьбы государств, разные исторические типы государств одного этноса, выделять некое множество культурных пространств, ареалов, в которых есть свои первоосновы жизни многих поколений. Политические отношения в обществе, с точки зрения Ц.п., могут анализироваться не только как инструмент, используемый в своих интересах господствующими в обществе группами, но и как результат действия сложившихся культурных нормативов, стереотипов, действующего мировоззрения, как результат конкретного исторического процесса. См.: Политическая энциклопедия в двух томах под ред. Г.Ю. Семигина. Т. 2. М.: Мысль, 1999.

³ Догоняющее развитие характерно для обществ тех стран, которые по тем или иным причинам отстали в своем развитии от развитых Западных стран и теперь за счет широкого использования опыта передовых государств пытаются догнать их по уровню и качеству жизни. Происходит так называемое «осовременивание вдогонку». Как правило, над обществом, которое встает на путь догоняющего развития, доминирует элита, оно развивается непропорционально. Зачастую насаждаемые такому обществу формы отношений не стыкуются с его исконным укладом жизни. См. Политическая энциклопедия в двух томах под ред. Г.Ю. Семигина. Т. 1. М.: Мысль, 1999.

⁴ Мамедова Н.М. Двадцать пять лет ИРИ как опыт исламского правления в современном мире // Двадцать пять лет исламской революции в Иране. Сборник статей ИВ РАН. М., 2005, с. 20.

⁵ «Велаят-е факих» – принцип главенства исламского шиитского духовенства в государственном управлении, который лежит в основе иранского государственного устройства (перс. ولایت فقیه, дословно – «копейка законоведа»). В данных условиях ни одно решение не вступает в силу, не будучи одобренным Высшим руководителем (Вали-е Факих). Даже демократически избранный кандидат на тот или иной пост требует утверждения Высшим руководителем.

См. <http://ru.wikipedia.org>

⁶ Soroush Abdolkarim. Reason, freedom and democracy in Islam. Oxford university press, 2000, с. 32.

⁷ Там же.

⁸ Heydar Shadi. Interfaith Dialogue and Religious Tolerance in Contemporary Islamic Thought: A Comparative Study of Fethullah Gülen and Abdul Karim Soroush. 22.11.2007 // www.fethullahgulen.org

⁹ Soroush Abdolkarim. Reason, freedom and democracy in Islam. Oxford university press, 2000, с. 33.

¹⁰ Там же, с. 135.

¹¹ Там же, с. 145.

¹² Там же, с. 152.

¹³ Каражанов Замир. Турецкий марш. Анкара выбирает исламские ценности со светским лицом, 27.04.2008, www.liter.kz

¹⁴ Bulent Aras and Omer Caha. Fethullah Gülen and his liberal "Turkish Islam» movement. 2000 // (<http://meria.idc.ac.il> journal)

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Фетхулла Гюлен. Сравнительный подход к исламу и демократии // Фетхуллах Гюлен: Очерки, перспективы, мнения. Новый Свет, М., 2006, с. 19.

¹⁸ Там же, с. 22.

¹⁹ Bulent Aras and Omer Caha. Fethullah Gülen and his liberal "Turkish Islam» movement. 2000 // (<http://meria.idc.ac.il> journal)

**А. ХАМЕНЕИ О СТРУКТУРЕ СОВРЕМЕННОГО МИРА
ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ПРОБЛЕМЫ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА**

Великий аятолла Сейед Али Хаменеи родился 15 июля 1939 г. в религиозной семье в г. Мешхед. Обучался в духовных семинариях Мешхеда, Неджафа, Кума. После 1962 г., присоединившись к движению Имама Хомейни, начал борьбу против режима шаха Пехлеви. За это неоднократно подвергался арестам и ссылкам.

Занимал многие важные посты: член Совета Исламской Революции, заместитель министра обороны Ирана, руководитель Корпуса Стражей Исламской Революции, имам пятничной молитвы в Тегеране, представитель Имама Хомейни в Высшем Совете Оборона, депутат от жителей Тегерана в Собрании Исламского Совета, глава Совета революции и культуры, с 1981 по 1989 г. президент ИРИ. С 1989 г. после смерти Имама Хомейни был избран на пост духовного лидера и фактически главы иранского государства. Является верховным главнокомандующим вооруженных сил Ирана. Ни одно важное решение в Исламской Республике не может быть принято без согласия А. Хаменеи¹.

* * *

Взгляды духовного лидера Ирана на проблему права человека наиболее ярко изложены в его выступлении «Права человека в исламе (Human Rights in Islam)» на пятой конференции исламской мысли, проходившей с 29 по 31 января 1997 г.² Впоследствии выступление стало частью книги великого аятоллы с одноименным названием.

Автор отмечает, что в течение последних десятков лет проблема прав человека носила больше политический характер, чем этической или правовой. Влияние политики на содержание термина сделало трудным понимание его истинного значения.

На Западе, пишет А. Хаменеи, несмотря на то, что тема прав человека была поднята мыслителями в период так называемого «поствозрождения», только в последние двести лет она стала актуальной в ряду политических и социальных проблем западного общества.

При анализе событий, связанных с социальными или политическими потрясениями, можно увидеть, что основные идеи прав человека всегда оставляли свой отпечаток на этих событиях. За последние десятилетия подобное положение дел достигло на Западе своего апогея. С созданием Организации Объединенных Наций (ООН) после окончания Второй мировой войны и подписанием Декларации прав человека была выстроена четкая формула критериев и оценок соблюдения этих прав.

А. Хаменеи отмечает, что в отличие от европейцев, которые обратили внимание на эту проблему всего несколько веков назад и уделяют особое внимание в последние десятилетия, в исламе эта тема уже давно прописана с разных позиций. Идея прав человека как фундаментальный принцип лежит в основе исламского учения, и для мусульман нет необходимости в ее повторной разработке. То, что привлекло к себе внимание человека в последние годы, известно мусульманам давно и содержится в многочисленных стихах Корана и традициях, полученных от пророков и имамов. Однако «сегодня на плечах исламского общества лежит большая ответственность сделать известным этот факт для всего мира и не позволить забыть учение ислама в буре политического крика и шума»³, то есть, изложить миру свое видение проблемы прав человека сквозь призму исламского учения.

В связи с этой темой нынешний духовный лидер Исламской Республики Иран поднимает четыре вопроса. Ответы на них во многом позволяют определить не только взгляды лидера на проблему прав человека, но и его представления о структуре современного мира.

Первый вопрос связан с эффективностью тех усилий, которые предпринимались после окончания Второй мировой войны во имя защиты и соблюдения человеческих прав. По мнению А. Хаменеи, ответить на этот вопрос не представляется сложным: для этого нужно всего лишь проанализировать состояние современного мира, в результате чего нетрудно прийти к выводу, что ответ отрицательный.

Взглянув на условия существования слаборазвитых стран мира, в которых проживает большая часть населения планеты, можно заключить, что «не только основная часть человечества не смогла добиться соблюдения истинных прав за последние пятьдесят лет, но и методы посягательства на права лишенных наций стали более изощренными и носят комплексный характер...»⁴. Те, кто, по мнению А. Хаменеи, больше всего высказывались в защиту прав человека в течение последних лет, сами же и «похоронили» фундаментальные права людей из стран третьего мира.

Духовный лидер ИРИ уверен, что во многом такому положению дел способствовало «попустительство» великих держав действиям определенных правительств и режимов, которые вообще отрицали основные права человека: без поддержки великих держав ни один диктатор сегодняшнего мира или деспот последнего полувека в Азии, Африке или Латинской Америке не мог бы установить свою диктатуру, заключает А. Хаменеи. Великие державы – это те самые силы, которые выдвигали большую часть лозунгов о правах человека, создали Организацию Объединенных Наций, которая, по мнению духовного лидера Ирана, даже сегодня находится у них «на посылках»⁵.

Автор убежден, что экономическая отсталость, голод, смертность в некоторых странах мира являются следствием интервенций и репрессий со стороны великих держав. Создатели ООН и инициаторы подписания Декларации прав человека, а также те, кто сегодня «без стыда называют себя защитниками этой Декларации», – настоящие виновники несчастий в странах Азии, Африки и Латинской Америки⁶.

Второй вопрос – были ли усилия по обеспечению и защите прав человека искренними? По глубокому убеждению А. Хаменеи, эти старания были неискренними. Очевиден тот факт, что немало философов, мыслителей и реформаторов исследовали этот вопрос, однако, отмечает великий аятолла, на политической арене доминировали и по-прежнему доминируют политики: соображения мыслителей, философов и ученых использовались ими в своих интересах. Именно политики и государственные деятели «раздули» тему прав человека и выставляют себя их поборниками, что заставляет А. Хаменеи сильно сомневаться в искренности попыток обеспечить и защитить права человеческих существ.

Соединенные Штаты Америки, которые в числе первых предложили подписать Декларацию прав человека, на самом

деле стремились таким образом распространить свое доминирование и гегемонию на весь мир. Они, пишет аятолла, не стремились обеспечить защиту прав, которые они постоянно нарушали в течение Второй мировой войны, уничтожив десятки тысяч людей во время атомной бомбардировки двух японских городов.

Третий и, по мнению духовного лидера Ирана, наиболее важный из всех вопросов – почему все усилия по обеспечению соблюдения и защиты прав человека оказались тщетными?

А. Хаменеи полагает: что бы ни делалось во имя прав человека, осуществляется в рамках ныне действующей «дефектной и нечестной» системы «политического доминирования капитала и силы», которые по своей сути являются «регрессивными» и «тираническими»⁷. Нет сомнений в том, что эта система контролируется теми же людьми, которые выступили с идеей подписания Декларации прав человека, полагает великий аятолла.

Система наглядно проявляет себя в деятельности и роли Организации Объединенных Наций, которая, по выражению духовного лидера Ирана, «самый выдающийся продукт усилий, предпринятых для защиты человеческих прав». В соответствии с подобной оценкой А. Хаменеи считает, что ООН должна играть более активную роль в решении основных проблем народов и в облегчении их страданий, в защите народов от выдвижения «несправедливых требований» со стороны «великих тиранических сил». Однако, полагает великий аятолла, сегодня в этом отношении Организация Объединенных Наций уступает даже большинству государств. Более того, она вмешивается в международные дела с позиций «проповедника». Совет Безопасности, который функционирует как основное место принятия решений, не способен, по мнению духовного лидера Ирана, оградить мир от тех, кто мешает развитию наций, так как великие державы, принимающие решения в Совете Безопасности, обладают правом вето и применяют его в случае, если решение направлено против кого-нибудь из них. Все органы ООН, будь они экономического, культурного или технического характера, находятся под влиянием великих держав. В частности, А. Хаменеи называет ЮНЕСКО «культурным агентством США»⁸.

Создатели ООН и Декларации прав человека – это люди, являющиеся в большинстве своем политиками и государственными деятелями, которые верят в систему «политического до-

минирования» и принимают ее как данность. Эта система признает существование группы людей, которая доминирует и должна доминировать над другими. Т.е. в представлениях великого аятоллы люди сегодня делятся как минимум на две группы: те, кто управляет миром и угнетает других людей, и те, кем управляют и кто подвергается угнетению. Великие державы убеждены в том, что эта система должна продолжать свое существование. А. Хаменеи с сожалением отмечает, что даже те, кто подвергаются угнетению, мирятся с таким положением дел. И это самый большой изъян в ныне существующем мироустройстве.

Таким образом, духовный лидер Ирана приходит к выводу, что ООН как наиболее «выдающаяся попытка» защиты прав человека доказала, что она – «неэффективный и беспомощный элемент, созданный для унижения народа, который не несет практической пользы»⁹. А ее вмешательство в дела на стороне великих держав превращает ее функции в «вассальные».

Тем не менее великий аятолла уверен, что мусульманам не стоит отрицать ООН как таковую, полагая, что организация должна быть существенно реформирована. У А. Хаменеи вызывает сожаление, что после стольких усилий и надежд, которые возлагались на эту организацию, она оказалась неспособной защитить права человека в современном мире.

Действие системы «политического доминирования капитала и силы» проявляется и в области нераспространения ядерного оружия. Причины появления и увеличения арсеналов ядерного оружия, особенно во времена «холодной войны», духовный лидер Ирана объясняет боязнью великих держав друг друга. Пытаясь «обмануть» других, ограничив их ядерные арсеналы, великие державы в то же время все больше и больше увеличивают свои собственные. Подобная ситуация как раз соответствует логике системы «политического доминирования». Великий аятолла с сожалением отмечает, что сама культура доминирования довлеет над умами людей.

А. Хаменеи также обращает внимание на то, что в культуре доминирования слова приобретают особое значение таким образом, что они подходят системе доминирования. В частности, слово «терроризм» определяется так, что, например, агрессия США против Ливии или вторжение на Гренаду не подпадает под это определение. Поэтому, полагает духовный лидер Исламской Республики, причину провала попыток в отношении обеспечения и защиты прав человека следует искать

в природе самой системы «политического доминирования», в рамках которой устанавливаются и декларируются права человеческих существ. Следовательно, можно прийти к выводу, что на практике соблюдение прав каждого человека в системе «политического доминирования» невозможно. Великий аятолла убежден, что эта система должна быть запрещена.

Таким образом, принимая во внимание тот факт, что система «политического доминирования» преобладает в мировой экономике, в культуре и международных отношениях, что тема прав человека существует внутри рамок этой системы, а также то, что сами люди стремятся защитить свободы и благосостояние своих граждан, например, в европейских странах, убивая при этом тысячи человеческих существ в других, А. Хаменеи приходит к выводу, что в рамках культуры доминирования люди делятся на две категории: те, чьи права должны быть защищены, и те, которые не имеют никаких прав, и их разрешено «убивать, поработать, покорять, захватывать их имущество»¹⁰. Эта система распространена по всему миру, и концепция прав человека – это «продукт такой культуры».

Духовный лидер Ирана также замечает, что в рамках существующей системы «политического доминирования» «определенные державы своей гегемонией навязывают международные правила». Он убежден, что принятие этих правил Исламской Республикой «было бы равносильно отречению от... национальной идентичности и исламских принципов». А. Хаменеи уверен, что «нет чести в том, чтобы совершать это, поэтому мы не поступимся нашими принципами только лишь для того, чтобы угодить миру... вершиной которого являются самонадеянные Соединенные Штаты»¹¹. Т.е. принятие навязанных миру международных законов означает отказ от ценностей Исламской Республики.

В этом контексте стоит, на наш взгляд, рассматривать и реакцию иранского руководства на резолюции Совета Безопасности ООН по иранской ядерной программе. Фактически Иран не признал ни одной резолюции СБ ООН, не уставая заявлять при этом, что иранская ядерная программа носит исключительно мирный характер и что Иран сотрудничает с МАГАТЭ в полном объеме. По сути, А. Хаменеи, оценивая статус и деятельность ООН в современном мире, а также заявляя о непризнании «навязанных» миру международных законов, форму которых принимают резолюции СБ ООН, дает понять, что Ис-

ламская Республика Иран в лице нынешнего руководства вряд ли вообще будет выполнять какие-либо, пусть даже согласованные, решения международного сообщества.

Этот вывод косвенно подтверждается и оценкой духовного лидера внешней политики ИРИ на современном этапе, которая, по его мнению, основывается на независимости и сохранении ценностей и принципов исламской системы, являющейся символом национального суверенитета¹². При вынесении решений, в том числе и внешнеполитических, ИРИ не отдает никакого предпочтения сильным мира сего, за что, по мнению духовного лидера Ирана, подвергается постоянному политическому, экономическому и военному давлению, а также «нападам мировой пропаганды»¹³.

В представлениях А. Хаменеи особое место в системе «политического доминирования капитала и силы» занимают Соединенные Штаты Америки. Признавая США «вершиной мира», духовный лидер Ирана тем самым определяет их как ключевой элемент системы «политического доминирования», выполняющий функции ее сохранения и укрепления. Аятолла характеризует правительство США как «воплощение надменности и высокомерия» и определяет любую борьбу с таким гонимом, а следовательно, и против правительства США как «справедливую» борьбу¹⁴.

А. Хаменеи уверен: США были «основными спонсорами тиранических и угнетающих режимов в мире»¹⁵. Они грабили национальные богатства и природные ресурсы других народов более алчно, чем любая другая колониальная держава. США стремятся установить «однополярную систему мира», но у них не хватает политической, моральной и идеологической компетентности, чтобы повести за собой весь мир¹⁶.

Основная причина сопротивления Ирана Соединенным Штатам и их доминированию в политике заключается в том, что «США в течение пятидесяти лет разрушали все иранские людские и природные ресурсы»¹⁷. Духовный лидер ИРИ приходит к выводу, что США разработали план свержения исламской системы в Иране.

А. Хаменеи полагает, что этот «американский план» похож на тот, который привел к распаду Советского Союза. При этом термин «американский план» включает в себя три важных компонента.

Во-первых, он подразумевает, что не только США, но и западноевропейские страны активно участвуют в заговоре против Ирана так же, как ряд европейских стран, таких как Велико-

британия и Германия, «полностью сотрудничали с США в распаде СССР»¹⁸.

Во-вторых, не стоит исключать внутренний фактор, который, в частности, способствовал распаду СССР. К этому фактору можно отнести крайнюю бедность, сильное экономическое давление на народ, жестокое «интеллектуальное удушение», коррупцию в управлении, бюрократизм, а также этнический компонент. Этими проблемами США, полагает аятолла, воспользовались в полной мере, чтобы разрушить Советский Союз.

В-третьих, «американский план» носил, по сути, невоенный характер и основывался на использовании средств массовой информации, таких как радио и телевидение. По оценкам духовного лидера Ирана, эффективность этих средств можно оценивать в 50–60 процентов. В этом же ряду стоит «культурная агрессия».

Пытаясь реализовать этот план, «враг... допустил ряд определенных ошибок»¹⁹. Основная проблема состоит в том, заключает А. Хаменеи, что США имеет превратные сведения о нынешнем положении в Иране, к которым привело неуместное сравнение его с Советским Союзом, в результате чего выявился ряд просчетов в реализации «американского плана». Их можно свести к следующим пяти пунктам: во-первых, М. Хатами – это не М. Горбачев; во-вторых, ислам – это не коммунизм; в-третьих, система Исламской Республики Иран – это не «диктаторский режим пролетариата»; в-четвертых, единый Иран не похож на бывший Советский Союз, который состоял из различных республик; в-пятых, враги недооценили роль религиозных и духовных лидеров Ирана.

Последний, четвертый, вопрос, который ставит великий аятолла, – какими должны быть средства против подобного положения дел в области прав человека?

По мнению А. Хаменеи, единственное средство – это «вернуться в ислам, к Божественному откровению»²⁰. Духовный лидер Ирана убежден в том, что в обществе необходимо «возродить традиции Корана и восстановить исламский образ мышления», т.е. вернуться к исламским истокам в правовых вопросах. Именно это поможет понять значение прав человека, будет способствовать «распознаванию» этих прав и поведет мусульман на борьбу по их защите.

А. Хаменеи особо отмечает, что человечество «должно защищать права силой»²¹. Исламским народам следует сопро-

тивляться «несправедливым претензиям» и доминированию великих держав, полагаясь при этом на исламскую идеологию. Таким образом, великий аятолла так же, как и Имам Хомейни, отвергает пассивное сопротивление в ожидании прихода «сокрытого имама»²² и предлагает активно бороться за свои права. В этой связи интересно определение, которое духовный лидер Ирана дает слову «терпение».

А. Хаменеи отмечает, что «когда бедные и отсталые народы... страдают от жестокого угнетения, или общество сталкивается с моральным разложением, бедностью... единственным результатом будет принятие этой горькой участи, т.е. терпение существующего состояния угнетения»²³. По мнению великого аятоллы, «превалирование такого менталитета в обществе... будет на руку эксплуататорам и угнетателям...»²⁴.

К сожалению, отмечает лидер Ирана, подобное понимание значения слова «терпение» способствует живучести удручающего положения дел в мусульманских странах. Однако вполне допустима и логична другая трактовка этого понятия. На основе исламских традиций «терпение» стоит определить как «сопротивление, оказанное на пути совершенствования человека против злоупотребления властью, коррупции и упадка»²⁵.

У духовного лидера Исламской Республики вызывает большую досаду тот факт, что, несмотря на существование ряда стран, которые, по его словам, «открыто и прямо» выражают свои взгляды, есть в мире страны, и их большинство, которые принимают нынешнюю систему доминирования и которым не хватает «мужества и храбрости» сопротивляться влиянию великих держав и бороться с ними, а это, по убеждению А. Хаменеи, вполне возможно: для этого нужны лишь ресурсы, которыми подобные страны обладают, и, пожалуй, самый главный ресурс – это опора на свой собственный народ. Препятствием на пути сопротивления, по мнению А. Хаменеи, является «слабость и предательство» некоторых глав государств²⁶.

Великий аятолла убежден: Исламская Революция в Иране – это во многом проявление активного сопротивления деспотическому режиму (режиму шаха Пехлеви). Краеугольным камнем Исламской Революции в Иране является ислам. Духовный лидер Ирана не сомневается, что «сегодня враги ислама делают все возможное, чтобы задушить исламское пробуждение мусульманских народов». Особенному давлению подвергается

Исламская Республика Иран, так как она является «главным источником и центром исламского возрождения»²⁷.

Таким образом, А. Хаменеи твердо стоит на позиции, что современный мир представляет из себя систему «политического доминирования капитала и силы», в рамках которой решаются все важные международные вопросы, в том числе проблема прав человека. Ядром системы являются Соединенные Штаты Америки, которые выполняют функцию ее охранителя, стража. США расположены как бы на вершине мировой пирамиды, они вместе со своими союзниками-единомышленниками, обозначаемыми А. Хаменеи понятием «великие державы», образуют каркас этой системы.

С целью придать легитимность своим действиям по защите существующего порядка, великие державы действуют через международно-признанные организации, такие как ООН, что делает ее проводником политики великих держав. Не отрицая ООН как таковую, А. Хаменеи тем не менее считает, что организация не выполняет свою главную задачу – защищать малые народы от «произвола» великих держав, поскольку ООН полностью находится под контролем последних.

Через различные организации, в частности ООН, великие державы «навязывают» международные законы, правила игры в рамках существующей системы, которые направлены на ее длительное существование. Исламская Республика Иран не признает эти правила, а следовательно, вряд ли будет выполнять согласованные решения международного сообщества по иранской ядерной программе. Более того, иранская внешняя политика нацелена на уничтожение существующей системы «политического доминирования капитала и силы» путем активного сопротивления, в том числе и вооруженного. В этой борьбе Ирану отводится место главного источника и центра исламского возрождения, т.е., по сути, лидера всех мусульман в их борьбе против «угнетения» со стороны великих держав.

¹ Круг полномочий, которыми наделен духовный лидер Ирана, делает его главным центром принятия важнейших решений по вопросам внутренней и внешней политики. В этом отношении президент Исламской Республики является не главой государства, как, например, в России или США, а лишь главой исполнительной власти, за исключением вопросов, входящих

в компетенцию духовного лидера ИРИ. Подробнее, см. статьи 110, 113 Конституции Исламской Республики Иран.

² Human Rights in Islam. Speech delivered by Ayatollah Ali Khamenei on the occasion of the 5th Islamic Thought Conference (29–31st January, 1997). Published in the Book «Human Rights in Islam».

http://english.khamenei.ir//index.php?option=com_content&task=view&id=705&Itemid=19

³ Ibid.

⁴ Ibid.

⁵ Ibid.

⁶ Ibid.

⁷ Ibid.

⁸ Ibid.

⁹ Ibid.

¹⁰ Ibid.

¹¹ Iran Will Never Compromise on Its Principles: Leader (August 18, 2003).

http://english.khamenei.ir//index.php?option=com_content&task=view&id=693&Itemid=30

¹² См.: Superpower Using International Law to Impose Their Will on World: Leader (August 18, 2003).

http://english.khamenei.ir//index.php?option=com_content&task=view&id=692&Itemid=30

¹³ Human Rights in Islam.

http://english.khamenei.ir//index.php?option=com_content&task=view&id=705&Itemid=19

¹⁴ Leader's Statements in a Meeting with Castro (May 9, 2001).

http://english.khamenei.ir//index.php?option=com_content&task=view&id=165&Itemid=31

¹⁵ Leader's Statements in a Meeting with Participants in IWMC (January 31, 2002).

http://english.khamenei.ir//index.php?option=com_content&task=view&id=162&Itemid=31

¹⁶ См.: Superpower Using International Law to Impose Their Will on World: Leader (August 18, 2003).

http://english.khamenei.ir//index.php?option=com_content&task=view&id=692&Itemid=30

¹⁷ Reforms: Strategies, Challenges (June 10, 2000).

http://english.khamenei.ir//index.php?option=com_content&task=view&id=170&Itemid=31

¹⁸ Ibid.

¹⁹ Ibid.

²⁰ Human Rights in Islam.

http://english.khamenei.ir//index.php?option=com_content&task=view&id=705&Itemid=19

²¹ Ibid.

²² Согласно шиитской догматике, «сокрытый имам» – это имам Махди, последний из двенадцати имамов, который таинственно исчез где-то между 871 и 878 гг. Скорее всего, он был убит, однако шииты считают, что он «сокрыт», т.е. был взят живым на небо и пребывает там по настоящее время, чтобы в день «Страшного суда» вернуться, устранив тиранию и установив на земле правду и справедливость. Шиитская доктрина о двенадцати имамах и особенно о «сокрытом» имаме Махди является основой шиитской догматики. Подробнее см.: *Дорошенко Е.А. Шиитское духовенство в современном Иране. – 2-е изд., доп. – М.: Наука, 1985. – С. 9–14.*

²³ Discourse on Patience. Lectures of Ayatollah Seyed Ali Khamenei. Translated by Hossein Alamdaar.

http://www.iranchamber.com/history/akhamenei/works/discourse_patience_khamenei.pdf

²⁴ Ibid.

²⁵ Ibid.

²⁶ Ibid.

²⁷ Leader's Speech in Commemoration of Imam Khomeini (June 04, 2003).

http://english.khamenei.ir//index.php?option=com_content&task=view&id=124&Itemid=31